

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Куликовская Екатерина Николаевна

Семантика перформативных глаголов в русских заговорах

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация

на соискание степени кандидата филологических наук

Научный руководитель

докт. филол. наук, доц.

Ягодкина Марьяна Валериевна

Санкт-Петербург — 2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Методологическая основа исследования феномена перформативности.....	18
1.1. Место перформативных исследований в научном дискурсе XX-XXI вв.	19
1.2. Лингвокоммуникативный аспект перформативного высказывания	25
1.2.1. Перформатив в теории речевых актов.....	25
1.2.2. Конвенционально-интенциональные характеристики перформативного высказывания	26
1.2.3. Различие между перформативом и констативом: констатация и экспликация иллокутивной цели.....	30
1.2.4. Соотношение между перформативом и иллокутивным актом	32
1.3. Перформативность как глагольная категория	35
1.3.1. Лексическая и грамматическая семантика перформативного глагола	39
1.3.2. Эксплицитная форма перформативного глагола.....	46
1.3.3. Канонические перформативные глаголы, квазиперформативы, композитные перформативы, полуперформативы	48
1.4. Социокоммуникативный аспект перформатива	54
1.5. Перформатив и семиотика культуры	62
1.6. Перформатив и перформанс	65
1.7. Иные подходы к перформативности: перформативность дискурса, жанра и текста	68
1.8. Заговор как перформатив	73
1.8.1. Номинативная и акциональная перформативность заговора.....	74
1.8.2. Перформативность заговора и фидеистические представления о языке 77	
1.9. Прагматика заговора.....	78
1.10. Перформативность заговора и теория речевых актов.....	79
1.10.1. Речевой акт заговора как неразделимое единство слова и действия	80

1.10.2. Конвенциональная обусловленность семантики перформативов в заговорах.....	83
1.10.3. Цель речевого акта.....	86
1.10.4. Перлокутивный эффект заговорных перформативных высказываний	90
1.11. Интерпретация заговорного перформатива с точки зрения речевого воздействия.....	91
Выводы по Главе I.....	99
Глава 2. Семантика перформативных глаголов в заговорах	102
2.1. Эксплицитные (канонические) перформативные глаголы.....	105
2.1.1. Глаголы с семантикой просьбы/приказа.....	105
2.1.2. Глаголы с семантикой призыва	112
2.1.3. Глаголы с семантикой социального взаимодействия	115
2.1.4. Глаголы с ритуально-магической семантикой	116
2.1.5. Глаголы с иной речевой семантикой	119
2.2. Классификация заговорных перформативных, полу- и квазиперформативных глаголов.....	123
2.2.1. Квази- и полуперформативные глаголы: постановка проблемы.....	123
2.2.2. Заговорные полуперформативные глаголы	124
2.2.2.1. Семантическая классификация заговорных перформативных каузативов.....	132
2.2.2.2. Иллокутивные характеристики заговорных перформативных каузативов.....	139
2.2.2.3. Адресованность заговорных перформативных каузативов	150
2.2.3. Заговорные полуперформативы: итоговые критерии и обоснование выделения	154
2.3. Заговорные квазиперформативные и квазиполуперформативные глаголы	155
2.3.1. Понятие квазиперформативности	155
2.3.2. Квазиперформативные глаголы в заговорах.....	158

2.3.3. Композиты и псевдокомпозиты	162
2.3.4. Квазиполуперформативные глаголы	164
2.4. Конструктивное место перформативного глагола в композиции заговора	166
2.5. Концепция электронного словаря перформативных глаголов в русских заговорах	179
Выводы по Главе II	188
Заключение.....	192
Список использованной литературы.....	206
Приложение 1. Классификации заговорных перформативных единиц	224
Приложение 2. Примеры статей словаря «Перформативные глаголы в русских заговорах».....	250
Приложение 3. Скриншоты программы для управления электронным словарём перформативных глаголов в русских заговорах	261
Приложение 4. Патент на программу для управления электронным словарём перформативных глаголов в русских заговорах	263

Введение

Перформативные исследования в настоящее время являются особой областью научного знания, сформировавшейся на стыке философии, лингвистики, коммуникологии, социологии, культурологии, искусствоведения, литературоведения и других смежных дисциплин.

Исследовательскому интересу к перформативности способствовало становление неклассической научной картины мира и распространение лингвосомиотического подхода в гуманитарных науках, произошедшее благодаря таким учёным и философам, как Л. Витгенштейн [Витгенштейн 2011], Р. Карнап [Карнап 1993], Ч. Пирс [Пирс 2000], Ф. де Соссюр [Соссюр 1999], Р. Барт [Барт 1974], Э. Кассирер [Кассирер 2002], К. Леви-Строс [Леви-Строс 1985], Ж. Лакан [Лакан 1996], В. Я. Пропп [Пропп 1928], А. Греймас [Греймас 1996] и др.

Перформативные речевые акты изучали Дж. Остин [Остин 1986], Дж. Серль [Серль 1982; 1987], Д. Вандверкен [Серль, Вандверкен 1986], З. Вендлер [Вендлер 1985], П. Ф. Стросон [Стросон 1986], Дж. Ф. Аллен, Р. Перро [Ален, Перро 1986], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1990; 1998], Г. Г. Кларк [Кларк 1986], В.М. Аврасин [Аврасин 1999], Д. Гордон, Дж. Лакофф [Гордон, Лакофф 1985], Г. Хельбиг [Хельбиг 1978], В. Fraser [Fraser 1975], А. А. Романов [Романов 1981; 1984; 1987], Л. А. Романова [Романова 2009], В. В. Богданов [Богданов 1983], Е. С. Петелина [Петелина 1986], Й. Крекич [Крекич 1993], А. Вежбицка [Вежбицка 1985], А. И. Изотов [Изотов 1997], Г. Г. Почепцов [Почепцов 1978; 1981], Дж. Катц [Katz 1977], Ю. П. Князев [Князев 1994], Н. Haverkate [Haverkate 1979], D. Stampe [Stampe 1975], G. Leech [Leech 1976], Ю. Хабермас [Хабермас 2002], И. М. Кобозева [Кобозева 1986], Л. А. Демина [Демина 2009] и другие.

Исследователями речевых актов речь была описана как способ производить действия, определены условия успешности перформатива,

структура иллокутивного акта и введён терминологический аппарат для изучения коммуникации.

Помимо теории речевых актов, существует традиция исследования перформативности как глагольной категории. Перформативный глагол изучали Э. Кошмидер [Кошмидер 1962], Ю. Д. Апресян [Апресян 1995], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974], Д. Войводич [Войводич 1999], В. С. Истомин [Истомин 1979], С. В. Кодзасов [Кодзасов 2003], Е. А. Красина [Красина 1999], М. Ю. Михеев [Михеев 2003], Г. И. Кустова, Е. В. Падучева [Кустова, Падучева 1996; Падучева 2016], Д. О. Добровольский [Падучева, Добровольский 2010], В. В. Богданов [Богданов 1983], Дж. О. Урмсон [Урмсон 1985], Ю. П. Князев [Князев 1993], Р. Amrhein [Amrhein 1992], И. М. Кобозева [Кобозева 1986] и другие. Несмотря на то, что перформатив несводим к каким-либо лексемам, выделяются семантические и грамматические признаки перформативного глагола: наличие определённых сем, особые грамматические формы, специфические временные, видовые и сочетаемостные характеристики. Данные признаки не только объединяют рассматриваемые глаголы в перформативную группу, но и служат основанием для подразделения лексем внутри группы на перформативные, квазиперформативные, полуперформативные глаголы.

Современные исследователи применяют к перформативности и иные методологические парадигмы: так, Н. В. Горбачева рассматривает перформативность как когнитивно-дискурсивное явление, используя при её анализе деятельностный подход [Горбачева 2015]; В. И. Тюпа также понимает перформативность как дискурсивное явление [Тюпа 2013]; А. В. Карабыков анализирует характерологические признаки перформативов, уникальные для каждой культуры [Карабыков 2010]; С. Г. Проскурин описывает культуру как сеть, состоящую из узлов (перформативных высказываний) и нитей, их соединяющих (комментариев к перформативам) [Проскурин 2012].

Итак, перформативность как категория достаточно хорошо исследована с разных точек зрения, однако интерес к ней нельзя считать исчерпанным. Во-первых, несмотря на широкий охват перформативными исследованиями самых разных сфер жизни, ощущается отсутствие единой методологии и структуризации знания внутри данной области, а также использования единой терминологии. Во-вторых, некоторые важные аспекты перформатива до сих пор затрагивались лишь косвенно, в рамках работ на другие темы, а исследовательские замечания по поводу необходимости изучения данных аспектов остаются без реализации: среди них замечания Ю. Д. Апресяна о словарном описании перформативных глаголов [Апресян 1995], вопрос о различии между перформативами и квазиперформативами [Кустова, Падучева 2003], исследование перформатива с точки зрения речевого воздействия на реципиента [Романова 2001] и пр.

В-третьих, существует большое количество языкового материала, изучение которого в русле перформативных исследований могло бы существенно обогатить, с одной стороны, само представление о типологии и функционировании перформативов, с другой стороны, углубить интерпретацию данного материала.

Один из видов подобного материала представляет собой заговорно-заклинательный текст, прагматическая функция которого заключается в прямом воздействии на объекты реального мира с использованием магической функции языка [Якобсон 1975]. Магический дискурс вызывает особый интерес, поскольку он полностью соответствует прагматическим критериям перформатива. Свойства магических текстов изучали А. Н. Афанасьев [Афанасьев 1995], Ф. И. Буслаев [Буслаев 1861], А. Н. Крушевский [Крушевский 1998], А. А. Потебня [Потебня 1887], Н. Ф. Познанский [Познанский 1995], Е. Елеонская [Елеонская 1994], В. Ф. Миллер [Миллер 1896]), М. Гастер [Gaster 1900], А. Н. Веселовский [Веселовский 1989], А. В. Юдин [Юдин 1992; 1997], Т. С. Юманова [Юманова 1988], В. А. Москвина [Москвина 1997], Л. В. Фадеева [Фадеева 1997]

И. Ю. Черепанова [Черепанова 1995], В. Л. Кляус [Кляус 1997] и многие другие. Заговор как перформатив рассматривали L. Kaufmann [Kaufmann 2014], С. Б. Адоньева, Е. Н. Левкиевская [Левкиевская 2002], Н. И. Коновалова [Коновалова 2004], А. И. Геляева, Д. И. Хучинаева [Геляева, Хучинаева 2015], Н. А. Труфанова [Труфанова 2020], Е. А. Кривенко [Кривенко 2015], М. Вильякайнен [Viljakainen 2011], Д. Вукелич [Vukelić 2019], Д. Николич [Nicolić 2019] и др.

А. А. Романов, Е. А. Романова, Е. Г. Федосеева [Романов, Романова, Федосеева 2013] рассматривают заговор как вид ритуальной коммуникации, обладающий свойством перформативности наряду с другими сакральными коммуникативными актами. Н. В. Гульяева, исследовав лексику русского заговора, делает замечание о том, что заговор перформативен и ядром заговорной перформативности являются глаголы [Гульяева 2000].

В настоящее время отсутствует исследование, полностью посвящённое перформативности заговора. На наш взгляд, данное исследование необходимо, поскольку заговор представляет собой уникальный вид текста, перформативность которого является его определяющей чертой и основана на буквальном понимании магической речи как автореферентного высказывания. Заговор представляет собой материал, к которому применимы все основные подходы к перформативности: речеактовый, поскольку заговор функционирует в составе коммуникативного акта ритуала; культуролого-дискурсивный, так как заговорные тексты представляют собой ядерные элементы, культурные ценности, вокруг которых выстраивается дискурс; наконец, лингвистический, поскольку перформативность заговора выражается при помощи лексических средств языка.

Перформативные глаголы в заговорах должны стать объектом особого внимания, так как, с одной стороны, их рассмотрение позволяет исследовать заговоры с речеактовой точки зрения за счёт экспликации каноническим перформативным глаголом иллюкутивной силы речевого акта; с другой стороны, заговоры содержат богатый лингвистический материал, который

может серьёзно расширить представление о русских перформативных глаголах. Это предположение явилось **гипотезой**, проверка которой была проведена нами в ходе данного исследования.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Глагол является важнейшим средством выражения категории перформативности в текстах русских заговоров; особый интерес представляют эксплицитные формы.
2. В заговорах перформативные глаголы в эксплицитной форме приобретают особые семантические, синтаксические и прагматические характеристики.
3. В заговорах выделяются канонические, квазиперформативные, полуперформативные и квазиполуперформативные глаголы. Существуют три критерия, на которых основана данная классификация: каузативность, иллокутивные характеристики и адресованность.
4. Семантикой перформативного глагола во многом обусловлена его конструктивная позиция в тексте заговора.
5. Перформативность заговора представляет собой лексико- и функционально-семантическую полевую структуру, в оформлении которой задействованы коммуникативный, семантический и грамматический критерии.

Актуальность исследования обусловлена широким распространением и активным развитием антропоцентрического и коммуникативного подхода к исследованию текстов; возникновением новых видов коммуникации, таких как креолизованная интернет-коммуникация, в которой, как и в ритуале, сочетаются вербальный и невербальный планы; разработкой подходов к лингвистическому изучению рекламных суггестивных текстов, структурно и прагматически схожих с заговорами («Подобно рекламе, заговоры актуализируются при произнесении текста и ориентированы на немедленное достижение результата, являясь, таким образом, ярким воплощением

тождественности слова и дела» [Четыркина 2002: 221]); распространением социальных сетей и связанным с этим вынесением магического дискурса в публичное пространство, интенсивным развитием урбанистической фольклористики, изучения городской мифологии, городских магических практик и всего того, что обуславливает выход фольклора за пределы породившей его среды [Христофорова 2012; Байудж 2016; Неклюдов 2019].

Новизна результатов проведённого исследования заключается в выборе перформативных глаголов в заговорах в качестве материала для анализа; в комплексном подходе к исследованию перформативных глаголов в русских заговорах с позиции семантики, лингвопрагматики, фольклористики, теории речевых актов; в разработке и обосновании критериев выявления полуперформативных глаголов в русских заговорах; в построении типологии перформативных глаголов в русских заговорах; в выявлении места и роли глагольной перформативной формы в структуре заговора; в составлении словарных описаний для русских заговорных перформативных глаголов. В исследовании установлены связи между существующими концепциями перформативного глагола и перформативностью заговорного текста, что углубляет и расширяет интерпретацию заговора как перформатива; результаты могут найти широкое применение в лексикографии русского языка. Разработаны методологические основы исследования на базе классических и современных научных работ в области семантики русского языка, теории речевых актов, лингвопрагматики, языка фольклора; описаны теоретические основания исследования, определён его терминологический аппарат; раскрыто содержание понятий «перформатив», «перформативный глагол», «полуперформативный глагол», «квазиперформативный глагол»; описаны различные исследовательские подходы к интерпретации данных понятий; произведён отбор перформативных лексических единиц, использующихся в текстах заговоров; установлены и обоснованы критерии для выявления в заговорах иных перформативных единиц — полуперформативных глаголов; обоснована и построена классификация

заговорных перформативных глаголов; предложены словарные описания для заговорных перформативных и полуперформативных глаголов; на основе полученных результатов разработана концепция электронного словаря перформативных глаголов в русских заговорах.

Объектом исследования являются перформативы и перформативные глаголы в текстах русских заговоров. Под перформативом понимается высказывание, эквивалентное поступку. Под перформативным глаголом понимается глагол, выражающий цель перформативного речевого акта (приказываю, обещаю, возражаю, нарекаю), как правило, в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. **Предметом** исследования являются семантические особенности, приобретаемые перформативными глаголами в заговорах, лексико-семантические группы заговорных перформативных глаголов, место перформативных глаголов в композиционной структуре заговорного текста, а также критерии и типология иных перформативных единиц, отличных от канонических перформативных глаголов, в составе заговоров.

Целью настоящей работы является всестороннее описание перформативных глаголов, использующихся в русских заговорах. Данная цель обусловила следующие **задачи**:

— рассмотреть существующие методологические подходы к исследованию перформативных высказываний как речевых актов, перформативных глаголов как лексических единиц, а также подходы к изучению заговорно-заклинательных текстов фольклора;

— проанализировать семантику и функционирование канонических перформативных глаголов, использующихся в заговорах;

— выявить в заговорах и описать иные лексические единицы, структурно схожие с каноническими перформативными глаголами;

— обосновать и построить классификацию перформативных глаголов на материале русских заговоров;

— охарактеризовать функции перформативных глаголов в структуре заговора как перформативного текста.

Использованы следующие **общенаучные методы**: анализ, синтез, классификация, моделирование, сравнение. Анализируя языковой материал, мы обратились к следующим **частным лингвистическим методам**: метод сплошной выборки, метод языкового моделирования, метод каузативной перифразы, метод семного анализа, элементы метода компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод семантических примитивов.

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом, с одной стороны, в исследование перформативных глаголов, с другой стороны, в традицию анализа заговорных текстов за счёт выявления лингвистического основания для возможной последующей классификации заговоров на основе типа иллокутивного акта, эксплицированного перформативным глаголом.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов и фактического материала в процессе преподавания русского языка, при создании профильных учебников и учебных пособий, лексических минимумов и учебных словарей, в курсе лекций по лексикологии и прагматике русского языка, а также в лексикографической практике при составлении словарей, словников, тезаурусов.

Материалом послужили перформативные глаголы и иные перформативные единицы, выделенные нами в процессе анализа заговорных текстов. Методом сплошной выборки были отобраны 645 глагольных словоупотреблений в эксплицитной перформативной форме. Количество слов в указанной форме составило 227 единиц. Из них, используя установленные нами критерии, мы обозначили 209 единиц как перформативные и полуперформативные глаголы. Дополнительно, в качестве материала для сравнения, методом частичной выборки было отобрано и описано 674 квазиперформативных и квазиполуперформативных

словоупотреблений (178 слов). Общее количество рассмотренных единиц составило 1319 словоупотреблений и 387 слов.

В связи со спецификой объекта исследования (глагольные лексемы в перформативном ритуально-магическом употреблении), основным критерием выбора материала стала возможность рассмотрения разнообразных перформативных прагматических контекстов. Было рассмотрено 2484 заговора со следующими тематиками: промысел (улов, удача в охоте, от ворона, на оружие, защита оружия от порчи и снятие порчи с оружия, на охрану пойманной дичи, пчеловодство); отношения с природой (чтобы выйти из леса, войти в лес, чтобы не заблудиться в лесу, при собирании целебных трав, к морозу, для утоления вихря, отношения с лешим, на успешный поиск женьшеня); земледелие (на урожай, на дождь, на рост растений, при жатве, при конце молотбы, от засухи, на лето, перед посевом, на хлеб, ко льну, ко хмелю, на охрану урожая, на охрану снопов); огородничество; скотоводство (выгон скота, безопасность скота, чтобы скот держался дома, на приплод, при приводе новой скотины, на удой, от болезней скота, чтобы вернуть отнятое молоко, ладка вымени); военное дело; болезни (от всех болезней, на здоровье, от утина, от ожога, от ран (стрел), от нарыва, от икания, от нодкоеда, на чахоту, на родимец, от щетинки, от крикс, от зубной боли, от ушной боли, от глазной боли, от кожных болезней, на свороб, от жабы и ангины, от горловых болезней, от зоба, от вывиха, от кил, от щемоты, от болезни лёгких, от испуга, от доспешки, от золотухи, от рожи, от краснухи, от фурункулов, от лишая, от кругов, от ячменя, от грудницы, от кровотечения, от бессонницы (у взрослых и детей), от волоса, от рахита, от мозолей, от бородавок, от змеиного укуса, от бельма, от колотья, от усоей, от горячки и лихорадки и кумахи, от огницы, от нутренной нутрянки, от плотской немощи, от надсады, от потницы и недержания мочи, от хомута, от сибирки, от подкожных нарывов, от коросты, на облегчение смерти, от пьянства и похмелья, от тоски, от думы, при занозе, поясницы, от сучьего вымени, от рака, от сотрясения мозга); магические нападения (от порчи,

сглаза, уроков, икоты, наведение порчи, икоты); роды и новорожденные (на облегчение родов, на благополучие младенца, при отнятии от груди); вредители (от насекомых, грызунов, червей, воробьёв, птиц, мышей, клещей, клопов); любовь и брак (приворотные, отворотные, на разлучницу, чтобы привязать мужа или сына к дому, чтобы муж не гулял, на женихов, на согласие супругов, при бракосочетании, после венчания, на любовь мужа, от побоев мужа, облегчение сватовства, при проводах жениха и невесты, защита свадебного поезда); социум, вражда, первенство (на успех в суде, следствии и при походе к начальству, в торговле, от завистников и недругов, на красоту, на разлад в чужой семье, чтобы остановить чужой свадебный поезд, на неурожай, чтобы испортить оружие, на первенство в доме, на почёт и уважение, при просьбе, на добрые дела, от драки, на успокой); опасность и защита (на воров, на дорогу, от разбойников, от покойника, от грозы, от пожара, от собак, от волков, на сон грядущий, при пробуждении, от кикиморы, от огненного змея, от нечистых духов и бесов, от града, чтобы не встретить змеи, защита при гонке дёгтя, заковывание, от колдунов, от всех напастей); дом и двор (отношения с домовым и баенником, успех в домашнем хозяйстве и при обращении с животными, на мир в доме); спорт (кулачный бой); на пропажу человека; от усталости тела на жатве; на первую пряжу; на получение знаний (на вещий сон); поиск кладов; на желание.

Мы стремились затронуть основные регионы, где активно собираются русские заговоры: Русский север, среднюю полосу, Сибирь и Дальний Восток. Мы рассмотрели вологодские заговоры (Бассейн реки Сухоны, Белозерский край, бассейн реки Шексны, Кадуйский район, Сямженский, Череповецкий и Верховажский районы); заговоры Архангельской области (Каргопольский, Плесецкий и Онежский районы, Пинежский район, бассейн Северной Двины, Мезенский, Лешуконский, Шенкурский районы), заговоры Новгородской области (Старорусский, Новгородский, Крестецкий, Боровичский, Валдайский, Хвойнинский, Батецкий, Маревский, Демянский, Окуловский, Мошенский, Маловишерский, Пестовский районы); а также

олонецкие, московские, тверские, орловские, курские, владимирские, нижегородские, воронежские, саратовские, вятские, калужские, тульские, пензенские, симбирские (ульяновские), енисейские (красноярские), ярославские, тамбовские, астраханские, донские, пермские, уральские, южносибирские, томские, забайкальские, тюменские и другие заговоры практически всех районов Сибири.

С целью исследовать разнообразные заговоры, в которых используются перформативные глаголы, хронологический период был взят также достаточно широкий: заговоры XVII-XIX столетий, записи второй половины XX века и современные записи.

Вышеизложенные соображения обусловили выбор печатных источников: мы обратились к сборникам, носящим компиляционный характер, обобщающим результаты исследований предшественников. Были использованы следующие издания: материалы Фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета и архива Пропповского центра, в 2020 году обобщённые в сборнике «Магические практики севернорусских деревень» (1272 страницы); сборник «Календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока», в который включены тексты из различных изданий Императорского русского Географического общества, из периодики старой Сибири, сибирские заговоры из библиотек и архивов страны (АГО, Пушкинский дом, ГАИО, ЦГА Республики Бурятия, РО БФ СО РАН), в архивах вузов Сибири, тексты из других сборников сибирских собирателей; сборник, составленный по материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета; классический сборник Л. Н. Майкова, обобщивший публикации XIX века.

В результате нами оказались охвачены заговоры, которые используются практически во всех сферах народной жизни. Из указанных сборников были отобраны только тексты, обозначенные составителями как заговоры (заклинания), однако в некоторых случаях мы также обращались к

приговорах, сопровождающим обряд, и к текстам народных молитв (данные случаи связаны с наличием в указанных текстах перформативных глаголов).

Обоснованность и достоверность научных результатов обусловлены применением лингвистического методологического инструментария, разработанного в школах отечественной и зарубежной русистики и многократно подтвердившего свою состоятельность: анализируя материал, мы опираемся на работы Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], А.В. Бондарко [Бондарко 1998], В. В. Виноградова [Виноградов 1977], О. П. Ждановой [Жданова 1989], Н. В. Цветкова [Цветков 1984], Л. М. Васильева [Васильев 1981], М. Гиро-Вебер [Гиро-Вебер 1990], Е. А. Дадуевой [Дадуева 2011], И. М. Кобозевой [Кобозева 2007], С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001], А. А. Уфимцевой [Уфимцева 1968], Ф. П. Филина [Филин 1982] и др. Выделение нами единых глубинных структур перформативных высказываний находится в русле магистральных подходов, занявших прочное место в современной теории языка: мы основываемся на трудах Ч. Филлмора [Филлмор 1988], Н. Хомского [Хомский 1962], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1996]. Нами проанализировано 288 источников, включая работы, посвящённые перформативам, общетеоретические труды, словари и справочники.

По теме диссертационного исследования нами опубликованы следующие **статьи** в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Куликовская, Е. Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов [Электронный ресурс] / Е. Н. Куликовская // Мир русского слова. – 2019. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 13.06.2021).

2. Куликовская, Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения / Е. Н. Куликовская // Рема. Rhema. – 2021. – № 1. – С. 30-55.
3. Куликовская, Е. Н. Перформативность глаголов речевого действия в русских заговорах / Е. Н. Куликовская // Филология и культура. – 2019. – №3 (57). – С. 65-73.
4. Куликовская, Е. Н. К вопросу об иллокутивной силе перформативных глаголов в заговорах / Е. Н. Куликовская // Мир русского слова. – 2021. – №4. – С. 22-30.
5. Куликовская, Е. Н. «Слово как действие» в русских заговорах / Е. Н. Куликовская // Русская речь. – 2022. – №1 (в печати).

Положения диссертации отражены также в следующих **публикациях**:

1. Куликовская, Е. Н. К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров / Е. Н. Куликовская // Art Logos. – 2021. – №2 (15). – С. 160-168.
2. Куликовская, Е. Н. Коммуникативная и лексико-семантическая перформативность в текстах русских заговоров / Е. Н. Куликовская // Материалы Международной научной конференции: XXV Юбилейные Царскосельские чтения, Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2021 г. – СПб, 2021. – С. 354-356.
3. Куликовская, Е. Н. Русские заговоры в зеркале теории речевых актов / Е. Н. Куликовская / Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, 6-8 июня 2019 г. – М, 2019 – С. 199-200.

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на следующих **конференциях**:

1. XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936-2019),

- Санкт-Петербургского государственного университета. СПб, 16-24 ноября 2020 г.
2. XIX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Институт языкознания Российской академии наук, Российский университет дружбы народов. М., 6-8 июня 2019 г.
  3. XXV Юбилейные Царскосельские чтения. Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. СПб, 20-21 апреля 2021 г.
  4. XXVI Международная научная конференция Пушкинские чтения – 2021. Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. СПб, 5-6 июня 2021 г.
  5. V Международная конференция «Русский язык в контексте национальной культуры». Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Национальный Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Саранск, 14-16 октября 2021 г.
- Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключение, списка литературы и дополнена приложениями.

Глава 1. Методологическая основа исследования феномена перформативности

Представление о перформативности языка как возможности совершать действия посредством речи является культурным концептом, отражение которого можно обнаружить уже в сакральных текстах V-VII вв. [Исаева 1996; Кассирер 2002: 55]. Так, высказывание «В начале было Слово» постулирует наличие исходного перформатива, принимаемого на веру и выступающего в качестве узла сети нарративных высказываний, которые объясняют данный перформатив и сопутствуют ему [Проскурин 2011: 25]. Истоки перформатива, по утверждению В. И. Тюпы, следует искать в магическом дискурсе [Тюпа 2014]. Интерпретации языка как перформатива можно найти в Авесте, Сефер Йецире, Ригведе, Ветхом и Новом Завете [Авеста в русских переводах 1997; Сефер Йецира 2007: 52-56; Елизаренкова 1993; Санников 2018]. Перформативность языка допустимо понимать как концептуальный феномен коллективного языкового сознания [Колесов 2012], отразившийся, помимо сакральных текстов, в таких поговорках, как «Мал язык, да всем телом владеет», в поэзии [Гумилёв 1991; Цветаева 1997], эссеистике [Блок 1986] и пр.

Объектом философской, филологической, искусствоведческой, социологической рефлексии перформативность становится в середине XX в. В качестве предпосылок научного интереса к перформативности мы выделяем следующие факторы:

- поворот к постнеклассической научной картине мира;
- возросшая роль языка в философии структурализма, постструктурализма и постмодернизма;
- лингвистический поворот в философии: возникновение теории речевых актов;
- сближение ритуала и театра в искусствоведении: появление перформанса как жанра;

- распространение семиотических подходов в смежных научных областях: развитие социального конструкционизма.

Началом перформативных исследований считаются работы Дж. Остина «Слово как действие» и «Performative-constative» [Остин 1986; Austin 1963], где впервые используется понятие перформатива применительно к речевым актам, посредством которых совершаются действия, такие, как наречение корабля, бракосочетание и пр. В настоящее время поле перформативных исследований намного шире исследования речевых актов. Основными признаками перформативного подхода к анализу языковых и социальных явлений, на наш взгляд, являются:

- идея конструкционизма: мировоззрение, ценности, факты, идентичности и пр. конструируются в ходе некоторых процедур (операций);
- идея языковых игр;
- представление об интенциональности и конвенциональности как ключевых аспектах социального взаимодействия;
- синкретический подход;
- языковой (семиотический) подход к анализу событий, в том числе неязыковых.

Представляется необходимым кратко охарактеризовать круг идей, проблем и научных представлений, который позволил перформативным исследованиям получить развитие и принять в конечном итоге именно ту форму, которую они имеют в настоящий момент.

1.1. Место перформативных исследований в научном дискурсе XX-XXI

ВВ.

Произвольность отношения между означающим и означаемым [Пирс 2000, Соссюр 1999], а также гипотеза лингвистического релятивизма [Сепир 1999; Уорф 1999] заложили основу для представления общества, научного

знания, картины мира как относительных и, следовательно, конструируемых явлений [Барт 2001; Кассирер 2002; Леви-Строс 1985; Лакан 1996; Пропп 1928]. В эпоху структурализма представления о мире начинают рассматриваться не как отображение объективной действительности, а как конструкт, зависящий от множества факторов, например, от исторической эпохи [Фуко 1977: 34]. Социальные агенты конструируют социальную действительность при помощи жестов, языка и прочих видов символов [Гуссерль 2005; Мерло-Понти 1975]. В качестве основного способа конструирования выступает язык: поскольку языковая традиция существует до момента, когда в неё входит говорящий субъект, она способна предопределять формирование психической жизни субъекта [Лакан 1996: 30-31]. Параллельно классической семиологии Пирса и структурной лингвистике развиваются и иные семиотические подходы: так, по Греймасу, текст обладает актантной структурой, в которой актантами могут являться как одушевленные, так и неодушевленные сущности [Греймас 1996].

Столь большое значение, придаваемое языку в конструировании действительности, обусловило лингвистический поворот в философии [Витгенштейн 1989; Витгенштейн 2011; Карнап 1993; Хайдеггер 2003]. Данный языковой поворот в [Романов, Романова 2009: 27] отмечается как основная причина интереса к перформативному высказыванию. При этом ключевую роль для перформативных исследований сыграла философия позднего Витгенштейна, в которой в диаду «язык-мир» был добавлен третий компонент «деятельность».

В теории языковых игр позднего Витгенштейна происходит отказ от картинной изобразительной теории языка и создаётся принципиально новая, функционально-игровая, модель языка: «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетён» [Витгенштейн 2011: 1-7]. Многообразие речевых практик не ограничивается устойчивым набором языковых игр: языковые игры подобны постоянно расширяющемуся за счёт новых построек старому городу. Под понятие

языковой игры подпадают обучение счёту, письму, математические задачи, спорт, магические практики и т. д.

В качестве того общего, что лежит в основе всех языковых игр, можно выделить подчинённость игры правилам. Данная зависимость от конвенции впоследствии признаётся как основная характеристика перформативного высказывания. Игры отличаются друг от друга, однако это различие невозможно сформулировать точно: «Игру (...) нельзя определить, а можно только описать как вот эту и такую. В отличие от обобщения, опирающегося на фиксацию объективно наблюдаемых признаков, семейное сходство может быть опознано или не опознано. Вроде бы похож, очень даже... а, впрочем, нет, вовсе не похож, говорим мы» [Бибихин 2005: 350].

В прагматической теории языковых игр значение слова интерпретируется, в отличие от семиотики Ч. Пирса, как нечто, находящее выражение только в употреблении, в языковой игре, понимаемой как вид когнитивной деятельности, организованной в соответствии с определёнными правилами.

Именно опора на анализ обстоятельств и цели языковой игры становится основой теории речевых актов. В данной теории понятие языковой игры трансформируется и уточняется: языковая игра как форма жизни реализует себя в последовательности речевых актов. В теории речевых актов (ТРА) вычленяются и осмысливаются важнейшие черты языковой игры: целевая направленность и ситуативная обусловленность (в качестве опоры на социальные регламенты) и впервые формулируется понятие перформатива (см. об этом далее).

Идея языковых игр оказывается для перформативных исследований ключевой. Присущие игре характеристики — преследование целей, не связанных с пользой, поиском удовлетворения, непроизводительность, а также специально выделенное для игры время и пространство [Винникотт 2002; Хейзинга 2010] — переносятся в другие сферы деятельности, что позволяет рассматривать как игру спорт, театр и ритуал.

Структурное изучение последнего вносит серьезнейший вклад в социально-конструкционистское исследование других видов человеческой деятельности [Гофман 2000; Гофман 2009; Леви-Строс 1985]. Ритуал изучается во взаимодействии с театром: согласно некоторым современным точкам зрения, театр не происходит из ритуала, а они оба взаимно влияют друг на друга [Шехнер 2020: 159-199]. Ритуальный акт представляет собой перформанс, который может быть как театрализованным и имеющим развлекательную направленность, так и эффективным, и тогда приобретающим подлинную перформативность: в качестве перформативного акта при этом рассматривается акт перехода из одного состояния в другое.

В период постмодерна происходит окончательный отказ от нарратива, описывающего существующую реальность, его замена языковыми играми [Лиотар 1998]. Изображение и описание событий в литературе и театре заменяется метакоммуникацией и авторефлексией. Представление о социальных взаимодействиях как форме игры находит выражение в социальном конструкционизме [Бодрийяр 2015].

В дальнейшем языковая игра приобретает особое значение как способ установления связи между властными и ментальными структурами. Формирование социального института (например, религии) происходит в связи с монополизацией права на толкование текста [Бурдьё 2005: 17-19]. Языковая игра формирует габитус, который впоследствии становится порождающим принципом представлений о мире. Игры порождают социальные поля: юриспруденции, искусства, гендерного распределения ролей и пр. Понятие перформатива затрагивается Бурдьё в связи с анализом юридической герменевтики, которая сама по себе является перформативной процедурой, так как толкование закона судьёй актуализирует норму [Бурдьё 2005: 90-91].

С термином «поле» у Бурдьё соотносимо понятие «порядок дискурса» в дискурсологии, которая становится новой наукой о речевой деятельности [Ван Дейк 1998; Касавин 2006; Гурин 2014; Йоргенсен 2008; Тетерин 2010].

Символическая реальность дискурса, с точки зрения дискурсологии, не только описывает реальность, но и создаёт её. Дискурс выступает как звено, связующее речевые практики, язык как систему, языковую личность, идентичности, социальные институты и взаимодействия. Дискурсы могут бороться друг с другом; один из них может быть санкционирован властью, за счёт чего ему присваивается доминирующая роль. Научный, политический, ритуальный и пр. дискурсы начинают рассматриваться как целостные явления, организованные вокруг *homo loquens*, активно вовлечённого в процесс производства и восприятия того или иного дискурса.

Наряду с проникновением лингвистического инструментария в другие науки, происходит обратный процесс: в лингвистической прагматике обосновывается идея деятельности [Бюлер 1993; Клаус 1967; Моррис 2001; Сусов 1983]. Интенциональность и конвенциональность языковой игры становятся основным объектом прагматики, связывающей лингвистический анализ с анализом экстралингвистических факторов, влияющих на *homo loquens*.

Вышеописанные процессы не являются завершёнными, продолжаясь и в настоящее время. В социальных науках активно развиваются идеи распространения законов текста на законы мира, самореферентности объекта, использование тезиса «Значение есть употребление» [Латур 2012]. Практически любые взаимодействия могут быть формализованы и рассмотрены как игра актантов, каждый из которых преследует собственные интересы [Кремлев 2016: 5-7]. Указанный подход распространяется далеко за пределы гуманитарного знания, что выражается в развитии биосемиотики, понимания коммуникации как биологического бытия человека [Матурана, Варела 2001], формировании синергетики и росте интереса к идеям фон Икскюля [Князева 2015]. В лингвистике преобладают холистические методы, выражающиеся в создании междисциплинарных наук, таких, как этнопсихолингвистика и психолингвокультурология, в центре которых стоит человек говорящий [Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева

Н.В. 2016: 14-15], гендерная лингвистика [Кирилина 1999]. Нейронауки и исследования мозга интегрируются с исследованиями дискурса [Харре 2005]. Происходит конструирование социального поведения в профессиях бортпроводников, офисных сотрудников, коллекторов и пр. [Хокшилд 2019]. Появляются и развиваются междисциплинарные науки, такие, как медиалогия, для которых понятие перформатива является важным [Дебрэ 2009]. Дискурс медиа, язык рекламы, социальные сети и другие важнейшие на данном этапе области человеческой деятельности изучаются сквозь призму конструкционизма, формирования идентичностей и создания ценностей, что представляет собой содержание перформативного подхода.

Подытоживая сказанное, можно охарактеризовать парадигму, в русле которой сложились перформативные исследования, как представление о языковых, философских, психологических, социальных и не только взаимодействиях как о речи или обмене текстами (знаковыми сущностями), образующими структуры, которые порождаются практикой и отличаются постоянной изменемостью. Изменение осуществляется посредством языкового (социального) ритуала, который представляет собой перформативный акт преобразования, с основной целью, заключающейся в создании новой ситуации. Из данного положения следует, что число возможных перформативных актов ничем не ограничено, так же, как и число языковых игр. Ввиду того, что понятие языковой игры чрезвычайно широко и языковые игры далеко отстоят друг от друга, разные игры находятся в ведении разных научных дисциплин: философии, культурологии, искусствоведения, социологии. Ни одна из данных дисциплин не может обойтись без понятия перформативности, которая присутствует в изучаемом объекте даже когда данное понятие отсутствует в дискурсе. Однако ввиду различий в методологическом аппарате указанных наук, понятие перформативности в каждой из них трактуется по-разному, по-разному же выглядят типологии и способы изучения перформативности. Тем не менее, любое изучение перформативности всегда происходит в языковом аспекте:

перформатив всегда представляет собой речь или текст, пусть и в широком понимании. Перформативность является преимущественно языковым феноменом, и обращение к ней в какой бы то ни было науке связывается с заимствованием лингвистических и семиотических подходов в данной научной области. Следовательно, именно языкознание выполняет интегрирующую функцию в перформативных исследованиях, и именно лингвистическое изучение перформатива является их центром.

1.2. Лингвокоммуникативный аспект перформативного высказывания

1.2.1. Перформатив в теории речевых актов

В настоящей работе нет необходимости подробно останавливаться на содержании теории речевых актов, которое уже неоднократно находило своё отражение в ряде монографий и учебных пособий (см., например: [Сусов 2009; Романов, Романова 2009]). Мы кратко охарактеризуем лишь те основные идеи теории речевых актов, которые хорошо применимы к анализу заговорных перформативных высказываний.

После основоположников теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986; Серль 1987; Серль, Вандверкен 1996; Вендлер 1985; Стросон 1982; Дэйвисон 1986; Аллен, Перро 1986; Кларк, Карлсон 1986; Франк 1986] вклад в изучение перформативов с точки зрения теории речевых актов внесли, построив собственные классификации иллокутивных актов, выявив критерии перформативности, охарактеризовав условия успешности перформативного высказывания, Г. Хельбиг, В. Fraser, А. А. Романов, В. В. Богданов, Е. С. Петелина, Й. Крекич, А. Вежбицкая, А. И. Изотов, Г. Г. Почепцов, J. Katz, Ю. П. Князев, Н. Haverkate, D. Stampe, G. Leech, Ю. Хабермас, И. М. Кобозева [Хельбиг 1978; Fraser 1975; Романов 1981; Богданов 1983; Петелина 1986; Крекич 1993; Вежбицкая 1985; Изотов 1997; Почепцов 1978; Katz 1977; Князев 1994; Haverkate 1979; Stampe 1975; Leech 1976; Кобозева 2007;

Демина 2009]. Наиболее важными характеристиками языковой игры, перенесёнными в теорию речевых актов, являются целевая направленность и ситуативная обусловленность. В языковой игре формируется система значимостей, которая, в соответствии с прагматическим представлением о значении, неразрывно связана с указанными характеристиками языковой игры.

Теория речевых актов представляет собой уточнение, конкретизацию и сужение представления о языковой игре от любой правилосообразной деятельности до сферы речевого общения, взаимодействия людей. Перформативное высказывание становится основным объектом исследования теории речевых актов как наиболее типичный пример «слова как действия». Хотя иллокутивные акты и не сводятся к перформативам, перформативы наиболее интересны тем, что при помощи них производятся изменения в социально-институциональной действительности.

1.2.2. Конвенционально-интенциональные характеристики перформативного высказывания

Конвенциональность и интенциональность играют важнейшую роль для описания семантики перформативного высказывания в целом и перформативного глагола в частности, являясь основными параметрами речевого акта.

Семантика слова конвенциональна [Витгенштейн 2011]. Конвенциями значение обусловлено и в других классических концепциях [Пирс 2000; Карнап 1993]. Современная лингвопрагматика предполагает наличие у лексем прагматического компонента значения, наряду с ядерными семантическими компонентами. При этом несомненно, что в любом языке существуют слова и выражения, основной функцией которых является передача прагматического значения. В их число входят и перформативы. В первую очередь это связано с тем, что у перформативов отсутствует истинностное значение. Категория истинности/ложности в случае

перформативов заменена категорией успешности/неуспешности. Лица и обстоятельства должны соответствовать условиям коммуникативного акта. Отметим, что существуют коммуникативные импликации, определяющие истинность утверждения и в случае констативного высказывания [Гордон, Лакофф 1985]. Однако в случае перформативных высказываний класс контекстов определяет не истинность или ложность высказывания, а его успешность или неуспешность. Так, необходимо соблюдение условия искренности, чтобы обещание состоялось как перформативный акт. Для правильной интерпретации вопроса как иллокутивного акта просьбы необходимо, чтобы слушающий понимал, что говорящий имеет в виду именно просьбу, а не вопрос [Гордон, Лакофф 1985: 266].

Помимо условий искренности можно выделить ещё и условия мотивированности речевого акта:

a. Просьба мотивирована, если только говорящий имеет основание хотеть ее выполнения.

b. Просьба мотивирована, если только говорящий имеет основание считать, что слушающий может ее выполнить.

c. Просьба мотивирована, если только говорящий имеет основание считать, что слушающий будет склонен ее выполнить.

d. Просьба мотивирована, если только говорящий имеет основание считать, что без этой просьбы слушающий не сделает того же самого действия.

e. Утверждение мотивировано, если только говорящий имеет основание считать его истинным.

f. Обещание мотивировано, если только у говорящего есть основания быть намеренным его выполнить [Гордон, Лакофф 1985: 269].

Условия успешности коммуникативного акта представляют особый интерес при рассмотрении их на материале заговорных магических актов. Заговоры как целостные перформативные акты предполагают два основных условия: 1) вера в возможность совершать действия посредством

слова/ритуала; 2) вера в существование (и сверхъестественные возможности) тех или иных мифологических и религиозных персонажей. В первом случае для заговора действительны все требования, предъявляемые к ритуалам: соответствие места, времени, лица, совершающего ритуал. Во втором случае актуальны условия успешности, важные для актов просьбы. Эти условия могут рассматриваться как конвенциональные импликатуры заговора [Грайс 1985: 212].

Будучи ритуальным актом, заговор относится к тем видам актов, которые не составляют сущности повседневного общения, таким, как бракосочетание, объявление приговора, решение спортивного судьи, объявление ставки игроком [Стросон 1986].

Однако можно сказать, что в заговорах присутствуют и коммуникативные импликатуры. Под коммуникативной импликацией понимается то, что логически выводимо. «Основой для такого вывода являются: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) принцип кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания — как лингвистический, так и в более широком смысле этого слова; 4) фоновые знания участников; 5) допущение, что вся указанная релевантная информация доступна для всех участников коммуникации и что они знают (предполагают), что это так» [Демина 2009: 108]. В заговоре присутствуют определённые признаки, как лингвистические, так и экстралингвистические, указывающие на то, что данный акт следует интерпретировать именно как заговор, а не как что-либо ещё, а также, как правило, указание на цель заговора, мотивы его произнесения. Конвенция предполагает знание говорящим и слушающим контекста, фона, который определяет правильное восприятие высказывания.

Анализ значения любого перформативного глагола, таким образом, предполагает прежде всего анализ конвенциональной процедуры, в рамках которой производится перформативное высказывание.

Конвенциональная процедура всегда осуществляется с некоторой целью. С точки зрения интенциональности актуальным является различие между интенциональностью как намерением и глобальной интенцией (Интенцией с заглавной буквы) [Сёрль 1987: 96]. Интенция представляет собой философскую категорию, которая характеризует направленность субъективных мыслей и переживаний на реальный мир: воля, эмоции, страх, гнев и пр. Коммуникативное намерение (интенциональность) представляет собой конкретную цель высказывания, которая отражает мысли и чувства говорящего [Мощева 2015: 41].

С понятием интенциональности связано понятие «значения говорящего» [Стросон 1986], а также важные понятия иллокутивного акта, иллокутивной цели и иллокутивной силы. Как мы отмечали ранее, «под иллокутивным актом мы подразумеваем акт, отличающийся от локутивного своей интенциональностью и конвенциональностью. Иллокутивный акт невозможен без направленности, лежащей за пределами высказывания» [Куликовская 2021: 40]. Проекция (экспликация) данной направленности называется иллокутивной силой (см., например: [Романов 2006]). Иллокутивная цель же представляет собой выражение коммуникативного намерения говорящего или интенции, имеющей отношение к доязыковой фазе общения [Василина 2005: 45]. Структура речевого акта состоит из функционального и инструментального акта. Функциональный акт можно разделить на пропозициональный и интерперсональный. Пропозициональный состоит из акта предикации и акта референции. Интерперсональный включает в себя иллокутивный и аллокутивный акты. Аллокуция представляет собой градуирование иллокутивной силы (сюда включаются просодия, интонация, инфинитив, формы вежливости, собственно перформативные глаголы и пр.) [Haverkate 1979: 14]. Соотношение между иллокутивной целью, иллокутивной силой и типом иллокутивного акта заговорных перформативов мы подробно рассматриваем в практической части данного исследования.

С условиями успешности перформативного высказывания тесно связаны и условия искренности. Согласно этим условиям, говорящий должен быть искренним и не должен притворяться [Haverkate 1979: 194]. Чтобы перформатив был успешным, говорящий должен говорить серьёзно и буквально. «Самое важное различие между искренними и неискренними обещаниями состоит в том, что в случае искреннего обещания говорящий намерен осуществить обещанный акт, а в случае неискреннего обещания — не намерен осуществлять этот акт» [Сёрль 2010: 70].

Анализируя перформативность заговора, уместно говорить о компоненте веры в осуществление желаемого: путём обращения к сверхъестественному существу (реальность и могущество которого не подлежат сомнению) либо за счёт фидеистических представлений об онтологических возможностях слова: представлений, которые являются пресуппозиционными по отношению к высказыванию. Если говорящий «неискренен»: т.е. не верит в возможность осуществления желаемого с магической помощью, то перформативный заговорный акт становится бессмысленным.

1.2.3. Различие между перформативом и констативом: констатация и экспликация иллокутивной цели

Различие между перформативом и констативом в случае использования перформативного глагола, эксплицирующего иллокутивную цель, также не является однозначным. Это актуально для таких актов, как, например, просьба, в которых говорящий добавляет к содержанию просьбы глагол «прошу», или для таких актов, как заговор, в которых говорящий использует глагол «заговариваю». Перформативные высказывания не могут быть истинными или ложными. Такие высказывания, как «Я приказываю тебе уйти», хотя и содержат форму индикатива, не являются утверждениями и, следовательно, не могут быть истинными или ложными. Совершить

иллокутивный акт, используя эксплицитное перформативное предложение, означает совершить акт, названный основным глаголом, не утверждая, что этот акт совершается. Однако из того, что говорящий не просто заявляет, что делает что-то, но и делает это, неверно делать вывод, что он также не заявляет, что выполняет акт. Говорящий может производить высказывание, выполняющее две функции одновременно, и одна из них представляет собой утверждение о том, что он делает. Это может показаться парадоксальным, однако другие высказывания имеют эту особенность и тем не менее не выглядят так парадоксально. Человек, который тестирует систему громкой связи, произнося «проверка», может являться одновременно как проверяющим, так и позволяющим окружающим слушателям узнать, что это — именно то, что он делает. Другой пример — «я говорю по-английски». Нет ничего необычного в использовании высказывания одновременно для совершения действия и сообщения о действии, которое некто совершает посредством высказывания [Carr 1975: 240]. В перформативных высказываниях совершение действия является первостепенной задачей говорящего, в то время как утверждения более тесно связаны с тем, что говорится, чем какие-либо другие иллокутивные акты.

Перформативы поддаются верификации при соблюдении определённых условий, а также отличаются от глаголов, характеризующих действие, в отличие от глаголов «бормотать», «шептать» [Апресян 1986]. Можно считать, что перформативы представляют собой разновидность косвенной речи, однако отсылающей к самому речевому акту и поэтому автореферентной [Leech 1976: 88-89].

Знак равенства между перформативом и констативом был поставлен сторонниками «перформативной гипотезы». Согласно этой гипотезе не перформатив является на самом деле констативом, а наоборот — любое высказывание перформативно, поскольку его глубинная структура может содержать как эксплицитный, так и имплицитный перформативный предикат [Ross 1970; Leech 1976; van Dijk 1972: 152-153; Балли 1955: 59].

Применительно к заговорным текстам можно говорить об имплицитном перформативном предикате «заговариваю, чтобы...». Часто этот предикат становится эксплицитным. Случается, что он реализует себя при помощи таких дериватов, как «оговариваю», «уговариваю», «отговариваю», «выговариваю», а также возвратных глагольных форм. При анализе заговора с точки зрения теории речевых актов этот предикат предстаёт как часть глубинной семантической структуры. При анализе заговорных перформативных глаголов объектом становятся глаголы, эксплицитно выражающие иллокутивную цель заговора или отдельного речевого акта в составе заговора.

1.2.4. Соотношение между перформативом и иллокутивным актом

Несмотря на то, что теория речевых актов строится вокруг остиновского понятия перформатива и большинство речевых актов (например, вердиктивы, пермиссивы, экзерситивы, комиссивы, экспозитивы, сатисфактивы) начали активно изучаться только после возникновения теории речевых актов, перед исследователями вскоре встал вопрос о положении перформатива в системе иллокутивных актов. «Перформатив не является иллокутивным актом, однако он тесно связан с ним. Эта связь реально проявляется в том, что один и тот же иллокутивный акт может быть выражен высказываниями различного типа. Дело в том, что показателем иллокутивного акта фактически является иллокутивный предикат (например, глагол), с помощью которого вводится пропозиция, поэтому та или иная иллокутивная сила, например, запрет, будет выражаться независимо от того, в какой форме выступает иллокутивный предикат. Так, если у нас имеется два высказывания вида: 1. Иван запретил сыну выходить на улицу; 2. Я запрещаю тебе выходить на улицу, то иллокутивный акт выполняется в них обоих, однако перформативным является только высказывание 2, поскольку именно в нём иллокутивная сила эквивалентна самому произнесению

высказывания (то есть иллокуция совпадает с локуцией)» [Богданов 1983: 31-31].

Перформативные высказывания чётко выражают иллокутивную силу и используются тогда, когда говорящий хочет её особо подчеркнуть, то есть в особых ситуациях. «Перформативы «не только отсылают к собственно речевому акту, но, что особенно важно, способствуют снятию иллокутивной неоднозначности и усилению иллокутивной функции. Именно поэтому их следует считать важнейшим средством регулирования речевых актов» [Богданов 1983: 36-38].

Значительная часть речевых актов не является перформативами: существуют речевые акты, принципиально невыразимые перформативными глаголами. Таковы акты одобрения, неодобрения, информирования, подбадривания, стимулирования, влияния [Петелина 1986: 183-184]. В речи такие акты выражаются имплицитными глаголами, эксплицитный глагол чаще всего предстаёт лишь в качестве «глубинного глагола» [Там же: 184].

В связи с соотношением понятий «иллокутивный акт» и «перформатив» особенно интересным становится вопрос о так называемых «косвенных речевых актах». Серьёзный вклад в исследование косвенных речевых актов, как и перформативных высказываний вообще, внесла Тверская лингвистическая школа. А. А. Романов отказывается от остиновской концепции трёх актов в рамках одного перформативного высказывания: «Поскольку локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты объединяются в рамках одного высказывания и являются основными, неразрывными составляющими его, то следовало бы говорить о трёх аспектах перформативного высказывания в целом, так как произнесение перформативного высказывания уже предполагает наличие двух других аспектов — иллокутивного и перлокутивного» [Романов 1981: 147].

А. А. Романов отмечает необходимость учитывать особенности таких речевых актов, в которых перформативный глагол выражает интенцию, отличающуюся от интенции самого акта. Наличие в речи косвенных речевых

актов, по Романову, доказывает, что одна и та же коммуникативная интенция может быть различным образом структурно оформлена. Романов даёт следующее определение косвенного речевого акта: «косвенным речевым актом является такое высказывание, в котором нет соответствия между структурным оформлением перформативного высказывания и его коммуникативной (или иллокутивной в терминах Дж. Сирля) функцией» [Там же: 148]. Таким образом, в исследованиях Тверской школы большое внимание уделяется анализу социопрагматического аспекта высказывания, который позволяет выявить коммуникативную интенцию.

Вышеописанный подход сделал предметом изучения Тверской школы не только собственно перформативные глаголы, но и композитные перформативные конструкции [Романова 2009]. Тверская школа применяет функциональный подход, согласно которому высказывание рассматривается как инструмент социального взаимодействия между коммуникантами: «Прагматическая сущность перформативных высказываний в структуре такой деятельности заключается в смене отношений между говорящим и слушающим в момент использования высказывания» [Романов 1984: 89]. Из этого определения, данного А. А. Романовым, ясно, что важнейшей функцией перформативного высказывания является регуляция отношений между коммуникантами. «Признак результативного характера коммуникативного действия, сопряженный со сменой отношений между коммуникантами, способствует проведению более точного разграничения перформативных и констативных высказываний» [Романов 1984: 91].

Иллокутивные функции высказывания могут быть классифицированы следующим образом: конститутивная иллокутивная функция (устанавливает некоторое положение вещей), декларативная (указывает на отношение говорящего к явлению с учётом интересов адресата), когнитивная информирует об отношении говорящего к некоторому положению вещей в мире, интерактивная раскрывает условия взаимодействия между говорящим и адресатом по поводу некоторого предстоящего действия. При этом одна и

та же иллокутивная функция может быть маркирована разными глаголами. Иллокутивный потенциал же представляет собой совокупность коммуникативных возможностей, присущих отдельному прагматическому типу высказываний. Например, реквестивы, инструктивы, суггестивы, инъюктивы обладают общим иллокутивным потенциалом и образуют общий коммуникативно-прагматический тип директивов.

Итак, иллокутивные акты несводимы к перформативным высказываниям, при этом перформативные глаголы эксплицируют иллокутивную силу автореферентных высказываний. Перформативность высказывания обусловлена не наличием в речи какого-то определённого глагола, а соблюдением коммуникативно-прагматических условий перформативности. Однако перформативный глагол называет тип перформативного иллокутивного акта, указывая, как именно следует интерпретировать данный акт: как просьбу, как приказ, заявление, награждение и т. д. Тем не менее, коммуникативно-прагматические условия учитываются и при определении иллокутивной направленности конкретного речевого акта: так, на направленность высказывания могут повлиять статусно-ролевые отношения участников коммуникации («просьба» со стороны вышестоящего лица может на самом деле являться требованием), трансформация текущего фрейма в игровой и ряд других возможных условий.

1.3. Перформативность как глагольная категория

Перформативность рассматривается как свойство не только речевого акта, но и глагола как лексической единицы. В настоящее время перформативный глагол изучается в сопоставительном аспекте [Азадова 2007], перформативные высказывания изучаются на уровне текста [Богданова 2008]. Следует отметить, что впервые идея перформативности появляется не у Дж. Остина, а у Э. Кошмидера, и именно в процессе

лингвистического анализа глагола: при попытке разрешить проблему темпоральной отнесённости и видовых противопоставлений глаголов. Э. Кошмидер впервые затрагивает вопрос, связанный с перформативностью (которую Кошмидер называл «коинциденцией» в связи с поиском решения проблемы глагольных грамматических категорий вида и времени [Кошмидер 1962]).

Несмотря на неоднократно подчёркиваемую несводимость свойства перформативности к какой-либо лексеме или грамматической форме, объектом внимания исследователей перформативности, как правило, является перформативный глагол в определённых грамматических формах [Апресян 1986; Бенвенист 1974; Войводич 1999; Истомин 1979; Кодзасов 2003, Красина 1999, Михеев 2003, Кустова, Падучева 1996, Падучева 2016, Богданов 1983, Урмсон 1985, Князев 1994, Amrhein 1992]. См., например, следующее определение перформативности: «Перформативность — свойство некоторых глаголов. Прежде всего, глаголов речи. По сути, перформативное употребление глагола приравнивается к действию, совершаемому при помощи речи» [Падучева 1996: 161].

Сам Дж. Остин, несмотря на своё критическое отношение к возможности определения грамматических и лексических критериев перформативности, тем не менее указывает, что формы, содержащие глагол в первом лице единственного числа настоящего времени индикатива активного залога (или варианты в пассивном залоге во втором и третьем лицах), являются нормальными [Остин 1986]. Классификация речевых актов Дж. Остина строится на глаголах. Так, экспозитивные акты — это, в первую очередь, высказывания, содержащие глаголы *отвечать, допускать, соглашаться* и др.; вердиктивы содержат глаголы *характеризовать, описывать, интерпретировать* и др.; комиссивы — *обещать, приглашать, гарантировать, клясться* и др.; экзерситивы — *приказывать, предупреждать, советовать, назначать* и др.; бехабитивы — *поздравлять, приветствовать, благодарить, извиняться* и др. [Остин 1986].

Неэксплицитный, не содержащий перформативного глагола речевой акт рассматривается как факультативный вариант нормы.

Следование за глагольной семантикой прослеживается и в таксономии Дж. Сёрля, который подразделял перформативные глаголы на:

1) *ассертивы*: утверждать, заявлять, уверять, предсказывать, сообщать, рассказывать, докладывать, извещать, осведомлять, информировать, признавать, допускать, напоминать, свидетельствовать, подтверждать, удостоверять, доказывать, признаваться, предполагать, догадываться, констатировать, выдвигать гипотезу, клясться и настаивать;

2) *комиссивы*: обязываться, обещать, угрожать, быть согласным, давать торжественное обещание, присягать, давать зарок, ручаться;

3) *директивы*: просить, предписывать, требовать, приказывать, предлагать, ходатайствовать, побуждать, подстрекать, склонять, соблазнять, умолять, советовать, рекомендовать, подавать прошение;

4) *декларативы*: объявлять, провозглашать, утверждать, санкционировать, выносить приговор, визировать, отлучать (например, от церкви), давать имя, нарекать, сдаваться, вводить аббревиатуру, благословлять;

5) *экспрессивы*: извиняться, поздравлять, благодарить, хвалить, говорить комплименты, сожалеть, соболезновать, приветствовать.

Э. Бенвенист даёт следующее определение перформативных высказываний: «это такие высказывания, в которых глагол со значением заявления или клятвы в первом лице настоящего времени соединяется с диктумом. Например, «я приказываю» (или «велю», «постановляю» и т. п.), чтобы население было мобилизовано, где диктум представлен как «население мобилизовано» [Бенвенист 1974: 306]. Другой разновидностью перформативов Бенвенист считает сочетания глагола с прямым дополнением и предикативным членом: при этом из примеров, приводимых Бенвенистом, явствует, что под глаголами здесь подразумеваются именно глаголы в

первом лице. Прочие перформативные высказывания Бенвенист относит к имплицитным, так как они содержат только диктум, без перформативного глагола и их перформативность обусловлена лишь тем, что они приписываются лицу, облечённому властью.

Именно перформативный глагол отличает эксплицитные перформативные высказывания от таких высказываний, как «Я знаю, что Пьер приехал. Я вижу, что дом заперт» [Там же].

Так же, как предшественники и последователи, Бенвенист делает необходимую оговорку, касающуюся незакреплённости перформативного высказывания за тем или иным глаголом. Тем не менее, он склонен считать перформативными именно высказывания с перформативным глаголом в эксплицитной форме: «Высказывание является перформативным тогда, когда оно называет совершаемое высказыванием действие, так как говорящий («я») произносит некоторую формулу, содержащую глагол в первом лице настоящего времени» [Там же: 308]. С этой точки зрения особый интерес представляет то противопоставление перформатива и императива, которое вводит Бенвенист: если Остин считает перформативными и императивные высказывания, поскольку те влекут за собой перлокутивный эффект, то Бенвенист резко противопоставляет императив и перформатив. Основой противопоставления является именно аутореферентность перформативного высказывания: «Высказывание есть действие; тот, кто его осуществляет, совершает действие, произнося его. В этом высказывании языковая форма подчинена строгой модели: глагол в настоящем времени и в первом лице» [Там же: 309]. Поэтому Бенвенист предостерегает от смешения перформативов и перформативно употреблённых высказываний, констативных по форме: «мы считаем различие этих двух явлений оправданным и необходимым, при условии, что его проводят, строго сообразуясь с обстоятельствами употребления высказываний, что и делает возможным различие, и не прибегают к критерию «полученного результата», являющемуся источником путаницы. Если не придерживаться

точных критериев языкового и формального порядка, и в частности, если не различать значение и референтную отнесённость (референцию), то под угрозой оказывается самый предмет аналитической философии, а именно своеобразие языка в тех обстоятельствах, в которых и существуют выбранные для изучения языковые формы» [Там же: 310].

Лексико-грамматический и семантико-синтаксический аспекты перформативов, в частности, вопросы времени, вида и сочетаемости, рассматривались Ч. Филлмором, Ю. Д. Апресяном, Д. Войводицем [Fillmore 1969; Апресян 1995: 120; Войводиц 1999]. Данные исследователи считают, что способность определённых глаголов к перформативному употреблению должна быть отражена в словарях.

1.3.1 Лексическая и грамматическая семантика перформативного глагола

Лексическая семантика. Автореферентность перформативного глагола предполагает, что его лексическое значение связано с речью (и даже более определённо — с речевым действием). Действительно, перформативные глаголы, выделенные Остином, содержат сему «речь». Сближению глаголов речи и перформативных глаголов способствует функция перформативных глаголов, оформление данными глаголами иллокутивных актов.

Перформативность является свойством прежде всего глаголов речи. [Падучева 1996: 161]. Однако ряд глаголов речи не употребляется перформативно.

С одной стороны, существуют глаголы речи, перформативное употребление которых равносильно иллокутивному самоубийству [Вендлер 1985]. Для успешного перформативного функционирования глагола необходимо, чтобы речевая сема находилась в ассертивной части высказывания: кроме того, в ассертивной части толкования смысл

«говорить» не должен находиться в области действия предикатов типа «способ» (...), «цель», «оценка», «неоднократность» и ряда других [Апресян 1995: 211].

С другой стороны, существуют перформативные глаголы и формулы, которые явным образом не содержат речевой семантики: «слушаю и повинуюсь» и тому подобные. Согласно Толковому словарю русских глаголов [Бабенко 1997], перформативные глаголы распределяются главным образом между семантическими типами глаголов речевой деятельности, входя в группы глаголов: 1) характеризованной речевой деятельности, 2) речевого сообщения, 3) речевого общения, 4) обращения, 5) речевого воздействия. Кроме того, перформативные глаголы встречаются среди глаголов межличностных и социальных отношений.

А. А. Романов, отмечая, что «перформативность не определяется конструктивными свойствами высказываний или семантикой перформативного глагола» [Романов 1984: 92], тем не менее, в другой работе выделяет перформативные признаки в качестве сем: «Перформативный характер глагольной лексемы обуславливается рядом формально-содержательных признаков (или сем), такими как эксплицитность, локутивность, акциональность и результативность» [Романов 1987: 3-4]. Эксплицитность указывает на матричную структуру — наличие инварианта высказывания, локутивность определяет вид акциональности — какое действие выполняет говорящий, а акциональность находится в тесной связи с каузативным характером перформативного глагола: «каузативный характер ПГ отличается от других, неречевых каузативов инструментальной природой каузации. Инструментальный характер речевой каузации определяет конкретный способ воздействия говорящего на адресат» [Романов 1987: 4].

Выделяются следующие семантические компоненты перформативных глаголов:

«1) «говорить/сказать» — обязательный семантический компонент перформативного глагола и одновременно составляющая пресуппозиции

перформативного высказывания; в то же время «говорить» — это тот семантический компонент, который переносит смысловой акцент на сферу говорящего субъекта я;

2) «делать/сделать» — обязательный семантический компонент тех перформативов, которые акцентируют собственно действие, сферу предиката перформативного высказывания;

3) «давать/дать» — обязательный семантический компонент, который обуславливает возможность и необходимость действий слушающего ты, предусматривая перлокутивный эффект и перенося смысловой акцент на сферу адресата» [Красина 1999].

По мнению ряда исследователей, смешение иллокутивных и перформативных глаголов также является не вполне правомерным: так, Н. Д. Арутюнова указывает на нетождественность перформативных глаголов, иллокутивных глаголов и глаголов речи [Арутюнова 1990]. С. Б. Кодзасов подразделяет перформативные глаголы на перлокутивные (реально меняющие что-то в мире) и иллокутивные глаголы [Кодзасов 2003]. М. Ю. Михеев указывает, что при определённых обстоятельствах перформативный глагол становится метатекстовым, его роль сводится к автокомментарию: Я популярно (объясняю) (для невежд): Я к полякам уезжаю, в Будапешт (В. Высоцкий); (Говорю вам тайну): не все мы умрём, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе (I Кор. 16: 51-52) [Михеев 2003: 256].

Особо исследователи останавливаются на перформативности глагола «говорить». Дж. Росс выдвинул «перформативную гипотезу», согласно которой глагол «говорить» содержится в рамке любого высказывания, в том числе и декларативного. Любое высказывание, даже высказывание о реальной действительности, имеющее истинностное значение, тем не менее является сообщением, а значит, содержит модус «Я сообщаю тебе, что...» [Ross 1970]. См. об этом также у Ш. Балли: [Балли 1955: 59].

«Я говорю» выступает как некий эксплицированный модус, предшествующий обозначению физического действия, события, ситуации,

наконец, сообщению, которые существуют до данного акта речи; а поскольку речевой акт включает локуцию, т.е. и говорение, произнесение, то нет необходимости привлекать внимание экспликацией модуса «*Я говорю*»: «Акт речи бессмысленно предварять эксплицитным модусом *Я говорю*, потому что и без того ясно, что говорящий говорит» [Апресян 1995: 210].

В случае перформативного употребления глагола «говорю» зачастую наблюдается расхождение формы и функции. При этом возможны такие употребления эксплицитной конструкции с «я говорю», при которых «говорю» имеет дескриптивное или вводно-модальное значение. «Говорить» может и не являться перформативным глаголом, но смысл говорения важен в качестве семантического компонента перформативного высказывания [Красина 1999].

Таким образом, перформативность не может быть сведена к свойству глаголов речи. Наиболее склонны к перформативному употреблению глаголы речи; помимо этого, перформативы зачастую обладают социально-институциональной семантикой. Данные семантические свойства обусловлены основной функцией перформатива: экспликацией иллокутивной силы речевого акта.

Грамматика перформативного глагола: вид, время, валентность. Применительно к анализу видовых и временных характеристик перформативов особо следует остановиться на том, что целью Э. Кошмидера, впервые заметившего явление перформативности (в терминологии Кошмидера — коинциденции), было именно разграничение глаголов совершенного и несовершенного вида. Приводя в качестве критерия глагола несовершенного вида возможность ответа данным глаголом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?», Кошмидер отмечает, что некоторые глаголы не подчиняются этой закономерности: «очевидно, что лицо, высказывающее ту или иную просьбу, вовсе не имеет в виду подчеркнуть, что оно ещё до момента речи было занято действием «просить» и будет занято им и дальше, т.е. это лицо вовсе не стремится представить действие просьбы в процессе

его протекания. Напротив, лицу этому важно только выполнить самый акт просьбы и выполнить его одним произнесением слова, так что момент произнесения оказывается моментом «наступления» просьбы, моментом реализации действия, выраженного глаголом» [Кошмидер 1962: 163]. Э. Кошмидер противопоставляет коинцидентный тип совершенному и несовершенному виду глагола, указывая, что в коинцидентном типе используются как те, так и другие формы.

Действительно, вид и время перформативного глагола детерминированы особым образом: «у перформативного глагола видо-временное значение зависит, помимо всего прочего, от лица: перформативный глагол допускает перформативное употребление только в первом лице, а в не-первом лице имеет другие значения» [Падучева 1996: 162].

Аспектуально-темпоральное значение перформативного глагола характеризуется значением моментальности. Действие и начинается, и завершается в момент речи. Перформативный глагол, приобретающий в перформативном употреблении актуально-длительное значение, не составляет видовой пары со значением однократного действия: так, глагол «просить» в перформативном употреблении не составляет видовой пары с «попросить». В то же время глагол просить в значении многократного действия даже в эксплицитной форме может иметь только дескриптивное значение.

Что касается времени перформативного глагола, то для перформативного глагола «центральным, ключевым элементом, который организует вокруг себя все другие, является значение настоящего времени, а в русском языке и тесно сопряженное с ним, спаянное значение несовершенного вида» [Красина 1999].

Вопросы валентности перформативного глагола также затрагиваются исследователями. Валентность перформативных глаголов можно разделить на формально-объектную (падежную) и предикативную. Формально-

объектная валентность реализуется в сочетаниях перформатива с родительным (требовать), с дательным («разрешать», «приказывать», «предлагать», «советовать», а также «объявлять», «клясться», «благодарить» и т. д.), с винительным («молить», «заклинать», «обязывать»; «увольнять»; «благословлять», «обвинять», «приглашать», «уверить»), с творительным («порываю», «прощаюсь»), без обязательного эксплицитного падежного отношения («настаиваю»), в некоторых языках также со звательным падежом (*Molim te/vas, gospodine, da mi doneseš vode (серб)*). Предикативная валентность проявляется как противопоставление мобильных перформативов (свободно сочетающихся с любыми временными планами) и немобильных перформативов (сказуемое в пропозиции выражается либо футуральными (чаще всего) или претериальными (реже) формами — *Сознаюсь, взяла крем*). Помимо этого, некоторые глаголы обладают предметной предикативностью (крещение, присвоение званий, пожелания и т. д.) или нулевой предикативностью (проклятия, приветствия, благословения) [Войводич 1999].

Перформативные глаголы обладают следующими особенностями сочетаемости:

1. Перформативы не сочетаются с обстоятельствами, обозначающими способ выполнения действия,
2. Перформативы не сочетаются с обстоятельствами цели. Если при перформативном глаголе есть обстоятельство цели, относящееся к нему и по смыслу (т. е. семантически подчиняющее его), то соответствующее высказывание может быть понято только дескриптивно,
3. Сочинительные цепочки перформативов обычно обозначают последовательные, а не одновременные действия,
4. Будучи интенциональными предикатами по преимуществу, перформативы не сочиняются с экстенциональными предикатами, то есть обозначениями физических действий типа «брать», «плакать», «смотреть» и

т. п. Нельзя сказать *Я обещаю исправиться и плачу*, хотя можно *Она обещает исправиться и плачет*.

5. Значительная группа перформативов утрачивает под отрицанием перформативную функцию.

[Апресян 1995: 205-208].

Можно выделить и другие характеристики перформативных глаголов: сочетаемость с обстоятельствами времени, точности и пр. Для нас представляют особый интерес именно выделенные пять признаков, поскольку именно в этих аспектах заговорные перформативные глаголы проявляют свою специфику.

Так, анализ нашего материала показывает, что заговорные канонические перформативные глаголы сочетаются с обстоятельствами способа выполнения действия:

«*Прошу и молю, Пречистая Божія Матерь, усердно своими горькими слезами*» [Майков 1869: 53].

Заговорные перформативные глаголы сочетаются с обстоятельственными предложениями цели весьма особенным образом. Как правило, в таких конструкциях предложение, содержащее цель заговора, делится на две части: в первой части содержится перформативный (квази- или полуперформативный глагол), эксплицирующий иллокутивную силу высказывания (*прошу, попрошу, молю, помолюсь*) или же обладающий семантикой ритуального действия (*закрываю, секу, рублю* и т. д.); вторая же часть предложения содержит обстоятельственную придаточную часть: «чтобы меня, раба Божія (имя рекъ), не испорчивать, не исколдовывать, не взглядывать и не видѣть, и не слышать при пиру, при бесѣдѣ, во всякой потѣхѣ и во вѣки по вѣки» [Майков 1869: 82] и т. п. В заговорах перформативы сочетаются с подобными обстоятельственными предложениями точно так же, как императивы.

Заговорные канонические перформативы часто представляют собой синонимические цепочки, в которых ни один из глаголов не утрачивает перформативного значения:

«*Молю* тебя и *прошу* тебя, Иисуса Христа, Запрестольную Богородицу, Пречистую Богоматерь, Утолите и утушите сего раба Божьего (имярек) скорбные болезни: порчи, уроки, ветрены переломы, шипоты, ломоты — святым своим духом, святым посвящением, святою моею молитвою» [Болонев 1997: 344-345].

Заговорные канонические перформативные глаголы свободно сочетаются с глаголами, обозначающими физические действия; более того, сами обозначения физических действий превращаются в полуперформативы (см. об этом в главе...):

«*Одѣваюся* я, рабъ Божій (имя рекъ), небомъ, подпояшуся я, рабъ Божій (имя рекъ), облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Христовъ, зарею *обмываюся*, небесною силою *очищаюся*, Господа Бога на помощь *призываю* [Майков 1869: 92].

В заговорах возможны перформативы с отрицанием, однако отрицанию в них подвергается не сам глагол, а субъект действия:

«*Не я* тебя *уговариваю*, а Мать Пресвятая Богородица» [Болонев 1997: 398].

Данные примеры приведены с целью продемонстрировать вариативность и специфичность семантики перформативного глагола, широту поля исследования, связанную с перформативным глаголом как лексической единицей и его семантикой, рассматриваемой во второй части нашего исследования.

1.3.2. Эксплицитная форма перформативного глагола

Некоторые перформативные глаголы имеют ещё несколько грамматических форм, также являющихся перформативами [Апресян 1995:

203]. Несмотря на то, что, как неоднократно подчёркивают разные авторы, «перформативная формула имеет приоритет над перформативным глаголом» [Апресян 1995: 203], грамматическая семантика эксплицитной перформативной формы обладает некоторыми особенностями, составляющими самую суть категории перформативности.

Под эксплицитной перформативной формой понимается форма 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл¹. Е. Красина пишет, что «сама по себе грамматическая форма — одна из форм словоизменительной (шире — морфологической) парадигмы — не реализует перформативных смыслов» [Красина 1999], и с этим невозможно не согласиться. Перформативный глагол в эксплицитной форме требует особого контекста для реализации значения перформативности. Однако эксплицитная форма на грамматическом уровне выражает перформативное значение, в то время как остальные формы глагола (или неглагольные эквиваленты) являются лишь дериватами, заменителями эксплицитного перформативного глагола. В эксплицитной форме на уровне грамматического значения выражены следующие признаки категории перформативности:

1. «Слово как действие» реализуется глаголом — частью речи, значением которой является именно значение действия.
2. Действие осуществляется в момент речи, что отражено в настоящем времени глагола.
3. Поскольку действие осуществляется при помощи слова, субъектом действия может быть только говорящий, что отражено в первом лице индикатива глагола.
4. Даже в случае ритуальных перформативных актов, каждый конкретный перформативный акт единичен, уникален и неповторим, что отражено в единственном числе глагола.

---

¹ Форма 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. — (здесь и далее) форма первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения.

Рассматривая эксплицитные формы глаголов в заговорах, можно отметить, что эти глаголы подразделяются на глаголы настоящего времени и глаголы псевдонарративного презенса, используемого для описания воображаемой ситуации. Псевдонарративный презенс сближается с дейктическим временем: актуализировано значение момента «сейчас», несмотря на форму повествования: «нарративный презенс означает лишь, что говорящий описывает события, синхронные моменту их описания, но в общем случае ничего не сообщает о том, как локализован этот момент на временной оси» [Плунгян 2011: 259-260].

В заговорах используется ирреальная модальность: форма нарративной части заговора напоминает рассказы о сновидениях, однако, в отличие от рассказов, настоящее время заговорных глаголов является в буквальном смысле настоящим (впрочем, то же верно и для других глагольных форм). Сближает эти значения перформативная семантика результативности: действие считается уже совершившимся в момент речи (момент речи ещё не истёк, а действие уже осуществилось).

1.3.3. Канонические перформативные глаголы, квазиперформативы, композитные перформативы, полуперформативы

В российской лингвистической традиции выделяют пятнадцать групп перформативных глаголов, которые называются каноническими. Это следующие глаголы:

1) специализированные сообщения и утверждения: *докладывать, доносить, заявлять, извещать, напоминать, объявлять, отрицать, подтверждать, подчеркивать, провозглашать, свидетельствовать, уведомлять, уверять, удостоверить, утверждать* (здесь и далее списки глаголов и исключений приводятся по: [Апресян 1995: 200-202]). Исключены из списка глаголы *рассказывать* и *убеждать*, так как они не обозначают отдельные виды говорения;

2) признания: *виниться, каяться, признаваться, сознаваться, но не исповедоваться и не открываться;*

3) обещания: *гарантировать, давать обет, давать обещание, давать (честное) слово, заверять, зарекаться, клясться, обещать, обязываться, присягать, но не сулить;*

4) просьбы: *заклинать, молить, просить, умолять, ходатайствовать, но не упрашивать;*

5) предложения и советы: *вызывать, звать (к себе), предлагать (пойти), приглашать, призывать (к порядку), рекомендовать, советовать, но не консультировать;*

6) предупреждения и предсказания: *предостерегать, предупреждать, предрекать, предсказывать, (реже) предвещать, но не прогнозировать, пророчить;*

7) требования и приказы: *наказывать, поручать, предлагать (подумать), приказывать, ставить условие, но не командовать, распоряжаться, спрашивать;*

8) запреты и разрешения: *воспрепятствовать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, санкционировать, но не заказывать, табуировать, допускать;*

9) согласия и возражения: *признавать, соглашаться (согласен), возражать, оспаривать, отказываться (делать что-либо), протестовать, спорить (что, а не о чем), но не перечить, пререкаться, прекословить, противоречить;*

10) одобрения: *благословлять (на подвиг), одобрять, рекомендовать (кого-либо), утверждать (официальная форма), хвалить, но не восхвалять, нахваливать, превозносить, расхваливать, славословить, хвалиться, хвастаться;*

11) осуждения: *обвинять, осуждать, порицать, приговаривать, проклинать, но не критиковать, бранить, ругать, оскорблять;*

12) прощения: *оправдывать, отпускать (грехи), прощать, но не извиняться, снимать ответственность;*

13) речевые ритуалы: *благодарить, желать удачи, извиняться, поздравлять, приветствовать, прощаться, соболезновать;*

14) специализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа и т.п.: *брать назад свое слово, возвращать (кому-либо) слово, давать отвод, дезавуировать, денонсировать, доверять (кому-либо быть представительским лицом), завещать, капитулировать, отвергать, отводить (возражения, кандидатуру), отказываться (от чего-либо), освободить (от слова), отлучать (от церкви, от дома), отречься (от престола), подавать в отставку, поручать (детей кому-либо), посвящать, сдаваться, снимать (свое предложение), уполномочивать, но не отступаться (от своих слов);*

15) названия и назначения: *назначать, называть, нарекать, объявлять (собрание закрытым), посвящать (в рыцари), провозглашать (суверенитет).*

Функцией данных глаголов в речевом акте является экспликация иллюкутивной силы высказывания. В качестве основного семантического критерия канонического перформативного глагола можно выделить наличие в семантической структуре компонента «речь» или «социальное действие / институциональное действие»; в качестве основного грамматического критерия выступает эксплицитная форма перформативного глагола.

Однако прагматические условия способны придать значение перформативности и неперформативному глаголу. Перформативное употребление глаголов с указанной семантикой в других формах обозначается термином «квазиперформатив». Квазиперформативным считается употребление перформативного глагола, например, в третьем лице настоящего времени (*Петя благодарит Вас за книгу*), в третьем лице прошедшего времени (*Начальник приказал Вам явиться в кабинет*), в

третьем лице множественном числе настоящего времени (*Вас вызывают в деканат*) [Кустова, Падучева 2003].

Понимание термина «квазиперформатив» у Е. А. Красиной несколько отличается: «Однако наличие дополнительных условий в пределах речевого акта и даже перформативного высказывания позволяет говорить о квазиперформативах, которые в целом удовлетворяют перформативной формуле и контексту, но лексическая семантика этих глаголов иная. Так, все глаголы в группах, исключенные из общего списка и помещенные с пометой «но не», и есть квазиперформативы. Например, среди глаголов одобрения «хвалить» — перформатив: *Хвалю тебя, мой сын, за смелость*, т.е. «здесь и сейчас я говорю тебе о своем одобрении твоего смелого поступка», а однокоренные приставочные «восхвалять», «нахвалять», «расхвалять», и синонимичные «славословить», «превозносить» — не перформативы, либо квазиперформативы, так как включают семы многократности, качественной характеристики, периодичности, повтора и др. Возможно и иное квазиперформативное употребление, когда глагол не является перформативным, но перформативным его делают контекст и симуляция непосредственного акта общения, например переписка: *Клянюсь Вам, милый мой драматург, Матери целую руку. Обнимаю Вас* (из переписки А.П. Чехова)» [Красина 1999].

Существуют также композитные перформативы, которые, «в отличие от канонических перформативных высказываний содержат в своей организационной структуре дополнительные строевые компоненты или модальные модификаторы в виде модальных и вспомогательных глаголов, включенных предикатных конструкций, предикатов мнения, намерения, оценки, разрешения, позволения, эмоционального состояния и др.» [Романова 2009: 137]. См. также: «Употребление модального глагола или показателей сослагательности служит в таких случаях как бы смягчению утвердительности и, во всяком случае, снятию коммуникативного выделения с речевого глагола; ср. *Я вас спрашиваю... vs. Хочу вас спросить...; Я говорю*

<замечаю, упоминаю> следующее vs. Хотелось бы сказать <заметить, упомянуть> следующее».

В лингвистической семантике остаётся непрояснённым статус глаголов, перформативно употреблённых в эксплицитной форме, но не обладающих канонической перформативной семантикой. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка называет подобные глаголы «полуперформативными». Однако в качестве примеров в словаре приводятся глаголы «горжусь», «обнимаю», «кланяюсь» [Новый объяснительный словарь синонимов 2004: 41], называющие социально-институциональные акты и потому могущие быть приравненными к каноническим перформативам. Между тем, остаётся нераскрытой проблема перформативно употреблённых глаголов с принципиально иной семантикой. Как покажет данное исследование, потенциалом перформативного (полуперформативного) употребления обладают многие акциональные глаголы, в том числе физического, преимущественно ритуального действия, когда ритуал требует вербальной формулы помимо данного действия (или вместо него).

Для удобства мы будем придерживаться понимания квазиперформатива, представленного у Кустовой и Падучевой. Полуперформативами мы будем считать глаголы, которые не обладают описанной выше перформативной семантикой, при этом перформативно употреблены в эксплицитной грамматической форме. Квазиполуперформативами мы будем называть перформативно употреблённые глаголы в иных грамматических формах, отличных от эксплицитной.

Мы видим, что перформативы обладают множественной природой. С точки зрения модальности перформативность входит одновременно в сферу грамматической, лексической и иллокутивной модальности: «Итак, перформативное высказывание – это определенный речевой акт (то есть речевое действие), и глагол в нем является показателем иллокутивной

модальности. Перформативный глагол (перформатив) – это лексический иллокутивный показатель; однако перформативность входит в сферу грамматической модальности, поскольку перформативы обнаруживают определенные семантико-синтаксические рефлексы» [Падучева 2016: 50].

Можно сказать, что перформатив реализуется на уровнях семантики, грамматики и прагматики. При этом важнейшим уровнем является уровень функционально-прагматический. С одной стороны, без соблюдения прагматических условий перформатив не будет реализован: с другой стороны, иногда прагматических условий достаточно для реализации перформативов с любой семантикой в любых грамматических формах.

Семантический и грамматический уровни являются вторичными. Тем не менее, перформативные глаголы обнаруживают определённые закономерности на данных уровнях. На уровне семантики перформативные глаголы могут быть разделены на канонические перформативы с семантикой речи и социально-институциональной семантикой и полуперформативы, обладающие иной семантикой. На уровне грамматики перформативные глаголы тяготеют к эксплицитной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., однако возможны и в иных грамматических формах, поэтому с грамматической точки зрения перформативные глаголы подразделяются на канонические перформативы и квазиперформативы, а также на композитные перформативы.

Что касается перформативного глагола как лексической единицы, то, на наш взгляд, уместно рассуждать о перформативном потенциале тех или иных глаголов. Перформативный потенциал означает способность глагола к перформативному употреблению. При использовании термина «перформативный потенциал» не имеется в виду то, что глагол всегда (или наиболее часто) употребляется перформативно: термин указывает лишь на возможность перформативного употребления, доказательством которой служит хотя бы один засвидетельствованный факт использования данного глагола в перформативном контексте (см.: «глагол называется

перформативным, если он допускает перформативное употребление» [Падучева 2016: 161]).

Применительно к заговорам мы намереваемся показать, что заговорная перформативность как категория лексикализуется при помощи перформативных глаголов. Представляет интерес тот факт, что основные семантические группы перформативных глаголов в канонической форме имеют в заговорах квазиперформативные дериваты в других формах, во многих случаях свободно заменяемые. Примеры подобных замен показывают важность лексико-семантической стороны перформативного (квазиперформативного, полуперформативного) глагола, представляющей собой объединение компонентов «речь» и «действие, деятельность». В целом в заговорах широко распространены как канонические, так и полуперформативные, а также квазиперформативные глаголы.

1.4. Социокоммуникативный аспект перформатива

Ключевыми социокоммуникативными аспектами перформатива являются, с нашей точки зрения, следующие аспекты:

1. Целостность перформативной ситуации: неотделимость языковой игры от социального действия.
2. Традиционный, ритуальный характер перформативной практики.
3. Последствия перформативного высказывания, влекущие за собой изменение социальной реальности.
4. Значимость фреймовой организации ситуации для правильной интерпретации перформативного высказывания: необходимость внимания к обычно не замечаемому бэкграунду, конвенциональной обусловленности перформатива.

Исходя из этого, теория перформатива, как правило, сближалась с социологическими исследованиями в области теории практик, или социологией повседневности. Рассматривая перформатив в языке и

социальной коммуникации, мы не можем обойти вниманием социологический аспект, поскольку в социологии практической деятельности были сделаны важные выводы, касающиеся прагматики перформативных высказываний. Исследователи-социологи внесли серьёзный вклад в изучение перформатива: невозможно представить перформативные исследования без трудов Дж. Батлера, И. Гофмана, П. Бурдьё и др. В данном разделе мы кратко охарактеризуем основные представления о перформативе в социологической научной парадигме, прежде чем перейти к перформативу с точки зрения фреймовой организации текста.

Социокоммуникативное исследование перформатива связано с прагматическим поворотом в гуманитарных науках. «Повороту к практике» предшествует идеографический метод М. Вебера: в частности, социология становится «понимающей», отказывающейся от номотетических методов естественных наук [Вебер 1990: 495]. Данный подход обусловил внимание к повседневной деятельности индивида, сопоставление этой деятельности с неким «идеальным типом». Следует отметить, что внимание к повседневности не является открытием или прерогативой каких-либо социологических направлений: ср. с феноменологией М. Хайдеггера, согласно которой изнанка повседневности, бытие, ещё не ставшее наличным, состоит из «подручностей» и способов обращения с ними, которые являются настолько обыденными, что замечаются только при отдалении [Хайдеггер 2003: 128-129]; ср. также с теорией «складки» у Ж. Делёза, вниманием к единичному и уникальному событию, позволяющему проявиться смыслу, который возникает на сгибе телесного и идеального, нетелесного глаголемого, процеживаясь из бесконечного числа возможностей при помощи «сита» природы, благодаря чему многое становится одним [Делёз 1997: 133], и др. концепциями подобного рода. Однако именно в социологии практической деятельности создана стройная теория, описывающая повседневные перформативные практики, конструирующие социальную действительность.

Термин «практика» в социологии заменил представление о социальной детерминированности человеческих действий более гуманистическим подходом [Волков, Хархордин 2008: 11]. Под практикой понимается способность человека к правилосообразной деятельности, фоновое, невербализованное знание, а также сама эта деятельность и способы её интерпретации другими людьми.

Языковые и неязыковые взаимодействия не представляют собой следования социальным нормам и ценностям: скорее, нормы возникают как результат закрепления практики, оформления её в виде суждений [Полани 1985]. Следовательно, практика перформативна, так как ведёт к изменению социально-институциональной реальности.

Понятие перформативности связано с практикой, формирующей социальные институты. Перформативность предстаёт как многоликое явление или же ряд перформативных процедур, которые производятся одновременно, однако могут и следовать друг за другом во времени. Если габитус является принципом, порождающим представления о мире, согласующиеся с тем или иным мировоззрением, то он представляет собой некий перформативный «механизм», реализующийся в единичных когнитивных актах формирования представлений. Представления находят выражение в вербальных перформативах: например, объявление приговора, молитва и т. д. Их следствием является «практическая работа по обустройству мира» [Бурдьё 2005: 104]. В свою очередь, сам габитус — результат работы социального института, монополизировавшего право на толкование сакральных или иных текстов: толкование, которое также представляет собой перформативный акт (так, судья, определяя, как толковать тот или иной закон, осуществляет перформатив; то же делает и богослов в процессе герменевтики) [Бурдьё 2005: 90-91].

Социокоммуникативную перформативность можно изобразить в виде следующей схемы:

Перформативный текст => Перформативная герменевтика => Социальный институт => Габитус => Перформативный когнитивный акт (формирования представлений) => Перформативный вербальный акт => Явления социальной реальности

Разные типы знания также являются конструируемыми: научное знание конструируется в процессе лабораторной практики, становясь её итогом [Латур 2012]. Практика мыслится как бессубъектная: действие совершает не деятель, а «сети», существующие только в акте своего исполнения. Сеть создаёт условия для проявления вещами определённых качеств: эти качества и осмысляются как реальные.

Сконструированные сущности предстают как скрытые, невидимые в повседневной жизни, являющиеся фоном. Однако в случае аномальной ситуации или исследовательской работы фон становится видимым. Так, половая принадлежность является фоновым знанием: однако в случае трансгендерного перехода становится приписываемым объектом [Гарфинкель 2007: 143], и её атрибутированные признаки становятся центром внимания. Гендер как перформативный конструкт подробно описан в широко известном труде Дж. Батлер «Перформативность гендера» [Butler 1997]. В социологии множественных миров Л. Болтански и Л. Тевено все миры — вдохновения, рыночный, домашний, технической эффективности, мнения, гражданского мира [Волков, Хархордин 2008] — создаются действующими лицами, которые производят дискурсы, выражающие общественное мнение. Язык напрямую определяет «формат вовлечённости» в тот или иной мир: в формате близости чаще используются мимика и жесты, чем вербальная коммуникация; формат публичных конвенций требует вербальной коммуникации, в которой используются приёмы логики и аргументации; формату интенционального действия, критерием которого является успешность/неуспешность, соответствует, согласно теории Болтански-Тевено, грамматика естественного языка [Ковенева 2008].

Символический интеракционизм и анализ социальной коммуникации во многом выглядит как продолжение теории речевых актов: так, исследование «Анализ фреймов» было выполнено И. Гофманом с опорой на труды Дж. Остина и Дж. Сёрля. Понятие коммуникативного акта замещается понятием фрейма, выполняющего креативную функцию: «миры создаются посредством поддержания условностей» [Гофман 2004: 319]. Первичные системы фреймов не осознаются действующим лицом, так же как языковой код не осознаётся коммуникантом, передающим сообщение, не ориентированное на код. Однако фреймы способны к переключению и транспонированию: в этом случае «ключ» — то, что способствует переходу из одного фрейма в другой (это может быть особое, игровое поведение у животных при транспонировании драки в игру, сама игрушка (например, мяч), и т. д.) — можно понимать как условия перформативности, если речь идёт о перформативном высказывании. Сам Гофман, обсуждая этот вопрос, приводит пример несерьёзного, игрового использования перформативного высказывания из работы Дж. Остина [Гофман 2004: 104-105].

Вербальные перформативы (конструкции с эксплицитными перформативными глаголами) можно представить как «комментарии из другого фрейма» [Гофман 2004: 209]. В случае ритуала с использованием заговора ситуация выглядит так, как если бы говорящий переключался между двумя фреймами: перформанса и перформатива (см. о различии перформатива и перформанса у [Романов, Романова 2009]), театрализованного исполнения ритуала и собственно речевого действия, наделяющего ритуал действенностью. Ритуал становится многоголосным: действующее лицо, «я» говорящего в нарративной части отличается от «я» говорящего в части перформативной. При этом, в процессе анализа заговорного материала, выясняется, что канонический, эксплицитный перформатив, вопреки ожиданиям, присутствует именно в нарративной части, в то время как перформативная часть в качестве комментирующего фрейма содержит квазиперформатив (см. об этом далее).

Вышеописанное не исчерпывает возможности применения теории фреймов к описанию перформативов. Перформативным является и само исполнение (performance) какой-либо социальной роли в пределах фрейма: единичный, актуальный акт воспроизведения, причём оно включает в себя всё то, что определяет именно эту, конкретную социальную драму: обстановку, идеализацию, произвольные жесты, ложное представление, мистификацию, психодраму [Гофман 2000].

Практическая парадигма в социологических исследованиях открывает широкий простор для описания перформативных характеристик самых разных социальных практик: описания телесного как фактора, конструирующего перформативную личность [Мосс 2011], этического аспекта добровольности акта следования правилу [Searle 1995], формирования поведенческих стандартов [Элиас 2001]. Теория практик позволяет методологически последовательно описать повседневные контексты, в которых язык используется перформативно и которые необязательно связаны с употреблением соответствующих высказываний.

С данной парадигмой тесно связана интерпретация семантики фрейма в когнитивной лингвистике. Любая лексико-семантическая группа представляет некую систематизацию опыта или знания [Филлмор 1988]. Понятие фрейма определённым образом соотносится с понятием концепта. Фрейм «входит в состав концепта, который, в свою очередь, используется для представления любых единиц знания, в том числе неструктурированных», фрейм является объёмным, многокомпонентным концептом, представляющим собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации [Болдырев 2004: 29; Болдырев 2001:36]. Концепт представляется более субъективным понятием, чем фрейм: концепт включает в себя даже индивидуальные ассоциации, в то время как фрейм обладает коллективным, стандартизированным, типизированным характером [Лукашевич 2002; Соколова 2007].

Фрейм обладает определённой структурой, включающей в себя несколько уровней, причём, как правило, верхние уровни чётко определены, в то время как заполнение нижних уровней вариативно. Так, фрейм «комната» включает в себя терминалы «левая стена», «правая стена», «потолок», «пол» и пр., заполнение которых может быть вариативным [Минский 1979]. Близкие друг к другу фреймы (субфреймы, суперфреймы) образуют систему фреймов.

Применительно к анализу текста можно говорить о том, что речевой (текстовый) фрейм может быть распознан на основе распознанного слота данного фрейма. Так, в выражении, в котором упоминается чей-либо крёстный распознаётся фрейм «крестины», для которого слово «крёстный» выступает в качестве слота [Гусаренко, Гусаренко 2018]. Таким образом, применительно к коммуникации между людьми фрейм может быть задан и распознан при помощи языкового выражения.

Стоит отметить, что многие семантические и грамматические структуры, такие как, например, валентная структура глагола обнаруживают подобие фреймовой структуры. В разных лингвистических концепциях данные валентные позиции именуется по-разному: реципиент, бенефактор, субъект, объект, причина, цель и т. д. В совокупности заполненные ячейки смысла или «терминалы» по М. Минскому задают фрейм: при этом заполнение одних валентностей обязательно, заполнение других же — факультативно. Трансформационные правила в грамматике Н. Хомского по своей природе аналогичны междуфреймовым переходам и преобразованиям [Хомский 1962].

Перформативы и перформативные глаголы имеют непосредственное отношение к междуфреймовым переходам. Для междуфреймового перехода перформатив является «ключом», по И. Гофману, обеспечивающим переключение фрейма. Так, слот «выражение согласия на брак» является именем субфрейма, входящего в более крупный акт фрейма «бракосочетание». Осуществление данного речевого акта задаёт субфрейм.

Фрейм заговора может подразделяться на следующие субфреймы: 1) молитвенное вступление, 2) зачин, 3) эпическая часть, 4) заговорно-заклинательная формула (пожелание), 5) закрепка (концовка), 6) зааминивание. Здесь не имеется в виду только текстовая составляющая: как показывают исследователи, данные этапы произнесения текста строго соотносятся с этапами исполнения ритуального акта [Харитонов 1992; Юдин 1997]. Некоторые этапы могут быть опущены. Помимо того, что заговор сам по себе задаёт перформативный фрейм, внутри заговора происходит последовательная перформация разных этапов его исполнения.

Рассмотрим следующий заговор:

Стану благословесь, пойду перекрестесь

Из избы дверями, из ворот воротами

В чистое поле к синему морю.

В синем море камень лежит,

Под камнем щука стоит:

Глаза медны, зубы железны.

Пески поедает, дресвы погрызает,

Раба Божьего (имя) уроки призоры, оговоры вызывает

С тридевяти жил, с тридевяти поджилья.

Будьте, слова, крепки и лепки на всяком месте.

[МПСД 2020: 268-269].

В качестве перформативного ключа, задающего субфрейм зачина, выступает формула «Стану благословесь, пойду перекрестесь...», задающая акт перемещения в вымышленный мир. Детали перемещения задаются слотами субфрейма, маркирующими движение в мифопоэтической вселенной: «двери», «ворота», «чистое поле», «синее море». Окончание движения (прибытие на место назначения) означает начало нового субфрейма. Следующий этап задаётся ремой предложения «В синем море камень лежит» и так же отмечен узнаваемыми слотами фрейма, заполненными мифопоэтическими образами камня и щуки. Субфрейм

пожелания задаётся глаголами «поедает», «погрызает», «вызывает» и скрытой сравнительной связью между ними. В данном примере перформация действия доверена мифологическому персонажу и передана при помощи глагола в третьем лице. Завершается фрейм закрежкой, переход к субфрейму закрежки обеспечивается ключом в виде перформативной формулы «Будьте, слова, крепки и лепки на всяком месте».

Фреймовая теория может стать подходящей объяснительной базой для описания конструктивных мест перформативов в заговорах. Применительно к семантической классификации глаголов понятие семантического фрейма во многом аналогично понятию лексико-семантического поля. Классифицируя глаголы и характеризуя их как лексические единицы, мы будем следовать теории лексико-семантического поля и лексико-семантических групп.

1.5. Перформатив и семиотика культуры

Согласно Канту, оппозиция природы и культуры предполагает, что целенаправленная деятельность человека, обладающего свободой воли, имеет отношение к культуре. Именно в области культуры находится способность человека делать выбор и осуществлять действия в соответствии с собственными намерениями [Кант 1966]. Культурный человек противопоставлен человеку природному как полностью детерминированному условиями, не зависящими от него. В свою очередь, оппозиция культуры и цивилизации основывается на ценностном аспекте культуры. В результате культуризации, «возделывания», человек создаёт ценности; цивилизация же имеет техническую и утилитарную направленность [Шпенглер 2019]. Тем не менее, противопоставление культуры и цивилизации не является жёстким: и культура, и цивилизация создаются в ходе мотивированной какими-либо целями деятельности свободного человека.

Исходя из данного понимания культуры, представляется естественным, что с началом изучения перформатива не только социум, но и культура

осмысляется в терминах высказываний-действий. В культурной антропологии происходит «перформативный поворот» [Вульф 2008], согласно которому ценности культуры предстают как результат успешных перформативов, сама же культура понимается как исполнение, перформанс, ритуал.

Другим важнейшим аспектом, повлиявшим на перформативную интерпретацию культуры, является аспект семиотический. Язык конструирует культуру, а её ценности и артефакты, в свою очередь, предстают как знаки, обладающие означаемым и означающим [Лотман 2002]. Национальный язык представляет собой развёртывание духа народа, и он же формирует уникальную, неповторимую культуру народа [Гумбольдт 1984, Вайсгербер 1993, Сепир 1993].

Перформативный поворот, с учётом дихотомии язык-речь [Соссюр 1999], вносит коррективы в данную концепцию, заставляя осмыслять в качестве основы культуры не абстрактную языковую систему, а высказывание, имевшее место во времени и пространстве. Кроме того, культура как таковая является коммуникацией, состоя из высказываний и ответных высказываний, осуществляемых в рамках соответствующих конвенций.

Высказывания, вокруг которых строится культура, понимаются как «перформативные ядра» или «блоки». Перформативные ядра сопровождаются метаописаниями, или дескрипциями, нарративной частью, поясняющей высказывание. Когда высказывание поясняется и дополняется метаописанием, оно трансформируется в ритуал: например, высказывание «я клянусь» становится ритуалом клятвы. Успешные ритуалы формируют культуру и становятся её ценностями [Проскурин 2011: 343]. Семиотическая сеть культуры может быть описана в виде подобных перформативных «узлов» и «нитей»-комментариев, связывающих узлы друг с другом.

Не только высказывание и не только наименование ритуала может представлять собой перформатив: перформативную природу имеют также

культурные артефакты, значимые объекты. Так, езидская *hadîma* представляет собой перформативный объект (например, камень), который найден при особых (регламентированных) обстоятельствах: это, как правило, сон, который видит ясновидящий и в котором указывается место, где находится объект. Данный объект используется в магической практике для исцеления и ясновидения: его использование сопровождается и в то же время создаёт акт культурной перформации — ритуала, имеющего важное значение для езидской культурной и национальной идентичности [Spät 2019].

Образцом применения перформативного подхода может послужить культурологическая экспликация религии, произведённая А. В. Карабыковым. По Карабыкову, религия является культурным стержнем. Основу религии же составляют перформативы [Карабыков 2010; Проскурин 2011]. Перформативное связано с сакральным: изреченное божеством слово понимается как закон, подлежащий строгому соблюдению. Изначально религия дана в виде перформативного текста, который воспроизводит себя в виде перформативных актов: в ритуалах и пророчествах. Эти акты имеют надличностное, коллективное значение. Так, в Древнем Риме юридическое и сакральное оказывается тесно соединено. В дальнейшем, однако, происходит десакрализация перформатива. Неисполнение обета, данного перед богами, перестаёт караться законом: следить за исполнением обета предоставляется самим богам. Место сакральных перформативов занимают перформативы юридические.

Итак, культурно-антропологический подход выявил важнейшие аспекты перформатива, связанные с конструирующей ценностной ролью высказывания-действия. Широкое понимание перформатива позволяет не ограничиваться речевыми произведениями при анализе. Выделение перформативных ядер культуры представляется очень продуктивным для анализа конкретного историко-культурного материала, а разделение перформативного и нарративного как конструирующего и конструируемого позволяет применять данный подход к другим сферам речедействия.

1.6. Перформатив и перформанс

В некоторых исследованиях перформативности наблюдается смешение понятий «перформатив» и «перформанс». Перформанс отделяют от перформатива как сценическое исполнение, а также особый жанр современного искусства, представляющий спектакль как действие, привязанное к определённому месту и времени [Романов, Романова 2009]. Тем не менее, слово «перформатив» (и особенно «перформативный») часто используется в значении «перформанс», «имеющий отношение к перформансу»: так, Словарь иностранных слов под редакцией Н. Г. Комлева указывает следующее значение слова «перформанс»: «{англ. performance — исполнение, действие} — 1) театр. представление, спектакль; трюки; 2) лингв. употребление языка, языковое (речевое) действие» [Словарь иностранных слов 1999].

Такое смешение понятий связано с глубинным сходством внутри механизмов перформанса и перформативного высказывания. Перформанс как сценическая игра, в которой действие совершается «не по-настоящему», которая не имеет прямых социальных последствий, в отличие от церемониала, напоминает транспонированный фрейм у И. Гофмана. Фабрикацию фрейма перформатива, театрализацию перформатива и превращение его в исполнение в смысле «performance» можно объяснить через фундаментальную оппозицию «ритуал-театр».

Европейский театр на протяжении двадцатого столетия рассматривался как возникший из античного театра, в свою очередь появившегося в качестве пережитка дионисийских обрядов. Так, Г. Мюррей пишет следующее: «Мы предполагаем, что трагедия изначально представляла собой ритуальный танец, Sacer Ludus... Далее, опираясь на авторитет древней традиции, мы считаем, что танец, о котором идёт речь, изначально или в своей основе является танцем Диониса, исполняемым на праздниках в его честь, в его

театре... [Murray 1912: 41]. Ср.: «Афинская комедия произошла из ритуальной драмы, по сути своей близкой к той, которая, по мнению профессора Мюррея, породила афинскую трагедию» [Cornford 1914: 190]. Это представление, развитое в трудах Кембриджской антропологической школы, берёт своё начало ещё в высказываниях Аристотеля. До своей театрализации дифирамб имел прагматическую функцию: изображая смерть и воскресение Диониса, бога растительности и плодородия, ритуал способствовал весеннему обновлению природы, а также обладал аспектом личностной трансформации тех, кто принимал в нём участие [Торчинов 1997]. Ритуал перформативен: он обладает особым значением для тех, кто в нём участвует, посредством семиотической трансформации означающих приводит к изменению статуса означаемых. Ритуал не изображает действие, а является таковым. Таким образом, когда ритуал начал исполняться без прагматической цели, для развлечения участников — то есть начало практиковаться «исполнение исполнения» — тогда он стал театром, трагедией.

Тем не менее, отношения ритуала и театра значительно более сложны, чем отношения генеалогии. Критикуя кембриджскую концепцию, Р. Шехнер указывает, что ритуал — вид деятельности, связанной с театром, наряду с игрой, соревнованием, занятием спортом, хореографией и музыкой: «Взаимосвязи между этими видами деятельности (...) не являются вертикальными, не исчерпываются происхождением одного вида от другого; они горизонтальны и включают в себя элементы, общие для отдельных жанров, и методы, которые можно использовать в межродовом анализе» [Шехнер 2020:23-24]. Так, упомянутый дионисийский ритуал изначально представлял собой театральное исполнение событий из божественной жизни, которые происходили «во время оно» [Элиаде 1994]. Ритуалы обычно включают в себя театрализованный элемент: например, Уильямс описывает новогвинейский ритуал хевехе, участники которого надевают специально изготовленные для этой цели маски и танцуют в них, изображая, что в них

вселились духи, и одновременно веря, что маски и есть духи [Williams 1940]. Элементы ритуальности, в свою очередь, могут присутствовать в театральном представлении: катарсис, испытываемый зрителем и актёром, может (а в некоторых концепциях театра не только может, но и должен: см.: [Арто 1991]) выполнять функцию трансформации [Ван Геннеп 1999], то есть перформативную ритуальную функцию.

С опорой на вышеназванные труды в настоящем исследовании вводится понятие актуальности, которое позволяет сблизить ритуал и театр, перформатив и перформанс и другие виды перформативной деятельности. Актуальность включает в себя:

- 1) процесс (событие происходит здесь и сейчас);
- 2) последовательные, непосредственные и необратимые действия, ситуации или взаимообмен;
- 3) соперничество (исполнители или зрители чем-то рискуют);
- 4) инициация (смена статуса участников);
- 5) непосредственное и органичное использование пространства.

Наличие какой-либо или нескольких из этих характеристик говорит о перформативности события, представления, мероприятия. Наибольший интерес представляет концепт необратимости действий: ситуация уже никогда не будет такой, какой она была до перформации. При этом очевидно, что далеко не всякий театр или перформанс, а лишь специфические виды представлений (например, связанные с реально производимыми разрушениями) обладают необратимостью, в то время как нетеатрализованные повседневные социальные интеракции значительно чаще приводят к необратимым последствиям.

Из сказанного следует, что в настоящее время среди исследователей нет консенсуса по поводу единых критериев разграничения перформатива и перформанса. Рассматривая заговор как основу ритуала, мы будем понимать ритуал как сочетание театрализованного поведения (имитация действий других людей, животных или изображение сюжетов из жизни

мифологических и религиозных персонажей) и деятельности, направленной на трансформацию себя, других и неодушевлённой природы.

1.7. Иные подходы к перформативности: перформативность дискурса, жанра и текста

В последние годы перформативность зачастую анализируется как явление, характерное не только для глагола или для высказывания, но и для дискурса. Дискурсивная перформативность описывается как явление, строящееся вокруг действия как системообразующего конструкта [Горбачёва 2014а; Олянич 2015]. Дискурс признаётся обладающим свойством перформативности тогда, когда внутри дискурса субъект находится в ситуации свободного выбора и ответственности за принятое решение, при этом в процессе деятельности происходят некие преобразования действительности в соответствии со стратегическими намерениями субъекта, действие обладает ценностным характером, а явление или событие превращается из безличного факта в поступок, имеющий культурную ценность. Дискурсивная перформативность рассматривается через триаду «операция-действие-поступок». На уровне операций перформативность проявляется в виде клишированных бехабитивов; на уровне действий перформативность реализует себя через речевой акт; поступок реализуется как дискурс в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий. В зависимости от уровня выделяются типы языковой личности: инстинктивная (действующая на уровне операций), рефлексивная (действующая на уровне речевых актов) и интуитивная (действующая на уровне волевой актуализации ценностей).

Особый интерес представляет такая характеристика перформативного дискурса, как его фактогенность. Данная характеристика связана со способностью перформативного акта превращаться в языковой факт или культурное событие [Лучинская, Сизоненко 2013]. Фактогенность возрастает пропорционально ритуализации дискурса: ритуальное событие чаще осуществляется в рамках какого-либо социального института, повторяемость ритуала превращает действие в факт. Социальное действие предстаёт как осмысленное, ценностно нагруженное. При помощи таких высказываний-поступков конструируется деонтическая, или нормативная, модальность [Горбачёва 2015: 133]. Однако, становясь этикетным или карнавальным, дискурс утрачивает фактогенность [Горбачёва 2015: 7].

Корни перформативного дискурса можно найти в магическом заклинании [Тюпа 2013]. Посредством магического дискурса конструируются элементы картины мира, что приводит к изменениям в событийно-социальной действительности.

Магический дискурс считается суггестивным типом коммуникации, который является особой системой, растворённой в деревенской, знахарской и религиозной коммуникации [Гончарова 2012]. Магический дискурс определяется как особый вид дискурса, для которого характерно «внушение (суггестия), обращенное к логосу, пафосу и этосу, которое определяется такими ситуативными факторами как низкий уровень осведомленности и компетентности суггестантов, девиантные психические состояния» [Астафурова, Плахова 2013]. Данный тип дискурса характерен для статусно-ролевого общения. Интенция магического дискурса заключена в избавлении от несчастий и неудач, а также в достижении желаемых состояний сознания и положений вещей. Функционирование магического дискурса обеспечивается магической семиотикой, особыми когнитивными метафорами и символическими соответствиями, характерными только для него.

Что касается самих заговоров, то возможно их исследование в рамках магического дискурса. Однако в отечественной лингвистике зачастую происходит смешение понятий «дискурс» и «жанровая форма» [Чернявская 2011]. Обратившись к анализу заговора как жанра речи [Дементьев 2015] или литературного жанра, мы получим характеристики заговора, которые верны и для анализа заговора как дискурса. Перформативность из свойства речевых актов в случаях ритуализации и закрепления текста в культуре становится свойством речевых жанров, одним из семейств которых является заговор.

Перформативные жанры представляют собой «жанры непосредственного действия словом, осуществляющего изменение самой коммуникативной ситуации общения. Таковы клятвы и проклятия, приказы и просьбы, жалобы, благословения, приветствия, разрешения, обещания, благодарности, завещания и т. п». [Тюпа 2014: 307]. В. И. Тюпа выделяет конститутивные признаки перформативного письма. «Вектор перформативности может быть апеллятивным (направленность преобразовательного речевого действия непосредственно на адресата), декларативным (направленность на формируемый высказыванием коммуникативный объект) или медитативным (направленность на самого говорящего субъекта)» [Тюпа 2014: 309]. Выделенные векторы применимы и к заговорам. Особый интерес представляет проведённое В. И. Тюпой разграничение между лирикой и магией: несмотря на наличие ритуальных повторов и хоровой природы, а также ритма и рифмы, заклинания природы и божеств, целью лирического субъекта является самоактуализация, в то время как субъект магии является асоциальным, его «я» трансцендентно [Тюпа 2014: 311]. Следует отметить, что, помимо роли говорящего, в перформативном жанре не менее важна реакция слушателя, его вовлечённость в процесс восприятия, эмоциональное проживание услышанного.

Любой жанр в принципе обладает перформативным потенциалом, поскольку способен переформатировать действительность [Горбачева 2015].

Заговор как жанр исследовался с точки зрения его прагматического потенциала. В рамках жанра заговора исследователи выделяют цель, бенефицианта, объект, maleфицианта, а также предмет воздействия заговора. Отмечается специфика заговора, заключающаяся в том, что сам текст заговора выступает в роли своеобразного «коммуникативного посредника» между заговаривающим и трансперсональной силой, которой заговор адресован (это сближает заговор с молитвой) [Борисова 2013].

Заговор хорошо поддается описанию в качестве жанра. Его субъектом является личность, установкой — реализация какой-либо ценности (аксиологическое измерение заговора в большинстве случаев выражается в цели победы структурного, организованного мироустройства над изъянами и несовершенством). Заговор является осознанным, осмысленным и волевым действием, он предполагает ответственный выбор заговаривающего. Заговор структурен, событийен и является коммуникативным действием, которое может включать в себя несколько речевых актов. Тем не менее, в отличие от других речевых жанров (например, от спора), заговор характеризуется целостностью, единством и конкретностью иллокутивной цели. Мы считаем, что следует различать заговор как акт и заговор как жанр. Заговорный акт является основным актом заговора как жанра. Иллокутивная сила заговорного жанра выражается эксплицитной или имплицитной перформативной формулой «Я заговариваю, чтобы...».

Заговор может пониматься как перформатив и с точки зрения художественной: с точки зрения его эстетического (катарсического) воздействия. Перформативность художественного творчества как такового считается своеобразным общим местом в литературоведении: при этом сам термин «перформативность» может и не использоваться. Вербальная магия осуществляется «ради эффекта околдования: разбить, распылить мир на фрагменты. Темнота, инкогерентность становятся предпосылками лирической суггестии» [Фридрих, 2010: 34]. Неоднократно отмечались ритуальные, хоровые истоки поэзии [Веселовский 1989]. Литература

представляет собой лирический перформатив, высказывание, творящее само себя. «Литература как «обрядовое слово» в высшей степени ритуальна, её функция не в том, чтобы нечто сообщить, а в том, чтобы нечто утвердить. Литература как обряд имеет отношение к «вечной неизменности», что отвлекает её от Истории» [Барт 2001: 51]. Перформативность стиля предстаёт как претворение собственной «плоти» писателя в литературное произведение. Перформативно также и письмо, которое Барт отличает от стиля и которое «представляет собой акт выбора социального пространства, в которое писатель решает поместить Мир своего слова» [Там же: 60].

Однако словесный поступок отличается от художественного произведения тем, что «чувство словесной активности в поступке слова (приговор, согласие, прощение, мольба) отнюдь не является управляющим моментом, поступок слова отнесен к единству этического события и в нем определяется как нужный и должный. Только в поэзии чувство активности порождения значащего высказывания становится формирующим центром, носителем единства формы» [Тюпа 2014: 317].

Исходя из этого, можно описывать заговор как не только перформативный речевой, но и как перформативный фольклорно-литературный жанр, в котором выражает себя архаическое, ещё не отделившее себя от социума «я», и используются вербально-художественные средства воздействия на слушателя.

1.8. Заговор как перформатив

Под заговорами понимаются «такие тексты, которые призваны магически воздействовать на человека, природу или сверхъестественные силы» [Топорков 2010: 12]. Применительно к анализу перформативности заговоров наибольший интерес представляют наработки теории речевых актов, касающиеся критериев перформативного высказывания.

Однако, помимо теории речевых актов и без использования термина «перформатив», существовала и существует богатая традиция изучения заговорного текста как ритуальной, воздействующей речи. О перформативности заговора, упоминая, но не анализируя данное понятие, писал В. Н. Топоров [Топоров 1993]. Семантический компонент «действие при помощи слова», или «речевое действие / воздействие», является ядром определения заговора у Крушевского: «Заговоръ есть *выраженное словомъ* пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ или безъ него, пожеланіе, которое должно непременно исполниться» [Крушевский 1876: 23]. А. А. Потебня подчёркивает, что заговор представляет собой «словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее» [Потебня 1887: 64].

Следует отметить, что, наряду с компонентом речевого действия, в приведённых определениях очень важен компонент «желание». Согласно теории деятельности А. Леонтьева, деятельность характеризуется целенаправленностью, связанной с мотивацией действующего лица [Леонтьев 2005]. Таким образом, выделение волевого компонента в данных дефинициях подчёркивает целенаправленный, мотивированный характер речевой деятельности в заговоре. «Въ заговорѣ мы всегда находимъ желаніе, съ цѣлью достигнуть котораго и произносится заговоръ» [Зелинскій 1897]. Признак пожелания выделяется, наряду с признаком сравнения, как наиболее распространённое свойство заговора [Познанский 1995]. Признак пожелания, выделенный в качестве критерия заговора, требует подхода к изучению

заговора как связи слова и действия: реализуя данный метод, исследователи ищут основания заговора в психологии и указывают на невозможность изучать магический текст в отрыве от ритуала, которым текст сопровождался. В заговорах наблюдается зародыш драматического творчества и подчёркивается суть заговора не как спонтанного речевого действия, а как заранее заготовленного исполнения, осуществляемого по сценарию.

Другие ранние исследователи заговора делают акцент на компоненте принуждения, которым заговор обладает, в отличие от молитвы [Елеонская 1994; Миллер 1896]. Отметим, что молитвы также являются перформативами и обладают как сходством с заговорами, так и отличиями [Шестеркина 2014]. Впрочем, в ряде сборников наблюдается смешение заговоров и так называемых «народных молитв»; точно так же к заговорам зачастую относят приговоры, заклинания, заклички. Учитывая отсутствие в фольклористике единого понимания термина «заговор», с точки зрения исследования перформативности целесообразно проводить отбор материала в соответствии с функциональным критерием, обозначенным выше, вне зависимости от объёма текста, наличия в нём нарративной части и других формальных и структурных признаков. Тем не менее, указанные признаки должны учитываться при анализе самих перформативных глаголов, содержащихся в заговорах: должна быть установлена зависимость позиции глагола в композиционной структуре от его семантики (или отсутствие такой зависимости).

1.8.1. Номинативная и акциональная перформативность заговора

Перформативность заговора особенно важна, поскольку она выступает в качестве основного, категориального признака заговорных текстов, в отличие от других фольклорных произведений. Заговор произносится с верой в то, что посредством слова можно изменить действительность магическим

путём, и это основная цель заговора, в то время как цель, например, свадебного ритуала — изменение социальной реальности, магические действия, включающиеся в обряд свадьбы, не являются, тем не менее, его основным содержанием.

С некоторой степенью условности можно выделить два магистральных направления в рассмотрении перформативности заговора, две основные методологические аксиомы в основе его изучения. Первый подход мы назовём номинативным, или сравнительно-сопоставительным [Потебня 1905]. Согласно данному подходу, способность заговора воздействовать на природу обусловлена использованием в заговоре приёма сопоставления с мифологическими событиями, которое достигается путём называния священных имён. Следует отметить, что перформативность некоторых фольклорных жанров связана, напротив, с называнием личных имён знакомых исполнителю людей (таковы, например, песни «Виноградье») [Veselova 2019].

Перформативность номинации исследовали А. В. Юдин [Юдин 1992: 66-71; Юманова 1988; Москвина 1997; Фадеева 1997], а также О. А. Черепанова, которая приводит подробный перечень наименований лихорадки в текстах русских заговоров. Многие из этих наименований являются переводами с греческого [Черепанова 1977: 44-57].

Второй подход можно обозначить как акциональный, или перформативный. Согласно этому подходу, заговорная формула, даже будучи сокращённой до «заклинаю тебя», остаётся перформативом, а глагол играет самую важную роль [Познанский 1995]. На основании глагола могут быть классифицированы заговоры, заклинания и молитвы; глагол же служит для отграничения заговора от молитвы.

В заговоре слово неотделимо от действия [Елеонская 1994], однако постепенно действия вытесняются и заменяются словами [Аникин 2001]. Учитывая неотделимость заговора от сопровождающего его ритуала, экспликация действия, названного глаголом, считается ядром заговора и

основанием перформативности заговорного текста. Следует отметить, что именно на основании глагольной семантики действия составлен «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» [Кляус 1997]. Заговорные сюжеты могут быть описаны при помощи схемы, состоящей из следующих компонентов: П — персонаж, Д — его действие, М — место действия, О — объект действия. Выделены две группы глаголов. Для первой группы характерно действие с семантикой уничтожения, для второй — с семантикой созидания.

Ближе всего к нашему исследованию стоит работа Н. В. Гультьяевой, посвящённая лексике русского заговора. Особо нужно отметить следующее замечание автора: «Заговорный текст перформативен, поскольку его произнесение одновременно означает для говорящего и совершение некоего магического действия. «Ядром» заговорной перформативности нередко становятся глагольные формы». И далее: «Заговорные глагольные императивные формы обладают свойством перформативности, поскольку, в отличие от форм повелительного наклонения, встречающихся в обыденной речи, их произнесение равносильно совершению действия — подтверждением тому является заговорный контекст, не фиксирующий дальнейшее развитие событий» [Гультьяева 2000]. Тем не менее, у Н. В. Гультьяевой отсутствуют критерии разграничения заговорных перформативных глаголов: перформативами исследователь считает также и императивные формы. Весьма ценным наблюдением является указание на объектную направленность заговорных перформативных глаголов: эти глаголы обозначают взаимодействие с объектом, воздействие на него. Н. В. Гультьяева обращает внимание на особенности распределения глаголов в заговоре: если первая часть, акциональная, предполагает наличие глагола в активной форме, то вторая часть отличается ирреальной модальностью. «Таким образом, акциональная установка заговорного текста находит отражение в активном и довольно своеобразном использовании глагольной лексики, эксплицирующей в различных контекстах идею разрушения или

созидания объекта, и именно глаголам отводит основную роль при осуществлении магического воздействия» [Там же].

1.8.2. Перформативность заговора и фидеистические представления о языке

Глубокие основания для изучения заговора как перформатива обнаруживаются в теориях мифологической школы [Афанасьев 1995; Буслаев 1861]. Вещное отношение к слову, являющемуся не просто номинацией, но обладающему некоторой материальностью, является характерной приметой русского языкового сознания [Колесов 2012].

Из этого следует, что понятие перформативности заговора можно рассмотреть как связанное с внутренними когнитивными установками заговаривающего и участников ритуала, с верой в магическую силу слова. Р. Якобсон в классификации языковых функций приводит заговор в качестве примера реализации магической, заклинательной функции языка [Якобсон 1975]. Основания веры в силу слова исследователи обнаруживают в фидеистическом представлении о языке: «Любой языковой знак может интерпретироваться двояко: он способен выступать знаком-силой, знаком-энергией, знаком-событием, мифологическим, фидеистическим знаком и знаком-фактом, знаком-объектом, информирующим знаком» [Копчева 2005]. Существуют два основных представления о языке: фидеистическое и рационалистическое. В данном противопоставлении, восходящем к индоевропейской оппозиции Мифоса и Логоса, проявляется различие сакрального и профанного [Степанов 2001: 363]. В заговоре слово священно, наделено особым весом и смыслом, отсылая к событиям, которые совершались «во время оно» [Мечковская 1998; Элиаде 1994; Кошарная 2020], к важнейшей индоевропейской мифологеме «Творец творит мир Словом» [Соснина 2016]. Таким образом, с одной стороны, вера в силу заговорного слова обеспечивает переход высказывания/действия в

мифопоэтический модус, в котором осуществима перформативность заговора; с другой стороны, сама сакральность заговорного акта придаёт высказыванию статус перформатива.

1.9. Прагматика заговора

Изучение заговора всё чаще попадает в контексты исследований фольклористики и антропологии, рассмотрения магии с точки зрения теории практик. Анализируются способы достижения перформативности при помощи невербальных средств: так, переход из профанного модуса в сакральный осуществляется при помощи самотрансформации говорящего [Адоньева, Степанов 2020: 45; Kaufmann 2014].

Рассмотрение заговора как социальной практики приводит к несколько противоречивому заключению: несмотря на то, что заговор как текст основан на фидеистическом представлении о слове и вербальные средства, используемые в нём, служат переходу из мирского в священное, перформативность заговора как акта обусловлена иными закономерностями. Заговаривающий исходит не из веры в силу слова, а из традиции: успешность ритуала обеспечивается правильностью его исполнения, соблюдением последовательности действий. Магический текст как часть ритуала также часто требует произнесения без ошибок (см. исследование прагматического функционирования румынской молитвы «Кто знает один», в которой перечисляются числа от десяти до одного, используемой как заговор с целью облегчить страдания больного: в случае запинки больной умрёт через столько дней, на каком числе споткнулся заговаривающий [Rudan, Tomašić 2019]).

При этом полевые исследования показывают, что сама категория сакральности, восприятия действий как особых, относящихся к высшему плану бытия, для заговора вовсе не является обязательной (см., например, издание «Магические практики севернорусских деревень», где каждый текст

снабжён прагматическим комментарием [Адоньева, Степанов 2020]). Многие заговоры функционируют как часть жизни традиционного общества, не более сакральная, чем выгон скота или уборка, и сопровождают практически каждое повседневное действие. Они передаются от старших к младшим так же, как другие знания о крестьянском быте. Успешность этих заговоров обеспечивается традицией и соблюдением условий места, времени, одежды и т. д. Благоговение перед текстом и страх допустить ошибку присутствуют не всегда; важнее оказывается конвенция, обуславливающая правила поведения в каждом конкретном случае: вежливое обращение к домовому, договор-сделка, «кабала», которую адресуют лешему, и т. д. [Адоньева 2005; Адоньева, Степанов 2020]. Речевая деятельность в ходе ритуала выстроена как коммуникативный акт с мифическими существами, живыми людьми, животными, предметами, а сам ритуал вплетён в обыденную жизнь и необязательно требует особого отношения к исполняемым действиям или специально отведённого места.

1.10. Перформативность заговора и теория речевых актов

Методологические основания теории речевых актов хорошо применимы к текстам заговоров. С позиций теории речевых актов, в сочетании с другими методологическими подходами, заговоры исследуют Е. Н. Левкиевская [Левкиевская 2002], А. А. Романов, Л. А. Романова, Е. Г. Федосеева [Романов, Романова, Федосеева, 2013], Н. И. Коновалова [Коновалова 2004], А. И. Геляева, Д. И. Хучинаева [Геляева, Хучинаева 2015], Н. А. Труфанова [Труфанова 2020], Е. А. Кривенко [Кривенко 2015], А. В. Шемякина [Шемякина 2012] и др.

В статье «Русские заговоры как объект теории речевых актов» мы сопоставили основания теории речевых актов с мифопоэтическими представлениями, на основе которых формируется заговорный текст, известными из семиотики, этнографии и структурной антропологии:

«Подобное параллельное рассмотрение интересно тем, что оно демонстрирует определённое синергетическое единство мифопоэтической логики, в рамках которой создаётся заговорный перформатив, и философско-методологической парадигмы, в рамках которой он исследуется. Вдобавок ко всему, это косвенно указывает на актуальность исследования именно фольклорных, заговорно-заклинательных перформативов» [Куликовская 2019].

Выявляя характеристики заговорного речевого акта, в котором используются перформативы, мы рассматриваем следующие базовые аспекты теории речевых актов: 1) объединение слова и действия в речевом акте; 2) обусловленность иллокутивного акта конвенцией; 3) намерение как основу классификации речевых актов. Анализ с использованием данных параметров даёт возможность описать семантические и прагматические особенности перформативных высказываний в русских заговорах.

1.10.1. Речевой акт заговора как неразделимое единство слова и действия

Ещё Витгенштейн определял магический акт как один из видов языковой игры или же «семью» языковых игр [Витгенштейн 2011]. Магические ритуальные акты действительно могут быть рассмотрены как языковые игры, объединённые семейным сходством: акты пастушеского отпуска, магического лечения, присушки, отсушки, порчи и т. д. Среди них выделяется особый вид актов, осуществляемых с использованием специальных вербальных средств: акты заговора: «в широком смысле, заговор сам по себе представляет собой перформативный акт: каждое слово заговора произносится с целью произвести действие, а не сообщить о нём, и в этом смысле является перформативом. Однако ядром такого акта практически всегда является глагол. В глаголах перформативность как категория эксплицируется, становится дискурсивной. Именно

перформативный глагол оформляет просьбу или требование, предваряет описание желаемого действия» [Куликовская 2019].

«*Молю* тебя и *прошу* тебя, Иисуса Христа, Запрестольную Богородицу, Пречистую Богоматерь, Утолите и утушите сего раба Божьего (имярек) скорбные болезни: порчи, уроки, ветрены переломы, шипоты, ломоты — святым своим духом, святым посвящением, святою моею молитвою» [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 344-345].

В приведённом выше примере мы видим «канонические» перформативы — «прошу», «молю». В текстах заговоров сравнительно широко распространены подобные перформативные глаголы речевой деятельности («прошу», «молю», «выкликаю» и пр.). Однако в заговорах не менее часто наблюдаются перформативные глаголы с другой семантикой: к примеру, лексико-семантическая группа глаголов со значением «закрывать/ограничивать доступ к чему-либо»: («закрываю», «замыкаю», «запираю»), на основе которых создаются ритуальные формулы «ключа-замка», являющиеся самостоятельными с точки зрения композиции. В заговорах можно обнаружить и другие лексико-семантические группы перформативных глаголов: глаголы с семантикой изгнания («снимаю», «прогоняю»), с семантикой активного действия над объектом («беру», «завязываю»), с семантикой результативности и приставкой «за» («загрызаю», «закрываю») и т. д. Эти глаголы не являются языковыми перформативами, в отличие от глаголов речевого действия, обладающих семантикой потенциального перформатива. Однако на основании прагматических, речеактовых характеристик, неречевые глаголы в заговорах переходят в разряд перформативов: решающую роль играет убеждённость заговаривающего в том, что при помощи текста при его произнесении осуществляется магическое воздействие на человека, природу, события, социальную жизнь и т. д.

Во многих магических текстах перформативный глагол не просто сопровождает, но и называет ритуальное действие. В связи с этим с точки

зрения теории речевых актов возникает закономерный вопрос о прохождении подобным глаголом так называемой «проверки на перформативность». Тем не менее несмотря на то, что в теории речевых актов дескриптивная прагматика высказывания является признаком констативного утверждения, противопоставленного перформативу, в заговорах это не совсем так:

«Нож в землю втыкаю — злым людям и колдунам язык подрезаю» [Болонев, Мельников, Леонова: 397].

Приведённая фраза сопровождает ритуальное действие (втыкание ножа), но не описывает его: она в той же степени является действием, что и сопровождаемые ею акты (что в особенности ясно из «расшифровки», в данном примере следующей за названием действия: втыкание ножа символически обозначает подрезание языков злым людям и колдунам).

Не затрагивая пока вопроса о грамматической форме глагола, отметив, что во многих случаях заговорный перформативный глагол не сопровождает и не называет, а полностью заменяет собой ритуальное действие: «Так, распространённая заговорная формула «Стану, благословясь, пойду, перекрестясь», предваряющая описание мифорелигиозного топоса, представляет собой «способ перемещения» в это пространство и последующего «действия» уже внутри него» [Куликовская 2019].

Мифопоэтическое мышление схоже с представлением о языковой игре, в которой жизненный мир конструируется как комбинации неких значимых элементов, имеющих большую или меньшую ценность [Uexküll 1957]. Сам парадокс взаимозаменяемости действия и слова в магическом акте базируется, как мы уже отмечали, на мифопоэтическом представлении о креативной функции речи: функции, понимаемой буквально.

Таким образом, заговорный вербальный перформатив и сопутствующие ему колдовские действия представляют собой языковую игру, обладающую внутренним единством и целостностью, объединение речевого и акционального: «Специфика прагматики заговорного текста связана с верой говорящего в то, что путём произнесения заговора

производится воздействие на реальный мир (урожай, здоровье, человеческие отношения), не связанное с убеждением/ внушением, а также наречением, посвящением, приговором и иными речевыми ритуалами, изменяющими социальный или юридический статус людей. Именно описанная прагматика делает возможным перформативное использование в заговорах таких глаголов, как, например, «ограждаю», «замыкаю», «завязываю» и т. д., не являющихся «каноническими» перформативами. В осуществлении речевых актов данного вида перформативные глаголы играют особую роль: они могут как сопровождать, так и называть движения, манипуляции с объектами и т. д., что нехарактерно для перформативных высказываний в других типах актов» [Куликовская 2019]. Был отмечен вопрос, который в дальнейшем раскрывается подробнее, о полной замене перформативным высказыванием ритуального действия, за счёт чего осуществляется перенос этого действия в мифопоэтический хронотоп.

1.10.2. Конвенциональная обусловленность семантики перформативов в заговорах

Применительно к заговорным текстам успешность перформатива требует соблюдения конвенций: соответствия обстоятельств произнесения высказывания и наличия у говорящего права производить данное речевое действие: «Обстоятельства будут считаться уместными в тех случаях, когда ритуал проводится правильно, а требования к говорящему соответствуют требованиям, предъявляемым народной культурой к лицу, наделённому правом проводить магический обряд» [Куликовская 2019].

Существует множество условий успешности магического действия, предписываемых и закреплённых традиционной культурой. Объяснение неуспешности колдовства практически всегда обнаруживается в «неправильном» проведении обряда, недостаточной квалификации магического специалиста. Наличие правил языковой игры и условий

успешности задаёт своего рода «координаты» ирреальной модальности, в которой действует колдун: если за обрядом последовало желаемое действие, значит, конвенции были соблюдены, в то же время, если обряд оказался неэффективным, всегда может быть найдена ошибка, которая привела к неудаче.

Невозможно сформулировать единые требования к «успешному» колдовству: конвенции разнятся в зависимости от региональных, культурных различий, от традиции и индивидуальных правил, которым следует конкретный практик. Весьма распространён учёт следующих обстоятельств: место, время (лунная фаза, положение звёзд и планет), соответствие последовательности действий виду и цели обряда, использование правильных предметов для ритуала, тайный характер магического действия [Мороз 2012].

Что касается права говорящего совершать данный обряд, то применительно к деревенской магии взаимосвязь между категориями социального капитала и приписываемыми магическими способностями достаточно подробно рассмотрена в антропологии [Адоньева 2005; Христофорова 2010]. Человек, обладающий правом заговаривать («колдун», «знаткой», «знаток», «портун», «бабка» и пр.) является особой фигурой в традиционном микросообществе [Мороз 2012]. Его авторитет, репутация и приписываемая ему власть играют решающую роль в определении того, может данный человек совершать обряд или нет.

Выделяются некоторые признаки человека, наделённого правом на осуществление перформативных магических действий. С одной стороны, это человек, который получает силу и мистическое знание путем некоторых специальных ритуалов, с другой стороны, знаткой всё время продолжает учиться и вредит другим людям не через свою внутреннюю злую силу, но через некоторые вербальные формулы (которые могут быть устно переданными или прочитанными в колдовской книге), так же, как и некоторыми манипуляциями с объектами и зельями.

Коммуникативные особенности поведения знаткого можно классифицировать следующим образом:

1. Вербальные.

Предполагаемый знаткой не говорит много: он говорит медленно и использует много намёков;

Он любит давать разъяснения магического/мистического характера и читать будущее;

Он бормочет и разговаривает сам с собой.

2. Невербальные.

Он кладёт руку на спину или плечо жертвы;

Он действует странно, совершает движения, которые не могут быть разъяснены окружающими (пытается войти в чей-то дом или во двор без причины, делает круги в доме, заставляет кого-то выйти с ним, отказывается пробовать закуску прежде гостя, просит не размешивать сахар в его напитке и т. д.).

Есть ещё некоторые типичные признаки поведения (как правило, несоциального) и внешности (копна неубранных волос, небритая борода, густые брови, постоянно бегающие глаза, странная одежда) знаткого. Эти вещи выводят человека за рамки общепринятых стандартов и связывают его внешность с демоническим образом, принятым в традиции.

Распространённой приметой знаткого является использование фразы «ты меня ещё попомнишь» (см. об этом: [Khristoforova 2019]).

В том случае, если на статус знаткого претендует человек, не обладающий достаточным авторитетом, демонстративно или слишком часто использующий признаки модели поведения колдуна, это приводит не к повышению статуса, а к противоположному результату: слова такого человека рассматриваются как блеф, а сам он становится объектом насмешек.

Тем не менее, существуют обряды, которые могут исполняться любым членом общества. Для исполнения многих заговоров на любовь, на привлекательность, семейно-бытовых обрядов не требуется

«подтверждённый статус» знаткого. Как правило, участие знаткого требуется для обрядов, бенефициар которых отличается от самого знаткого. Однако в некоторых случаях и для этих обрядов достаточно других статусных признаков: например, старшинства.

Как отмечаем мы в работе «Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов», «данные прагматические характеристики выстраивают цепь соответствий «говорящий-заговор-перформатив-практика»: так, квазиперформативный глагол «изгоняю» (болезнь, злых духов) уместен в устах «знатка», «ведуна» в типе «лечебных заговоров» в ритуале изгнания, в то время как второй глагол «беру» в любовном заговоре «Как ты меня берёшь за руку, так я беру тебя за сердце» может произноситься любым человеком, имеющим, впрочем, определённый возрастной и социальный статус (как правило, молодой/молодая, неженатый/незамужняя), на танцах» [Куликовская 2019].

Итак, прагматические параметры перформативных глаголов определяются конститутивными правилами, благодаря которым функционирует обрядово-магическая деятельность. При соблюдении данных правил заговорный перформатив признаётся успешным; при несоблюдении — неуспешным. Важнейшими условиями успешности являются:

- 1) соответствие лица, проводящего ритуал, типу ритуала («знаток» или любой член общества);
- 2) соответствие проводимой процедуре обстоятельств места, времени, последовательности действий и т. д.

1.10.3. Цель речевого акта

Эксплицитные перформативные глаголы в заговорах в большинстве своём, согласно классификации Дж. Сёрля, являются директивами, однако, в отличие от классических директивных высказываний, в качестве адресата заговорных директивов выступают мифологические существа или

религиозные образы. В канонических перформативах, в глаголах речевого действия и воздействия актуализируется магическая, заклинательная функция языка: осуществляется обращение к божествам, духам, живой и неживой природе. Намерение говорящего в таких случаях состоит в призыве, просьбе, требовании. Речевые акты заклинания включаются в заговорный текст с целью побуждения к действию, «приведения в движение» ситуации в соответствии с намерением заклинающего. Можно утверждать, что в этом случае только особый тип адресата отличает заговорный директивный акт от директивного акта в обыденной речи.

Квазиперформативы, неэксплицитные перформативные глаголы, в заговорах тоже наделяются целевой семантикой: в заговорах широко распространены глаголы с результативной приставкой «за» («зарываю», «закрываю», «закрываю»). Перформативные употребления неперформативных глаголов в заговорах очень часто обозначают состояние ситуации, которое является целью заговаривающего:

«Закрываюся я, рабъ Божій (имя рекъ), отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдукъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ» [Майков 1869: 91].

Анализ заговорных квазиперформативов с точки зрения теории речевых актов способен дополнить существующие классификации иллокутивных актов. Магический дискурс содержит речевые акты, характерные именно для него, нетождественные тем же актам в обыденной речи: акты магического ограничения, магического изгнания, магического запрета, магического призыва. Невозможно не отметить особенности соотношения между интенциональными параметрами перформативных и квазиперформативных глаголов и типологией заговоров. Например, семантика ядерных квазиперформативных глаголов в лечебных заговорах зачастую метафорически и метонимически связана с симптоматикой заболевания, которое говорящий намеревается устранить. Так как вывод о причинах заболевания делается в соответствии с мифологическим и

магическим принципом подобия [Фрезер 1980], избавление от болезни осуществляется способом, сходным с симптоматикой болезни: в ходе обряда грыжу «загрызают», радикулит (утин) «зарубают», лихорадку (огневицу) сжигают. Целевой квазиперформативный глагол, выражающий данное действие со значением подобия, эксплицирует интенцию всего заговора в целом, становясь таким образом центром заговорного акта. Рассмотрение иллокутивных характеристик позволяет разграничить перформативные и квазиперформативные глаголы в заговорах, на чём мы подробно остановимся далее.

Таким образом, определение интенции заговорных перформативов может лечь в основу классификации речевых актов, дополняющей уже существующие. Важное место в такой таксономии занимают квазиперформативные глаголы, в которых выражается желаемый результат ритуала. Тем не менее, эксплицитные перформативные высказывания, встречающиеся в заговорах, также интересны: их иллокутивная цель обладает особенностями, отличающими их от канонических перформативов в других видах дискурса, например, в официально-деловом или повседневно-бытовом дискурсе.

Можно заключить, что методы изучения перформативности, найденные в рамках теории речевых актов при анализе разговорной речи, юридического и повседневно-бытового дискурса, хорошо применимы к исследованию заговоров, в частности, русских. «Установки ТРА оказываются максимально приближены к картине мира изучаемой языковой личности, что упрощает процесс анализа. В соответствии с этими установками, магический ритуал воспринимается как неразделимое единство речи и действий: перформативное высказывание (ядром которого выступает глагол) считается обрядовым действием наравне с прочими (завязывание узла, начертание круга и т. д.)» [Куликовская 2019].

К заговорам, так же, как и иным видам речевых актов, применим подход теории речевых актов, основанный на интенциональности и

конвенциональности речи. Правильность выполнения обряда и соответствие лица, совершающего обряд, требованиям, предъявляемым сообществом к данному лицу, являются «условиями успешности» заговора. Цели заговора разнообразны и являются основой типологии заговорных речевых актов.

Немаловажное наблюдение, которое можно сделать, анализируя концепции заговора как перформатива, созданные с позиций теории речевых актов, заключается в том, что заговор в этих концепциях понимается как целостный коммуникативный акт, успешность которого обусловлена совсем не произносимым текстом и отдельными словами, а лишь соблюдением конвенций. Несмотря на то, что подход к заговору как перформативу именно с точки зрения теории речевых актов является традиционным (учитывая историю самого понятия «перформатив»), используя только теорию речевых актов, без дополнения другими методами, мы рискуем неоправданно сузить представление о перформативности заговора, для которой условия успешности важны, но которая при этом несводима к данным условиям.

1.10.4. Перлокутивный эффект заговорных перформативных высказываний

Особого внимания заслуживает вопрос о перлокутивном эффекте перформативных высказываний в заговоре. Перлокутивный акт понимается как действие с рассчитанным эффектом, который оказывается на слушающего и может быть осознанно направленным и рассчитанным. Так, в случае заговорных текстов мы не можем говорить о перлокутивном эффекте коммуникативного акта. Однако мы полагаем, что можно говорить о перлокутивном потенциале высказываний в составе заговорного текста, в том смысле, в котором мы говорим об иллокутивных и перлокутивных глаголах как единицах языка. У заговорных эксплицитных перформативов присутствует семантическая роль адресата, хотя этот адресат в случае заговора и является виртуальным, однако сема воздействия на адресата содержится в семантике глагола. Перлокутивный эффект иллокутивного перформатива зависит от реакции адресата (от готовности исполнить просьбу или подчиниться приказу). В отличие от иллокутивных перформативов, перлокутивные глаголы вместо семы речевого воздействия содержат сему речевого действия: акты отречения, отлучения, клятвы производятся посредством произнесения слов и не зависят от реакции адресата. Соответственно, перлокутивный потенциал просьбы может быть описан как наименьший (адресат может отказаться от выполнения просьбы); потенциал мольбы, по сравнению с просьбой, возрастает за счёт эмоционального компонента при воздействии на виртуального адресата; при приказе подразумевается невозможность отказа, обусловленная авторитетом говорящего, но успешность акта всё же зависит от адресата; хотя успешность акта вызывания и зависит от адресата, зов — это речевое действие, не нуждающееся, в отличие от просьбы или приказа, в дополнительных уточнениях; «отрекаюсь», «отлучаю», «клянусь» — полноценные речевые действия; «заговариваю», «заклинаю» в значении «осуществляю магическое

речевое воздействие» как единицы языка обладают таким же перлокутивным потенциалом, как «отрекаюсь», «отлучаю», «клянусь». Однако их иллокутивная цель сопоставима с целью всего заговора (любого заговора), в то время как отречение, отлучение, клятва всегда представляют собой акты в составе заговора, имеющие собственную микроцель, ведущую к достижению основной цели заговора.

1.11. Интерпретация заговорного перформатива с точки зрения речевого воздействия

Изучению перформатива в России сопутствовало появление суггестивной лингвистики, исследований влияния языка на подсознание личности. Возникает фоносемантический анализ: на основе картотек экспериментальных данных устанавливаются звуко-цветовые соответствия и создаются компьютерные программы для определения эмоционального и ассоциативного потенциала текста [Журавлев 1974, Прокофьева 2007]. Была разработана программа для фоносемантического анализа «Диатон» с модулем «Словодел»: в дальнейшем клоны этой программы, основанные на модуле «Словодел», а также программа «ВААЛ» становятся широко известными и используемыми в практической, в частности, рекламной, деятельности. Как утверждает И. Ю. Черепанова, «суггестивная лингвистика в своем программном выражении позволяет точно (на 90%) определить: 1) какие ритмы мозга и связанные с ними эмоции будут актуализированы созданным текстом или отдельным словом; 2) наличие позитивной или отрицательной суггестии (гипноза); 3) уровень «проблемности» текста (наличие негативной лексики); 4) какая цветовая гамма должна быть использована для визуального оформления; 5) скрытое намерение личности в точке «золотого сечения», измеряемого с точностью до звука» [Черепанова 2014: 3-4]. Представляет интерес тот факт, что в качестве материала для исследования послужили тексты молитв, мантр и заговоров, которые

признаются текстами суггестивной направленности. Художественные средства в заговорах считаются выполняющими заклинательную, воздействующую функцию. Изучается влияние заговоров на психологическое состояние людей, на ритмы мозга и т. д. [Черепанова 1995].

В настоящее время существует Тверская лингвистическая школа, одним из направлений деятельности которой является изучение перформативности акта ритуала. Выделяются следующие признаки ритуальной коммуникации:

1. Ритуальная коммуникация вплетена в структуру конкретного ритуального игрового пространства.

2. Ритуальная коммуникация подчинена структуре ритуального игрового пространства и некоторым образом способна репрезентировать её единицы и даже взаимоотношения между ними.

3. Ритуальная коммуникация представлена в виде набора стандартных поведенческих актов, используемых участниками ритуального игрового пространства.

4. Ритуальная коммуникация сопряжена с определённой системой сигналов, каждый из которых связан с конкретной игровой ситуацией и конкретным типом игрового пространства.

5. Ритуальная коммуникация как система сигналов подчинена их нормативному использованию, заданному ритуальным пространством и его конкретным типом игрового исполнения.

6. Ритуальная коммуникация строго регламентирована и последовательна в чередовании своих актов и действий.

7. Ритуальная коммуникация полифункциональна: например, одна из функций ритуальной коммуникации — формирование у участников соответствующего настроения.

Существуют разные виды ритуальных актов сакральной коммуникации (или РАСК): хваления, прошения, клаузулы, поучения, керигмативы (возвещения), вотивы (обеты), ритуальные вопросы, свидетельства, юссивы

(директивные практики). Светские, нерелигиозные РАСК подразделяются авторами на сигнальные (эмоциональные восклицания) и символические. Среди последних выделяются акты гадания, заговора, приворота, присушки, наговора, снятия порчи, заклинания, рождения, записей гражданского состояния, соблезнования, завещания. Возможна и иная классификация: ритуальные — культовые — магические с подразделением последних на псевдомагические и мобилизующие, причём заговор попадает в группу псевдомагических (см. об этом подробно: [Романов, Романова 2009: 91]).

Что касается перформативных высказываний, то указывается на то, что перформативные выражения в ритуальной коммуникации приобретают максимальную степень сакральности. Это обусловлено уникальностью, неповторимостью и невоспроизводимостью перформатива.

Исследователи рассматривают также ритуализированные перформативные единицы в актах сакральной коммуникации. Ритуализированные перформативные формулы рассматриваются как маркеры позиционных изменений личности. В качестве признаков, отличающих ритуальные перформативы от канонических, называются признак результативности и признак точечной речевой каузации. Данное замечание представляет для нас особую ценность: при попытке соотнести перформативность и вид коммуникации, имеющий перформативную основу (как заговор или религиозный обряд), любой исследователь неизбежно сталкивается с проблемой выделения и описания перформативных единиц: канонических и каких-либо иных перформативов в составе ритуала. В этом смысле по отношению к другим видам ритуальной коммуникации заговор специфичен: критерии разграничения канонических и неканонических перформативов в составе заговора обусловлены особенностями структуры заговора, семантикой и прагматикой заговорных перформативных глаголов. Установление данных критериев является одной из задач нашего исследования, которую мы решаем далее.

Рассуждая о перформативности заговора с точки зрения его воздействия на участников, можно заключить, что перформативность заключается в том, что в ходе ритуала у участников события создаётся новый коммуникативный образ ситуации [Романова 2001: 19]. Большим значением обладают статусно-ролевые взаимоотношения суггестора и реципиента в ритуальном акте, которые становятся объектом исследования при комплексном рассмотрении сакральной коммуникации, среди которых акты с количеством участников более одного занимают значительную долю. Применительно ко многим заговорам можно сказать, что роли суггестора и реципиента в них совмещаются: ауто-суггестивность может быть выделена как типологическая характеристика заговора и других магических актов, которые для своего осуществления не обязательно требуют участия специалиста.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие данных работ, по-прежнему остаётся ещё очень широкое поле для исследований суггестивности заговоров, связанное с экспериментом, направленным на изучение изменённых состояний сознания. Без указания на основные исследования в этой области наш обзор был бы неполон. В настоящее время к академическому изучению альтернативных состояний сознания наблюдается всплеск интереса (см., например: [Flor-Henry, Shapiro, Sombrun 2017; Голошейкин 2003; Малевич 2015; Назарова, Ковалев 2013; Федотчев 2013]). Исследуется не только феноменология, но и потенциал традиционных техник для психотерапевтической коррекции патологических состояний. Некоторые техники получили статус признанных и широко применяются в медицинских целях, другие же маргинализированы, и их применение остаётся в серой зоне парамедицины. Обнаружены, выделены и описаны ЭЭГ-корреляты медитативного состояния, шаманского опыта, религиозного опыта, состояния во время гипноза и ауто-тренинга. Пьером Флор-Генри и Яковом Шапиро [Flor-Henry, Shapiro & Sombrun 2017] для обозначения состояний гипноза, транса, медитации и пр. был предложен термин

«альтернативное состояние сознания». Нейрофизиологическими признаками такого состояния признаны следующие: 1) доминирование правого полушария; 2) увеличение пропорции и амплитуды активности альфа-диапазона (от 8 до 13 Гц) с передне-задней синхронизацией; 3) увеличение тета-мощности и короткие синхронные вспышки высоковольтных тета-волн; 4) увеличенная гамма-мощность; 5) синхронизация активности между левой и правой лобными долями; 6) генерализованный сдвиг в сторону парасимпатического доминирования и высвобождение эндогенных опиоидов [Flor-Henry, Shapiro, Sombrun 2017].

Если рассматривать заговор как древнейшее средство внушения и самовнушения, то ясно преимущество его статуса перед современными текстами аутотренинга — в отличие от последних, заговор представляет собой сакральный текст, обладающий авторитетностью для того, кто его использует. С точки зрения изменённых состояний сознания заговоры исследует В. М. Харитоновна [Харитоновна 1995]. Суггестивный потенциал заговора не вызывает сомнений. В этой связи представляет особый интерес нейрофизиологический подход к изучению восприятия заговора. Можно предположить, что сам процесс произнесения заговора представляет собой метод концентрации внимания. Благодаря этой концентрации достигается состояние слабой степени гипноза, в котором становится возможным внушение необходимой установки, которая содержится в тексте. Психобиологическая модель заговора должна быть схожей с психобиологическими моделями других альтернативных состояний сознания.

Однако должны присутствовать и определённые отличия, связанные со спецификой заговора. Так, у заговаривающего, в отличие от, например, практикующего медитацию, не остаётся времени на подготовку к вхождению в альтернативное состояние сознания. Функцию такой подготовки может выполнять заговорный зачин, но он не всегда присутствует в тексте. Вхождение в особое состояние должно осуществляться практически мгновенно — заговор произносится очень быстро. Ближе всего заговор

стоит, по-видимому, к произнесению словесных мантр. С последними заговор сближает монотонная интонация, с которой он обычно произносится и особенность, часто отмечаемая исследователями, — заговаривающий как будто старается не вдумываться в содержание заговора, иногда даже не понимая значения большей части текста.

Тем не менее, большинство заговоров имеют сюжет и ясную смысловую структуру, что предполагает возможность размышления над текстом. В качестве пресуппозиции заговорной ситуации выступает неустойчивая ситуация, вызывающая тревогу и подлежащая изменению. Обращаясь к заговорным текстам, мы видим, что в большинстве из них моделируется желаемый вариант реальности. Эта ирреальная модальность вводится в текст при помощи разнообразных лингвистических средств, в основе которых, как правило, лежит категория сравнения. Такое сравнение отсылает к архетипической ситуации, сакральному прецеденту, задействуя этнокультурные стереотипы языкового сознания. [Коновалова 2004].

Изучая воздействие заговоров, важно выявить, за счёт чего достигается суггестивный эффект: в частности, меняются ли психобиологические характеристики в зависимости от содержания текста, какую роль играет интонация и ритм произнесения. Можно предположить, что, в случае осознанного произнесения/восприятия текста, не все структурные элементы заговора характеризуются одинаковым воздействием. Наша гипотеза заключается в том, что доминантные элементы текста воспринимаются иначе, чем зачин или закреп; нарративная часть заговора — иначе, чем перформативная.

Итак, с точки зрения анализа речевого воздействия заговоров на реципиента, было бы полезно выявить роль содержательных компонентов в формировании суггестивной функции заговора. Данное исследование, безусловно, выходит за рамки настоящей работы, однако может быть предпринято в будущем.

Исходя из рассуждений, представленных в данной главе, можно сформулировать три определения заговора как перформатива, соответствующих трём основным концепциям в исследованиях заговорной перформативности:

1) согласно первой концепции, заговор представляет собой перформативное использование языка, при этом перформативность обусловлена магической функцией языка, фидеистическими представлениями о языке, представлениями о сакральности слова, актуализацией символических образов;

2) согласно второй концепции, заговор представляет собой перформативный текст, который приобретает свои перформативные свойства за счёт повторения, точного соответствия текста традиции;

3) согласно третьей концепции, заговор представляет собой речевой, коммуникативный акт, который необязательно является заученным и повторенным текстом: усваивается только формула, в то время как в деталях допустимы вариации (перформативность обусловлена традицией и соблюдением условий успешности).

Во всех этих случаях присутствует перформативность как стремление совершить действие при помощи слов, но её интерпретации имеют разный характер. В первом случае цель должна быть достигнута просто потому что слова обладают силой: мифопоэтическое сознание это допускает, поэтому особые сакральные тексты служат для перформации; во втором случае перформативность достигается за счёт актуализации традиционного текста (использование текста сопоставимо с использованием сакрального объекта: собственно, в такой объект текст нередко и превращается, будучи написанным и используемым как оберег); в третьем случае перформативность обусловлена традицией исполнения не текста, а определённого сценария.

Мы предлагаем условно обозначить данные виды интерпретаций заговорной перформативности соответственно: 1) интерпретация

лингвистическая, 2) интерпретация культурологическая, 3) интерпретация социокоммуникативная.

К лингвистической интерпретации примыкает вопрос о воздействии заговора на говорящего/адресата: при этом, с одной стороны, фоносемантический анализ сконцентрирован на анализе текста, с другой стороны, анализ ритуальной коммуникации занимается речевыми актами.

Следует помнить о том, что заговоры функционируют по-разному: способы их функционирования могут пересекаться, могут присутствовать все составляющие: например, ритуальный текст с упоминанием Иисуса Христа и Девы Марии может произноситься, будучи заученным наизусть, с соблюдением конвенций, регулирующих обращение к религиозным персонажам, и сопровождаться другими ритуальными действиями, но в ряде случаев перформативность может быть сведена только к перформативности текста или к перформативности акта. Тем не менее, приведённая классификация подходов чрезвычайно полезна, поскольку позволяет рассматривать заговор как перформатив без терминологического смешения, свойственного обоим понятиям, и определить направления узкоспециализированного исследования, не вторгаясь в области других научных дисциплин.

Исходя из этого, в ходе исследования при рассмотрении заговора как перформатива были выделены следующие подходы:

1. С точки зрения лингвистической перформативности, должны быть изучены те языковые средства, в которых проявляется фидеистическое понимание заговора как слова, при помощи которого можно совершать действия, имеющие некаузальные последствия.

2. С точки зрения культурологической перформативности, должны быть изучены те тексты и иные памятники, которые традиция наделяет перформативными свойствами. Культурологическая интерпретация не может ограничиваться анализом текстов: необходимо исследовать условия их существования, время, место хранения, условия использования.

3. С точки зрения социологической (социокоммуникативной) перформативности, должен быть изучен ритуал как перформативная практика, имеющая последствия в виде изменения социальной реальности.

4. С точки зрения коммуникативного воздействия, должны быть изучены вербальные и невербальные средства, при помощи которых в ходе ритуальной коммуникации осуществляется изменение коммуникативных и когнитивных установок участников ритуала.

В рамках данной работы мы будем заниматься исследованием лингвистической перформативности и основного способа её реализации — перформативного глагола.

Выводы по Главе I

Перформативность представляет собой сложное многоаспектное явление, выступающее в качестве объекта разных научных дисциплин, основными из которых можно считать лингвистику, коммуникологию, фольклористику, литературоведение, дискурсологию, лингвистическую философию, культурологию, искусствоведение, социологию. Все методы изучения перформативности, представляющие собой зачастую независимые друг от друга направления, могут быть объединены под общим названием «перформативные исследования». Возникновение перформативных исследований стало возможно благодаря становлению постнеклассической научной картины мира, возросшей роли языка в философии структурализма, постструктурализма и постмодернизма, лингвистическому повороту в философии, сближению ритуала и театра и появлению перформанса как жанра, появление и распространение семиотического подхода в разных научных областях. Перформативный подход к изучению языковых и социальных явлений характеризуется следующими признаками: 1) идея конструкционизма: мировоззрение, ценности, факты, идентичности и пр. конструируются в ходе некоторых процедур (операций); 2) идея языковых

игр; 3) представление об интенциональности и конвенциональности как ключевых аспектах социального взаимодействия; 4) синкретический подход; 5) языковой (семиотический) подход к анализу событий, в том числе неязыковых.

Философско-методологической основой перформативных исследований можно считать теорию языковых игр и теорию речевых актов. Теория речевых актов, в русле которой возникло понятие перформатива, и сегодня считается основной методологической рамкой изучения перформативных высказываний.

Были обозначены следующие подходы к исследованию перформатива: лингвокоммуникативный, социологический, культурологический, дискурсивный, жанровый, текстологический.

Лингвокоммуникативный подход подразделяется нами на речеактовый и собственно лингвистический подход. С точки зрения теории речевых актов мы описали конвенционально-интенциональные характеристики перформативного высказывания, различие между перформативом и констативом, соотношение между перформативом и иллокутивным актом и перлокутивный эффект перформативных высказываний. С точки зрения собственно лингвистической мы охарактеризовали перформативность как глагольную категорию, уделив внимание лексической и грамматической семантике перформативного глагола, значению эксплицитной перформативной формы, а также наметили разграничение между перформативами, полуперформативами, квазиперформативами и композитными перформативами, которому будем следовать в практической части настоящего исследования.

Социологический подход предоставляет для анализа перформативных высказываний методологический аппарат социологии повседневности, социального конструкционизма, теории фреймов. Культурологический подход открывает новое измерение перформативных исследований,

связанное с изучением жанра перформанса и независимое от теории речевых актов.

Выявлено, что в настоящее время существуют и иные методы изучения перформатива: перформатив рассматривается как дискурс, как речевой жанр, как текст и как литературный памятник.

Изучение заговора и ритуально-магической речи занимает особое место в перформативных исследованиях, поскольку с точки зрения функциональной направленности в любом перформативном высказывании актуализируется магическая функция языка.

Выделяются три основных подхода к исследованию перформативности заговора. В лингвистическом смысле перформативность заговора конструируется при помощи вербальных средств, в особенности глаголов. В культурологическом аспекте заговор анализируется как сакральный текст, перформативность которого обеспечена точным произнесением без ошибок. В социокоммуникативном аспекте заговор описывается как акт, который не сводится ни к вербальным средствам, ни к текстам.

Указанные три подхода могут быть соотнесены с выделенными нами подходами к изучению перформативности как таковой. Было показано, как именно каждый из описанных нами подходов может быть применён к анализу заговоров, однако в рамках данного исследования мы отдаём предпочтение лингвокоммуникативному подходу, уделяя особое внимание лингвистической перформативности как глагольной категории.

Глава 2. Семантика перформативных глаголов в заговорах

Несмотря на то, что, как указывалось ранее, заговор целиком представляет собой перформатив, будучи исполняемым в ходе акта, в котором слово неотделимо от действия, именно эксплицитный перформативный глагол считается ядром категории перформативности [Апресян 1995; Кошмидер 1962]. Под эксплицитным или каноническим перформативным глаголом понимается глагол в перформативной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. залога, изъяв. накл. Ассертивная (но не прессуппозитивная) часть такого глагола включает в себя сему «говорить, сказать»; кроме того, эксплицитный перформатив организует вокруг себя иллокутивный акт. Так, Е. А. Красина указывает на то, что сущность перформативности как семантико-прагматической категории заключается в обозначении речевого действия, реализующегося в коммуникативном акте, особым, перформативным глаголом [Красина 1999]. В то же время не каждый глагол, в семном составе которого присутствует сема «говорить, сказать», может являться перформативом: не обладают перформативным значением глаголы *лгу*, *подстрекаю* и пр. Следует различать понятия «эксплицитная перформативная форма глагола» (рассмотрено нами ранее) и «эксплицитный (канонический) перформативный глагол» (рассматривается нами здесь).

При этом исследователями отмечается, что существует ряд эксплицитных перформативных глаголов, семантика которых явным образом не связана с речью: например, глаголы в таких высказываниях, как *Слушаю и повинуюсь*, *Посвящаю вас в рыцари*, *Жалую вас званием главного церемониймейстера* [Апресян 1995] не обладают семантическим компонентом «говорить, сказать». Глаголы, подобные перформативам *отлучаю*, *клянусь*, не указываются в семантическом словаре [Русский семантический словарь 2007] в числе слов, обладающих значением «говорить». Не вызывает сомнений тот факт, что акты отлучения и клятвы

совершаются посредством речи; но эта семантика в них не выносится на первый план (см., например, классификацию Е. Красиной, где перформатив *клянусь* указывается в числе глаголов, содержащих в семантической структуре обязательный компонент «давать», но не «говорить»: *клянусь* = даю клятву [Красина 1999: 120-131]). Эти перформативы соответствуют социально-институциональным актам, представляющим собой «формальные и неформальные акты ритуального взаимодействия» [Романов, Романова, Федосеева 2013].

Данное противопоставление социально-институциональных перформативов и перформативов, называющих иллокутивные акты (*прошу, требую, обещаю* и пр.), соответствует противопоставлению «настоящих» и «ослабленных» перформативов: ослабленные представляют собой автокомментарии говорящего, в то время как настоящие содержат в себе то «социально значимое действие», которое и делает перформатив перформативом [Михеев 2003: 258]. Иллокутивная сила таких глаголов увеличивается, что иногда становится основанием для разграничения иллокутивных (речевых) и перлокутивных (реально меняющих что-то в мире) глаголов [Кодзасов 2003: 428].

При анализе перформативных глаголов на материале заговоров необходимо принимать во внимание следующее: 1) в заговорах широко распространены перформативы в форме настоящего времени, выражающие действия говорящего, осуществляемые в настоящий момент; данные действия, однако, не сводимы ни к речевым, ни к социально институциональным, см., например: [Завьялова 2006: 70]; 2) эксплицитные, канонические перформативные формулы выполняют в заговорах важнейшую функцию указания на иллокутивную цель и тип речевого акта: анализ семантических характеристик, актуализирующихся у данных глаголов в заговорах, приобретает особую значимость в связи с тем, что тип заговорного речевого акта является более конвенциональным и важным для традиции, нежели сам текст (см.: [Левкиевская 2002: 10]); 3) границы эксплицитного

перформатива в заговорах должны быть расширены до перформативно употреблённых глаголов с речевой семантикой, которые ранее не рассматривались в лингвистической литературе (например, *выговариваю, отговариваю, приговариваю*), а также, учитывая целостный характер заговорного перформатива, в рамках типа «эксплицитный заговорный перформатив» должны быть рассмотрены неперформативные глаголы в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., обладающие семантикой социального взаимодействия (*кланяюсь, отрекаюсь, отлучаю*). 4) прочие заговорные глаголы (неперформативные глаголы в перформативном употреблении, глаголы в неэксплицитной форме) и их перформативный статус нами будут проанализированы отдельно.

В рамках типа «эксплицитный заговорный перформатив» мы рассмотрели глаголы, соответствующие какому-либо из следующих критериев: 1) они являются каноническими перформативами, называемыми иллокутивные акты; 2) они являются каноническими перформативами, называемыми социально-институциональные акты; 3) в своей семантической структуре они содержат сему «говорить».

Все глаголы, рассмотренные в данном разделе, употреблены в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.

Применительно к эксплицитным перформативам необходимо обратить внимание на то, какую специфику приобретает эксплицитный перформативный глагол в заговоре и на роль, которую играют эксплицитные перформативные глаголы в системе заговорных перформативов.

Некоторые из рассмотренных глаголов являются общепризнанными перформативами (такие, как, например, *прошу*), другие, как правило, не употребляются перформативно за пределами заговора (*говорю*), третьи встречаются только в заговоре (*заговариваю*). Данные различия требуют детального анализа.

Здесь и далее, анализируя глагольную семантику, мы опирались, помимо исследований перформативов, на труды Ч. Филлмора [Филлмор

1988], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1981], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1996], В. В. Виноградова [Виноградов 1977], В.П. Абрамова [Абрамов 2017], Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], А.В. Бондарко [Бондарко 1998], А.В. Бондарко, Л. Л. Буланина [Бондарко, Буланин 1967], И. А. Стернина, М. С. Саломатиной [Стернин, Саломатина 2011], О. П. Ждановой [Жданова 1989], Н. В. Цветкова [Цветков 1984], Л. М. Васильева [Васильев 1981], М. Гиро-Вебер [Гиро-Вебер 1990], Е. А. Дадуевой [Дадуева 2011], И. М. Кобозевой [Кобозева 2007], С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001], А. А. Уфимцевой [Уфимцева 1968], Ф. П. Филина [Филин 1982].

2.1. Эксплицитные (канонические) перформативные глаголы

2.1.1. Глаголы с семантикой просьбы/приказа

Рассматривая перформативные глаголы с семантикой просьбы/приказа, прежде всего, следует отметить, что они являются ослабленными перформативами. Подобные иллокутивные (метатекстовые) глаголы можно назвать «семантически избыточными» в том смысле, что иллокутивная цель высказывания может быть достигнута и без них. Данные глаголы в обыденной речи, как правило, представляют собой автокомментарии говорящего. Произнося высказывание с глаголом подобного типа, говорящий «не только совершает действие, т.е. просит, кается, молит, но и снабжает своё высказывание эксплицитной метакомпонентой» [Михеев 2003: 252]. Такие глаголы З. Вендлер называл «глаголами-контейнерами» [Вендлер 1985: 238], подчёркивая их рамочную, метатекстовую функцию. При произнесении таких глаголов не осуществляется никакого действия, результатом которого могла бы стать новая ситуация; отсутствуют и какие-либо обязательства, принимаемые на себя говорящим. Это различие (семантика воздействия на ментальное состояние слушающих и семантика изменения состояния мира) становится основой для разграничения

иллокутивных и перлокутивных перформативов. Автореферентное употребление глагола речи может создавать иллокутивную перформативность, но необязательно при этом создаётся перформативность перлокутивная: ср. примеры, приведённые С. В. Кодзасовым:

- (1) Я предлагаю тебе пойти в кино.
- (2) Я запрещаю тебе ходить в кино.

Из этих предложений только второе представляет собой перлокутивный перформатив [Кодзасов 2003: 425]. Существуют и другие критерии разграничения иллокутивных и перлокутивных перформативных глаголов: способность глагола быть использованным для номинации диалогической реплики как критерий иллокутивности перформатива, интонация, чувствительность к грамматическим ограничениям [Там же: 426-428]. Не ставя перед собой задачу рассмотреть данные критерии, мы проанализируем то, каким образом ослабленная, метатекстовая природа иллокутивного перформатива проявляет себя в заговорных перформативных глаголах с семантикой просьбы/приказа.

Центральная фигура заговоров, в которых встречаются глаголы просьбы/приказа (*прошу, молю, молюсь, жалуясь, умоляю, приказываю*), — магический или религиозный персонаж, от которого ожидается помощь (или, в некоторых случаях, вред). В семантической структуре таких глаголов обязательно наличествует адресат. Адресатом обращений в заговорах практически никогда не является реальное лицо, от которого ожидается ответ на просьбу или реакция на приказ: это либо Богородица, либо святые, вечерняя звезда, заря и т. д. Прагматическая специфика заговора отличает такие просьбы/приказы как от подобных актов в обыденной речи, так и от молитв: перформативность заговорного *прошу* или *приказываю* проявляется не столько как стремление воздействовать на конкретный адресат, сколько как вера в то, что желаемое осуществится благодаря произнесению конкретного текста. Однако само по себе заговорное «действие» осуществляется не посредством произнесения данных глаголов, а

посредством следующей за ними формулы. Как мы отмечали ранее: «Очевиден типизированный, формульный характер подобного перформатива в заговоре, его положение в зачине или закрепе. За ним следует инфинитив, содержащий информацию о цели произнесения высказывания» [Куликовская 2019: 67]. Широко распространены в заговорах не только конструкции с глаголом просьбы/приказа и инфинитивом, но и с глаголом просьбы/приказа и императивом:

(1) Двенадцать кузнецов! *Прошу* вас, приведите раба Божия (имярек) [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 341].

(2) *Молю* тебя и *прошу* тебя, Иисуса Христа, Запрестольную Богородицу, Пречистую Богоматерь, утолите и утушите сего раба Божьего (имярек) скорбные болезни: порчи, уроки, ветрены переломы, шипоты, ломоты — святым своим духом, святым посвящением, святою моею молитвою [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 344-345].

Отметим, что парные нерифмованные сочетания перформативов *прошу* и *молю*, *молю*, *умоляю* широко распространены в заговорах. Как и в парных сочетаниях других типов, здесь не идёт речи о совершении двух действий одновременно или последовательно. Данные глаголы связаны отношениями естественного сочинения и обладают синтаксической и семантической слитностью [Минлос 2005].

Прошу, *молю*, *умоляю*, *приказываю*, *жалуюсь*, *молюсь* выполняют важную функцию, определяя тип иллокутивного акта (просьба, жалоба, приказ) и его эмоциональную окрашенность, предваряя формулировку собственно пожелания. При этом «ответственность за перлокутивный эффект перекладывается на весь текст целиком: не столько на реальные действия, которые совершит реальный адресат, сколько на факт произнесения текста в соответствии с канонами. Заговор представляет собой акт псевдопросьбы (ср. с молитвой), с верой как в помощь адресата, так и в силу собственно слова» [Куликовская 2019, Там же]. Это подчёркивает Н. В. Крушевский, отмечая, что в заговорах нередко вовсе не оказывается божества, к которому

обращается заговаривающий, и различая в явлении заговора две стороны: «1) веру в возможность навязать свою волю божеству, человеку или известным предметам и обстоятельствам и 2) веру в слово человеческое, как самое мощное средство навязать кому-нибудь или чему-нибудь свою волю» [Крушевский 1998: 40].

С другой стороны, возможно и включение речевого акта молитвы в структуру заговора при помощи перформатива *молюсь/молюся*:

Молюся тебѣ, святой пророче Божій Илія, пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ (имя рекъ) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и поперечно, стамово и ломово — на молоду, на ветху и на перекроѣ мѣсяцѣ [Майков 1869: 83].

Произнося глагол *молюся*, заговаривающий определяет тип иллюкутивного акта, с которым обращается к святому Илие (молитва, мольба), в то время как последующая магическая формула направлена непосредственно на достижение цели: защиту от болезней.

Иногда в качестве конструкции, синонимичной просьбе о помощи, выступает высказывание с глаголом *прибегаю*.

Анализ словарных дефиниций показал, что семный состав вышеназванных глаголов представлен следующим образом:

- ПРОСИТЬ 1) речевая деятельность;
- 2) обращение;
- 3) настоятельно;
- 4) призыв;
- 5) нужда, желание/соблюдение правила;
- 6) речевое воздействие (каузация действия).
- ЖАЛОВАТЬСЯ 1) речевая деятельность;
- 2) сердито/печально;
- 3) недовольство кем-либо, чем-либо;

- ПРИКАЗЫВАТЬ 1) речевая деятельность;
- 2) лаконично;
  - 3) официальное распоряжение;
  - 4) речевое воздействие;
  - 5) беспрекословное выполнение действия.

Семный состав глагола *молить* идентичен составу глагола *просить*, однако в глаголе *молить* актуализирована сема «настойчивость, настоятельность». То же верно для глагола *умолять*, в котором появляется дополнительная сема «убедительность». В глаголе *молиться* появляются семы «Бог», «вера».

В проанализированных нами дефинициях сема «обращение» не указывается для глаголов *жаловаться* и *приказывать*; отсутствует также сема «воздействие, побуждение» для *жаловаться*. Мы выделяем данные семы для заговорных перформативов, поскольку и жалоба, и приказ в заговорах всегда адресованы существу (сверхъестественному), от которого ожидается выполнение определенного действия. См., например:

Мать ты моя, вечерняя звѣзда, *жалуюсь* я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ, на Иродовыхъ дочерей [Майков 1869: 52].

Данная жалоба включает в себе имплицитную просьбу изгнать болезнь (лихорадку), персонифицированную в образе «двенадцати девиц, Иродовых дочерей».

В словарях отсутствует указание на перформативную составляющую этих глаголов. Мы считаем необходимым обязательно включить данный компонент в структуру рассматриваемых слов, сформулировав его как «используя язык» или «посредством языка».

Учитывая сформулированные выше замечания, мы можем увидеть, что заговорные перформативы данного вида отчетливо разбиваются на две группы: перформативы просьбы (*прошу, молю, умоляю, жалуюсь, молюсь/молюся*) и перформативы приказа (*приказываю*). Разница между ними состоит не столько в статусе адресата, сколько в отношении адресата к

доброму или злему началу: в обращении к Богородице уместна только просьба, в то время как приказ адресуется змеиной царице, болезням и т. д.

Единая схема заговорного перформативного глагола просьбы/приказа может быть представлена следующим образом:

X + RB Перформ. Кауз. Адрес. (Эмоц.) + Y (+-) + Цель (Y сделать Z)

X — Я-субъект перформативного высказывания,

RB — сема речевого воздействия,

Перформ. — сема перформативности, «используя язык»,

Каз. — сема каузации действия (информационно-модифицирующая каузация),

Адрес. — сема обращения, адресации,

Y — адресат заговора, сверхъестественная сила, магический помощник или вредитель,

Z — желаемое действие,

Цель — иллокутивная цель высказывания,

Эмоц. — переменный эмоциональный компонент (настойчивость/убедительность/недовольство),

+/- — благодатная или вредоносная сущность адресата.

Возвращаясь к вопросу об иллокутивной ослабленности перформативов просьбы/приказа, мы не можем не заметить важных функциональных различий между данными глаголами в обыденной речи и в заговорах. Так же, как и в прочих речевых актах, иллокутивные глаголы в заговорах маркируют конкретный (в случае с перформативами просьбы/приказа — директивный) речевой акт, указывая слушающему на совершаемое иллокутивное действие и актуализируя определённое иллокутивное знание (см. об этом: [Романов 1991]). Однако особенность заговорных перформативных директивов состоит в том, что их функция не исчерпывается автокомментарием и экспликацией иллокутивного типа. Как указывает С. Б. Адоньева, заговорный текст не всегда конвенционален: возможны ситуации, когда конвенционален дейксис, а не сам текст, и

фиксирован лишь тип речевого акта [Адоньева 2005]. Эксплицитный перформативный (иллокутивный) глагол, выступая в качестве одного из средств выражения дейксиса, представляет собой важнейший конструктивный элемент в структуре заговора, функционирующий как микротекст внутри текста. Формульная природа заговорного иллокутивного глагола подтверждается наличием в заговорах парных сочетаний, таких, как *прошу и молю*. Подобный микротекст может быть при определённых условиях устранён из ритуальной речи, но он подвержен этому ничуть не в большей степени, чем другие устойчивые фольклорные сочетания. Мы видим, что с функциональной точки зрения перформативные глаголы просьбы/приказа не являются менее «сильными перформативами», чем другие. Их перлокутивный эффект заключается в установлении, утверждении речевого акта, который должен состояться по желанию говорящего между ним и сверхъестественным существом. Различение иллокутивных и перлокутивных перформативов актуально на уровне отдельных лексем и их прагматических компонентов, а также на речеактовом уровне: представляется, однако, что на уровне заговорного текста (или целостного перформативного ритуального акта) это различие может быть снято.

Итак, ядром речевого акта обращения, при условии включения этого акта в состав заговора, как правило, оказывается эксплицитный перформативный глагол с семантикой просьбы/приказа. Важнейшей функцией такого глагола в заговорах является установление контакта со сверхъестественным адресатом. Глаголы просьбы/приказа функционируют в качестве формулы, в том числе, в составе устойчивых сочетаний, выступая как структурный компонент, значимость которого не ограничивается указанием на тип иллокутивного акта. В заговорных текстах актуализируются некоторые прагматические компоненты данных глаголов, зачастую не находящие отражения в семантических словарях: такие семы, как обращение (адресация), благодатная/вредоносная сущность адресата, каузация действия, эмоциональное состояние говорящего, цель воздействия.

Основная особенность заговорного глагола просьбы/приказа заключается в нетипичном адресате, причём глаголы просьбы и приказа находятся по отношению друг к другу в дополнительной дистрибуции, зависящей от интерпретации говорящим адресата как благой или, напротив, враждебной силы.

2.1.2. Глаголы с семантикой призыва

Особую группу внутри разряда глаголов с семантикой обращения представляют собой глаголы с семантикой призыва, вызывания. Они также содержат обязательный компонент адресованности, однако по сравнению с глаголами просьбы/приказа они не нуждаются в каких-либо дополнительных элементах для того, чтобы выразить иллокутивную цель, а сами содержат в себе информацию об этой цели.

По нашим наблюдениям, в заговорах такие глаголы способны оформлять два акта: ритуально-магический акт призыва на помощь и ритуально-магический акт изгнания. Проиллюстрируем это примерами:

(1) Не сама я заговариваю, Божию Матерь на помощь *призываю* — целительку [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 438].

(2) Выливается испуг ветренный. Не я тебя *вызываю*, не я тебя *выкликаю* с раба Божьего (имярек), тебя *вызывает*, тебя *выкликает* сам Исус Христос и Сын Божий! [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 418].

Формально данные акты тождественны, оба глагола содержат сему зова. Различие заключается в том, что во втором случае антропоморфизированная болезнь (испуг) вызывается из тела больного, в то время как в первом осуществляется призыв религиозного персонажа на помощь. Таким образом, разграничить данные акты можно по прагматическим характеристикам. Цель конкретного речевого акта не равна цели произнесения заговора целиком, представляя собой микроцель, достижение которой в метафорическом, символическом пространстве

должно привести к достижению основной цели заговора в реальном мире — исцелению от болезни.

Группа глаголов с семантикой призыва в заговорах представлена следующими глаголами: *призываю, выкликаю, вызываю*; их семный состав, исходя из словарных данных и результатов интроспекции, можно описать следующим образом:

- ПРИЗЫВАТЬ 1) речевая деятельность;
- 2) зов;
- 3) на помощь;
- 4) обращение;
- 5) используя язык/посредством языка/перформативно;
- 6) речевое воздействие.

Следует отметить, что для данного толкования было использовано первое значение слова «призывать» по Словарю церковно-славянского и русского языка. Современного значения побуждения к какому-либо действию у этого слова в заговорах нет. См. примеры:

(1) *Призываю* на васъ архангела Михаила и святаго апостола Сизинія и пророка Іоанна Предтечу и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Іоанна, Матѳея [Майков 1869: 47].

(2) Господа Бога на помощь *призываю* [Майков 1869: 92].

(3) Заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), сими словами, и святыхъ угодниковъ на помощь *призываю* и умоляю ихъ [Майков 1869: 117].

В заговорном *призываю* актуализируется сема поиска помощи, поддержки, защиты некоего высшего существа, которое способно, по мнению заговаривающего, такую поддержку обеспечить. Данная помощь различается по своему характеру: в примере (1) она осмысляется как устрашение и наказание болезни, в примерах (2) и (3) высшая сила должна усилить слова заговаривающего и поспособствовать исполнению желаемого.

- ВЫКЛИКАЮ 1) речевая деятельность;
- 2) зов;

3) имя;

4) обращение.

ВЫЗЫВАЮ 1) речевая деятельность;

2) зов;

3) обращение;

4) место (откуда-либо).

5) факультативный компонент «изгнание откуда-либо», «выход наружу» для данных глаголов в заговорах, а также сема перформативности (речевого воздействия).

В качестве синонима перформативов призыва в заговорах встречается интересное употребление глагола *поминаю*, когда само упоминание некоторого адресата должно заставить этого адресата явиться. В этом случае концепт упоминания выступает как синонимичный концепту зова.

Семантическую структуру перформативного глагола со значением призыва в заговорах можно представить следующим образом:

X + RB Перформ. Кауз. Адрес. + Y + Цель (приход/выход)

Семантическое различие данных глаголов состоит в типе иллокутивной цели: призыв на помощь или изгнание, извлечение откуда-либо. В свою очередь, характер помощи также может различаться: *Призываю на вас* отличается от *Призываю на помощь*. Данные компоненты не являются семантически смысловозначительными для лексем (*призываю, выкликаю, вызываю*): актуализация указанных компонентов у данных глаголов в заговорах полностью зависит от коммуникативного окружения.

Представляется, что выбор глагола зова в заговорах не зависит от положительного/отрицательного характера адресата: однако в проанализированных нами примерах призыв адресован исключительно благим силам.

Итак, перформативы призыва могут быть включены в класс перформативов обращения; однако, вместе с тем, глаголы с семантикой призыва образуют особую группу, характеризующуюся тем, что

иллокутивная цель в них уточнена и достигается при помощи произнесения одного слова, без дополнительных средств. Представляется, что они занимают промежуточную область между заговорными иллокутивными и перлокутивными перформативами: не являясь глаголом-контейнером, обозначая самостоятельное действие, они всё же относятся к глаголам воздействия, и результат этого воздействия зависит от реакции адресата.

2.1.3. Глаголы с семантикой социального взаимодействия

Следующий тип заговорных перформативных глаголов отличается от рассмотренных выше тем, что перформативы с семантикой социального взаимодействия обладают немедленным перлокутивным эффектом. Таковы перформативы *отлучаю, отрекаюсь, предаюсь*.

Очевидна их принадлежность к другим типам социальных взаимодействий, нежели магический обряд. Так, акт отлучения принадлежит церковному дискурсу; *отрекаюсь* — торжественный, официальный акт отказа от чего-либо/кого-либо, *предаюсь* в значении «предаюсь кому-либо» имеет книжную окраску. Все перечисленные перформативы входят в состав явным образом заимствованных из церковных текстов конструкций. См., например:

Отлучаю ты, приставниче, именемъ страшныхъ и многоочитыхъ и шестокрылыхъ херувимовъ и серафимовъ, двѣма крылома лице свое покрывающихъ [Майков 1869: 108].

Такие перформативы не приобретают какой-либо специфической заговорной окраски: появляясь в заговоре как знаки благоговения по отношению к мифологическим существам, они формально ничем не отличаются от знаков уважения и почтения, проявляемых в других речевых ситуациях. Употребляясь в заговорах, социальные перформативы, скорее, являются частью других (например, церковного) дискурсов, входящих в состав заговора, подчеркивая известный факт заговорной полидискурсности.

Результаты семантического анализа перформативов с семантикой социального взаимодействия представлены в Таблице 3 (Приложение 1).

Анализ показал, что дифференциальными семами для рассматриваемых глаголов являются семы зависимости/независимости (принадлежности/непринадлежности, власти/подчинения). По этому признаку данные заговорные перформативы разбиваются на две группы: перформативы, посредством которых совершается отделение субъекта/адресата от кого-либо/чего-либо, установление его независимости (*отлучаю, отрекаюсь*), и перформативы, посредством которых осуществляется, наоборот, установление зависимости (*предаюсь, кланяюсь, корюсь, отдаю*). Во всех случаях данные отношения устанавливаются именно посредством речи, поэтому в семном составе всех данных глаголов присутствует сема «речевое действие». Перформативы с социальной семантикой не каузируют адресата совершить какое-либо действие, а непосредственно каузируют само действие, поэтому они относятся к перлокутивным глаголам: глаголам речевого действия (не воздействия). Поскольку сложение семантических компонентов «установить» и «принадлежность/непринадлежность» даёт сему «включение/исключение», мы можем разбить социальные заговорные перформативы на две большие группы: перформативы инклюзии (например, *предаюсь*) и перформативы эксклюзии (например, *отрекаюсь, отлучаю*).

2.1.4. Глаголы с ритуально-магической семантикой

Перформатив *заговариваю*² и его дериваты (*выговариваю, отговариваю, уговариваю, приговариваю, наговариваю, а также заклинаю*) уже существенно отличаются от канонических общеязыковых

---

² Необходимо отметить, что рассматривается только актуальное для заговора значение глаголов «заговаривать» и его дериватов (значение 3 по словарю Д. Ушакова, см.: [ТСРЯ: 148]). Не рассматриваются значения «начать говорить», «утомить разговором», а также идиоматическое сочетание «заговаривать зубы».

перформативов, таких, как *приказываю*. Соответствуя критериям перформатива, такой перформатив строго привязан к дискурсу и в своём перформативном значении возможен только в заговоре, поэтому мы дополнили компонент «речь» признаком «ритуально-магическая». Данный глагол моделирует каузативную ситуацию, в которой участвуют каузатор воздействия (я-субъект), пациенс/объект, подвергающийся воздействию, способ (ритуально-магическая речь) и конечный результат воздействия (пациенс становится «заговорённым»). Указанное действие совершается в момент произнесения слов и за счёт их произнесения.

Мы видим, что перформатив *заговариваю* имеет определённые прагматические ограничения. Помимо того, что это действие совершается первым лицом, в момент и за счёт произнесения, оно должно обязательно осуществляться в ходе магического ритуала. При перемещении в другой дискурс *заговариваю*, оставаясь каузативом с теми же семантическими признаками, теряет, как правило, своё перформативное значение.

Схему семантической структуры ритуально-магических перформативов можно представить следующим образом:

X + РД Перформ. Кауз. + Y + Цель (Y подвергается вербальному магическому воздействию)

Проведя мысленный эксперимент, мы можем смоделировать ситуацию, в которой *заговариваю* обладает перформативным значением и в дискурсе, отличном от ритуально-магического, например, в обыденной речи. Носитель русского языка способен представить себе ситуацию, в которой говорящий, не в процессе ритуала, произносит, адресуя свои слова собеседнику, порезавшему палец:

Я заговариваю твой палец.

Вне зависимости от прагматической пресуппозиции данного высказывания и от установок коммуникантов (готовности воспринимать высказывание как шутку или как заговор) подобное перформативное употребление глагола трансформирует весь дискурс. Мы видим, что не

только для перформативного употребления *заговариваю* необходима ситуация заговора, но и само это употребление способно создать данную ситуацию и соответствующие ей конвенции.

Совершенно особое место занимает среди ритуально-магических перформативов глагол *говорю*. Согласно перформативной гипотезе Росса [Ross 1970], любое высказывание в глубинной структуре содержит перформатив *говорю – говорю, что*.

В семантическом словаре глагол *говорить* имеет 2 значения: «собственно воспроизведение голосом звуков речи» и «выражение говорящим мысли» [РСС: 484]. *Говорю, что* – подпадает под вторую категорию.

(1) *Говорю* я азъ, рабъ Божій (имя рекъ), тридесять словъ, тридесять стиховъ и тридесять молитвъ [Майков 1869: 9].

(2) Не я *говорю*, не я *выговариваю*; *выговаривая, отговаривая* сама Божья матушка, Пресвятая Богородица, со всѣмъ своимъ соборомъ, съ Миколаемъ Угодникомъ, великимъ помощникомъ, и съ небеснымъ воеводою [Майков 1869: 70].

В первом примере *говорю* используется как синоним *произношу*. В этом употреблении глагола актуализируется компонент «ритуальная речь» / «ритуальное говорение». В этом (несколько нетипичном для заговора) примере, в отличие от других заговорных перформативов, у перформативного глагола отсутствует каузативный семантический компонент.

Во втором примере *говорю* употребляется как синоним глагола *выговариваю* и актуализируется компонент цели (каузация воздействия). Здесь также следует обратить внимание на уже встречавшееся нам употребление перформативных глаголов в составе сочетаний, близких к парным (устойчивым).

Проведённый анализ показывает, что ритуально-магические перформативные глаголы являются перлокутивными. Их перлокутивный

эффект, в отличие от перформативов с социальной семантикой, соотносим с перлокутивным эффектом всего заговора целиком. Перформативные глаголы с ритуально-магической семантикой мы ранее назвали «собственно магическими», так как они объединяют в себе все подвиды речевых актов в составе заговора, представляя собой наиболее общий заговорный перформатив и вводя речевой акт заговора [Куликовская 2019: 71]. Более предпочтительным является термин «перформативные глаголы с ритуально-магической семантикой» по причине его однозначности. Функция, которую данные перформативы выполняют в заговоре, — центральная, кульминативная, благодаря чему на примере этих глаголов можно легко проследить процесс лексикализации заговорной коммуникативно-прагматической перформативности. Перформативы *заговариваю, уговариваю* и пр., принадлежащие ритуально-магическому дискурсу, становятся одновременно и маркером, и «строительным материалом» для данного дискурса за счёт ядерной семы «ритуально-магическая речь» в семантической структуре этих глаголов.

2.1.5. Глаголы с иной речевой семантикой

В ходе анализа материала нам также встретились словоупотребления перформативных глаголов с семантикой благодарности и славления (хвалы):

Благодарю тебя, Отче наш, ложусь со спокойными мыслями, с легкостью на душе... *Слаблю* тебя, Господи, ныне и присно и во веки, Аминь. [Адоньева, Степанов 2020, Т.1: 503].

Благодарю тебя, любящий, благостный, мирный за твою любовь отцовскую, защитную [Адоньева, Степанов 2020, Т.1: 504].

... сделай из меня такого человека, каким ты хочешь меня видеть, *благодарю* тебя, великого Бога, Отца, и Сына, и Святого Духа [Адоньева, Степанов 2020, Т.1: 538].

Следует отметить, что акты благодарности и славения встречаются только в текстах народных молитв, включённых составителями в сборники заговоров. По-видимому, акт благодарности действительно более характерен для молитвы, целью которой является вступление в диалог с божественной сущностью, чем для заговора, целью которого является воздействие на природу, людей, события и т. д. Впрочем, как уже отмечалось ранее, границы между жанрами заговора и молитвы являются подвижными: прагматически молитва зачастую используется как заговор.

В заговорах присутствуют и единичные речевые акты магического запрета:

Я корням вам *запрещаю* здесь быть, не гореть, не болеть, не стрелять и булавочками не колоть [Бердяева 2006: 18].

Встречаются также акты напоминания:

Змея-скорлупея, я тебя заклинаю, тебе *напоминаю*... [Бердяева 2006: 15].

Итак, заговорная эксплицитная перформативность представляет собой сложное и неоднородное явление. Она выражается глаголами, в состав которых явным или неявным образом входит сема «говорить/сказать», употреблёнными в форме эксплицитного перформатива (1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.). Однако лексико-семантические группы, в которые входят данные глаголы, различны. Наиболее общая классификация заговорных эксплицитных перформативов основывается нами на оппозиции сем «речевое действие» / «речевое воздействие» и соответствует подразделению перформативных глаголов на иллокутивные и перлокутивные.

Классификацию заговорных эксплицитных перформативных глаголов по семантическому принципу можно представить в виде таблицы (см. Таблица 2, Приложение 1).

Данная классификация показывает различия между эксплицитными перформативами внутри заговоров и коррелирует с классификацией речевых

актов (которая строится также с учетом особенностей заговора). Перформативы обращения вводят речевые акты просьбы и приказа. Перформативы с семантикой призыва вводят речевые акты призыва и изгнания. Ритуально-магические перформативы совершают акт заговора. Перформативы с социальной семантикой обозначают различные акты, в названиях которых отражается семантика глагола (отлучения, отречения, поклона и т. д.). Эти акты можно разделить на акты эксклюзии и инклюзии: акты, посредством которых субъект отрицает свою принадлежность кому-либо или чему-либо, и акты, посредством которых субъект совершает обратное действие (см. Таблица 1, Приложение 1).

Расположив данные акты друг за другом, мы увидим, что сила их воздействия последовательно возрастает: от речевого воздействия с иллюкутивной целью побуждения (просьба/приказ) через воздействие с иллюкутивной целью призыва к полноценному речевому действию (отлучение, отречение, клятва, поклон) и далее — к речевому действию заговора, которому приписывается сакральная, магическая мощь и, как следствие, немедленный перлокутивный эффект (см. График 1, Приложение 1).

Рассмотрение заговорного материала подчёркивает необходимость исследования перформативного глагола с учётом уровневой организации языка и речи, поскольку именно уровень определяет функционирование перформативного глагола. На уровне языковых единиц эксплицитный перформативный глагол проявляет себя как лексема, обладающая способностью к перформативному употреблению и называнию речевых актов. На уровне высказываний / речевых актов перформативный глагол формулирует коммуникативное намерение и/или осуществляет некоторое социальное действие. Последовательность речевых актов образует более крупный речевой акт заговора. Заговор, в свою очередь, фиксируется в коллективной памяти как текстуальное целостное перформативное единство. Перформативные единицы, входящие в это единство как микротексты

(устойчивые единицы, знаки дейксиса), используются в дальнейшем для формирования новых перформативных текстов. Происходит приращение к эксплицитному перформативному глаголу как к единице языка дополнительного перформативного ритуального прагматического компонента. Данное явление мы назвали лексикализацией («семиотизацией») заговорной коммуникативно-прагматической перформативности.

Системные противопоставления внутри группы эксплицитных заговорных перформативов проявляются или не проявляются в зависимости от уровня языка и речи. Так, на уровне языка и речевого акта существует противопоставление «настоящих» (перлокутивных) и «ослабленных» (иллокутивных) перформативных глаголов. Однако на уровне заговорного текста ослабленный, рамочный перформатив-контейнер или перформатив воздействия существует наравне с перформативом действия, являясь знаком-иконой перформативного события так же, как значение представляет собой фиксацию употребления и знак представляет собой материализацию общения.

Таким образом, 1) перформативность как коммуникативно-прагматическая категория лексикализуется в заговорах при помощи глаголов в перформативной форме, 2) эксплицитный заговорный перформатив представляет собой лексикализацию («семиотизацию») заговорной перформативности.

2.2. Классификация заговорных перформативных, полу- и квазиперформативных глаголов

2.2.1. Квази- и полуперформативные глаголы: постановка проблемы

С одной стороны, речеактовая перформативность заговора как вида сакрально-ритуальной коммуникации, и, с другой стороны, представление о глаголе в эксплицитной форме как о ядерной основе перформативного текста, требуют расширения описания заговорного перформативного глагола и включения в описание как квазиперформативов (канонических перформативов в грамматических формах, отличных от формы 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.), так и полуперформативных глаголов (принципиально неперформативные глаголы, могущие в 1 л. ед. ч. наст. вр. несом. в. изъяв. накл. приобретать перформативные свойства при определённых коммуникативно-прагматических условиях [НОССРЯ 2004: 40]: например, *выгоняю, заключаю, одеваюсь* и пр., имеющих неперформативную семантику). Необходимо определить статус этих единиц и выяснить, какую специфику приобретают эти единицы в заговорных текстах.

Поле языковой перформативности, в самом общем виде, можно представить следующим образом:

1. Перформативные глаголы, входящие в состав эксплицитной перформативной формулы. Они имеют семантику речевого действия, однако не каждый глагол речевого действия – перформатив.

2. Данные глаголы, перформативно употреблённые в других формах.

3. Глаголы, не обладающие семантикой речевого действия, но ситуативно могущие быть употреблёнными перформативно. Их называют полуперформативами.

4. Композитные перформативы.

5. Прочие, неглагольные части речи, которые могут употребляться перформативно, а также некоторые некаузативные глаголы (см. параграф о каузативности).

Обращаясь к заговорному материалу, мы наблюдаем репрезентацию этого поля перформативности в рамках одного дискурса:

1. Эксплицитный, канонический перформатив, рассмотренный нами выше.

2. Квазиперформатив как перформативный глагол в иной грамматической форме и композитный перформатив (*помолюсь, поклонюсь, могу отговорить*).

3. Глаголы в форме эксплицитного перформатива, обладающие семантикой неречевой деятельности, тем не менее называющие ритуальный акт речедействия: *завязываю, замыкаю*.

4. Неперформативные единицы в перформативном употреблении (неперформативные глаголы в неперформативных формах — *завяжу, замкну*).

5. Прочие перформативные единицы.

Рассмотрим данные типы глаголов и отношения между ними.

2.2.2. Заговорные полуперформативные глаголы

В заговорах мы сталкиваемся с глаголами, которые интроспективно, даже будучи вычлененными из дискурса, носителем языка могут восприниматься как ничуть не менее способные к перформативному употреблению, чем эксплицитные перформативы. Мы уже выяснили, что глаголы *наговариваю, уговариваю, выговариваю* так же перформативны, как *прошу, приказываю, клянусь*. Однако рассмотрев ритуальные глаголы *отсекаю, секу, перерубаю, рублю* в примере ниже, мы убедимся в том, что заговорная перформативность лексикализуется в них столь же успешно, сколь и в глаголах с семантикой речевого действия:

Съку, отсъкаю, рублю, перерубаю, съку, рублю колотье острым ножикомъ [Майков 1869: 40].

Действие не констатирует факт, а совершается посредством слова; может как сопровождаться, так и не сопровождаться ритуальным действием. Представляет интерес замечание, сделанное по этому поводу Е. Е. Левкиевской, которая, рассматривая способы выражения иллокутивной цели в заговорах, упоминает о том, что в заговорах встречается «использование в качестве перформативов таких глаголов, которые в обыденной речи перформативами не являются. Например, когда в заговорной формуле отправитель текста произносит: «Я сваю скаціну зялезным тынам заграждаю» (бел.)», «Сијечем мишима зубе и тицама кљунове» (Рубим мышам зубы и птицам клювы) (серб.), «Ja... wszystko robactwo z nogi wystrasze» (пол.), то это не описание своих действий (как было бы в обыденной речи), а фактическое совершение этих действий. Характерно, что многие вербальные формулы такого типа в одних случаях произносились вместе с совершением аналогичных магических действий, а в других могли употребляться самостоятельно: для оберега от врагов своего дома хозяин клал в каждый угол горящие угольки, заливал их водой, переходя из угла в угол и произнося: «Вогнем випекаю, водою заливаю, ворогів від хати відгоняю» (укр. подол. [М. Б. 1869: 692]). Эти слова нельзя рассматривать как описание совершаемых ритуальных действий — они, наряду с действиями, отгоняют и уничтожают опасность» [Левкиевская 2002: 224].

Данное указание на перформативность глаголов в приведённых примерах требует уточнения. Возникает методологический вопрос о разграничении таких глаголов, как *еду, вижу, сижу* и других дескриптивных глаголов, широко распространённых в заговорных нарративных зачинах, и таких глаголов, как *заграждаю, выгоняю, выкуриваю*. Поскольку неоправданное расширение понимания перформативности может привести к полному отказу от попыток выделить глагольно-семантическое, лексическое

ядро заговорного перформатива, необходимо установление статуса глаголов из вышеприведённых нами примеров Е. Е. Левкиевской.

Во избежание терминологической неоднозначности для таких глаголов мы предлагаем использовать термин «заговорный полуперформатив». От заговорных эксплицитных перформативов заговорные полуперформативы отличаются отсутствием канонической семантики речевого действия; от квазиперформативов — обязательной перформативной грамматической формой.

Наиболее сложный вопрос представляет собой разграничение заговорных полуперформативов и обычных констативных глаголов, употреблённых в эксплицитной перформативной форме в заговорной ситуации (как и любых других неглагольных лексем). В приведённом выше примере глаголы *секу*, *посекаю*, *рублю*, *перерубаю* выступают в качестве композиционного центра, кульминации всего заговорного действия. Мифопоэтические коннотации действия «рассечение» не вызывают сомнений [Шиндин 1996]. Эти глаголы называют и тем самым совершают основное ритуальное действие, которое должно привести к результату. И. М. Кобозева указывает на принцип экономии усилий как критерий перформативности: данное действие не было бы произведено без этого глагола [Кобозева 2007]. Мы считаем, что именно в области глагольной семантики следует искать различия между такими заговорными глаголами, как *рублю*, *секу*, и такими, как *сижусь*, *вижусь*, чтобы установить критерии полуперформативности.

Основой для формулирования критериев послужили следующие параметры: 1) каузативность; 2) интенциональность; 3) характер адресата.

2.2.2.1. Заговорные перформативные каузативы

Исследователями неоднократно предпринимались попытки сблизить перформативные и каузативные глаголы. Прежде чем перейти к анализу заговорных перформативных глаголов, чтобы обосновать наш метод анализа,

сделаем краткий обзор исследовательских точек зрения по поводу каузативности.

В широком смысле каузативность понимается как функционально-семантическая категория, объединяющая языковые единицы, функция которых «заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта» [Шустова 2010]. Как указывает Н. Д. Арутюнова, «для образования каузативов существенны: 1) тенденция к разделению двух событий — акта воздействия и акта осуществления и двух «амплуа» — инициатора и исполнителя (при действующем объекте); 2) тенденция к противопоставлению события-причины и события-следствия (при событийном субъекте); 3) тенденция к стяжению перифразы в аналитический эквивалент переходных глаголов (при предметном дополнении)» [Арутюнова 1981]. Переходные глаголы, обозначающие какие-либо изменения объекта, интерпретируются как каузативные глаголы, а каузативность (элемент «каузировать») — как сема, входящая в семантическую структуру глагола. В лексической семантике каузативов содержатся причинно-следственные отношения. О признаке каузативности как ядре семантической структуры перформатива пишет Е. Г. Романова [Романова 2001: 49].

Каузативность как лингвистическая и логическая категория представляет собой сложное и многоаспектное явление, рассмотрение всех сторон которого выходит за рамки данной работы. Для нас существенным является выделение основного семантического признака каузативности: «побуждать к изменению состояния, действия, качества». В каузативном глаголе содержится информация о цели (результате), а также о способе изменения. Каузативность глаголов выявляется при помощи каузативной перифразы: (1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)» или «делать так, что некоторая ситуация начинает иметь место или имеет место» [Апресян 1974: 46].

Перформативность описывается как функция, которой могут обладать каузативы. Наряду с перформативной, каузативы имеют и дескриптивную функцию. Е. Е. Корди дает перечень речевых каузативных глаголов, обладающих свойством перформативности. Употребление перформативного глагола выступает в качестве способа выражения каузативности. «Большинство речевых каузативных глаголов являются перформативами (demander, prier, ordonner, recommander и др.). Но среди них есть и такие, которые не обладают свойством перформативности (convaincre, persuader, dissuader, commander, inciter)» [Корди 1985]. Корди выделяет условия, при которых каузативный глагол является перформативным: 1) употребление в устной речи (в литературе — в речи персонажей), 2) употребление в форме I л. единственного (реже — множественного) числа настоящего времени индикатива или кондиционала; 3) выражение дополнения местоимением 2 л. ед. или мн. ч. [Там же].

С. В. Шустова также, рассматривая разряд каузативных информационно-модифицирующих глаголов, отмечает, что некоторые из них обладают свойством перформативности. По Шустовой, перформативное директивное высказывание, наряду с апеллятивным высказыванием, выступает в качестве способа реализации в речи прямого побуждения, информационно-модифицирующего значения каузативности [Шустова 2010].

Итак, перформативность понимается как одна из двух основных функций каузативного глагола, противопоставленная дескриптивной. Так, каузатив просить в примере *Я не в первый раз прошу у вас помощи* употреблён дескриптивно, а в примере *Я прошу вас уйти* — перформативно. Каузативная семантика, связанная с воздействием с целью изменения, присутствует в обоих случаях. Различие заключается в том, что при выполнении условий перформативности она реализуется говорящим в момент речи и посредством речи. Каузатив относится к интенциональным глаголам: в случае перформативности интенция принадлежит говорящему.

Наибольший интерес с точки зрения сопоставления семантики каузативности и перформативности вызывают те ситуации, когда говорящий произносит неперформативный каузативный глагол в 1 л. ед. ч. изъяв. накл. действ. з. наст. вр., ставя перед собой цель произвести какие-либо изменения в состоянии объекта или лица посредством произнесения этого глагола. Такую ситуацию нам предоставляет заговорный текст.

Мы проанализировали методом каузативной перифразы как канонические перформативные, так и неперформативные глаголы, встречающиеся в заговорных текстах (для начала ограничившись глаголами в 1 л. ед. ч. изъяв. накл. действ. з. наст. вр.). Анализ показал, что данные глаголы можно разделить на две большие группы: 1) глаголы, обладающие каузативной семантикой; 2) глаголы, не обладающие каузативной семантикой. В отличие от второй, первая группа обладает семантикой воздействия и информацией о результате, которого желает достичь говорящий, причём не только за счёт произнесения данного глагола, но и за счёт произнесения данного заговора в целом. К глаголам первой группы применима каузативная перифраза, эксплицирующая информацию о результате, с целью достичь которого говорящий предпринимает речедействие:

(1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)».

Например:

Приказываю (1) делаю так, что (2) адресат вынужден беспрекословно выполнить какое-либо действие.

В эту перифразу уместно добавить компонент «посредством речи», в качестве указания на способ каузации:

Приказываю (1) (посредством речи) делаю так, что (2) адресат вынужден беспрекословно выполнить какое-либо действие.

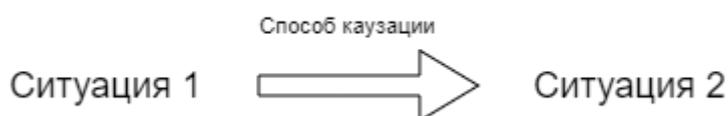
Канонические заговорные перформативы отличаются от незаговорных в основном характером адресата: адресатом является религиозный или

магический персонаж (см. главу *Эксплицитные перформативы*). Если в заговоре появляется реально существующее разумное действующее лицо, помимо самого говорящего, то оно чаще всего принимает роль не адресата, а пациенса, претерпевающего некоторое воздействие:

Заговариваю (1) (посредством ритуально-магической речи) делаю так, что (2) пациенс/объект подвергается вербальному магическому воздействию.

Перформатив *заговариваю* предъявляет определённые требования к объекту каузации, который должен быть одушевлённым или представлять собой часть тела, или мыслиться как одушевлённый (персонифицированная боль, болезнь). Употребление *заговариваю* применительно к неодушевленному объекту возможно, но встречается реже: в этом случае употребительнее вариант *наговариваю*.

Переход от исходной ситуации к каузируемой можно представить в виде следующей схемы:

Ситуация 1 предполагает наличие у пациенса какой-либо недостачи, потребности, Ситуация 2 — удовлетворение потребности, а в качестве способа каузации выступает ритуальная речь, совмещённая с ритуальным действием.

Вышеописанные семантические особенности характерны для заговорных дериватов *заговариваю*: *уговариваю*, *выговариваю*, *отговариваю*. Наиболее важная для нас особенность данных глаголов заключается в том, что, представляя собой каузативы речевой деятельности в перформативном употреблении, функционально для говорящего и слушающего они не являются информационно-модифицирующими. Речь воспринимается как средство прямого воздействия, не зависящее от реакции адресата (ср. с каноническими перформативами *приказываю*, *прошу*, *призываю*), заранее предполагающее определённый перлокутивный эффект. Ср. перформатив

наговариваю, который используется для воздействия на неодушевлённый объект (*наговариваю на соль, на воду*), неспособный к какой-либо реакции.

Каузативная семантика заговорных перформативов позволяет нам 1) расширить границы нашего описания до а) полуперформативов, обозначающих неречевое воздействие; б) полуперформативов, обозначающих воздействие на объект, а также 2) отграничить полуперформативы от других глагольных лексем, встречающихся в заговорах.

Полуперформативные глаголы в заговорах, в отличие от эксплицитных, могут быть направлены на неодушевлённый объект. Они являются динамично-постепенными и процессуальными, например:

(1) *Отсекаю* (1) острым предметом и посредством ритуальной речи делаю так, что (2) как будто объект отделяется от целого.

(2) *Черпаю* (1) посредством погружения ёмкости в воду и посредством ритуальной речи делаю так, что (2) как будто объект (вода, жидкость) оказывается помещённым в эту ёмкость.

В семантике глагола содержится указание как на иллокутивную цель, так и на способ каузации достижения этой цели. Немаловажным будет отметить, что этот способ каузации может использоваться (и используется) вместо названия действия (или вместо названия действия, сопровождающего его совершение), из чего явствует, что заговорные полуперформативные каузативы приравниваются, собственно, к глаголам, называющим ритуальные действия, однако выделение семы каузации позволяет установить формальный критерий полуперформативности.

Ср.:

Шел я, раб Симярек, *вижу*: стоит дом Ивана Златоус(т)ова. Зашел я в дом, *вижу*: сидит Иван Златоуст на высоком троне [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 385].

Анализ методом каузативной перифразы показывает, что у глагола *вижу* отсутствует сема каузативности, поэтому такой глагол может быть классифицирован как периферийная перформативная единица.

Символическое действие, названное заговорным полуперформативным глаголом, является именно тем действием, которое, согласно семиотике ритуала, в ритуальном пространстве ведёт к осуществлению более абстрактного желания говорящего: избавлению от болезни, уничтожению опасности (см. главу об интенциональности). Учитывая это, перифразу можно записать следующим образом:

Стрелю (1) при помощи лука и стрел и ритуальной речи делаю так, что (2) А становится застреленным, чтобы защитить В.

Ритуальная стрельба из ружья или лука используется для уничтожения опасности с целью защиты [Левкиевская 2002]. Цель может быть сформулирована как более конкретная или более общая: застрелить/уничтожить или защитить. Обратим внимание на то, что направленность глагола необязательно равна направленности всего заговора (см. главу об интенциональности).

2.2.2.1. Семантическая классификация заговорных перформативных каузативов

Каузативы имеют акциональную, динамичную, деятельностную семантику. Они направлены на преобразование мира, внесение в него каких-либо изменений. В семантике каузативов содержатся интегральные признаки «цель» и «способ каузации». В качестве дифференциальных сем выступают семы, в которых данные цели и способы конкретизируются.

Классификация заговорных перформативных каузативов в 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. строится нами на признаке «способ каузации» в качестве первичного основания классификации. Способами

достижения цели могут являться: 1) речь, 2) социальное взаимодействие, 3) действие.

Заговорные каузативы с семантикой речи подробно описаны нами в главе «Семантика эксплицитных перформативных глаголов в заговорах». Во всех данных глаголах речь выступает как способ каузации некоторого состояния, причём эта каузация является информационно-модифицирующей лишь применительно к глаголам обращения (и то в весьма условном ключе, учитывая сверхъестественный, ирреальный характер адресата). Глаголы речи с ритуально-магической семантикой выступают как полноценные речедействия, производящие реальные изменения в действительности: над субъектом или объектом. Исключением является глагол *говорю (глаголю)*, который не относится нами к каузативам, поскольку в его семантике отсутствует указание на цель, и именно это обуславливает его промежуточное положение среди заговорных перформативов и условный перформативный статус.

Заговорные каузативные глаголы социального взаимодействия также в большинстве своём являются каноническими перформативами и были рассмотрены нами выше. Их цель — изменение социальных отношений между коммуникантами. В качестве неканонических можно выделить глагол *отпускаю* в значении *отпускаю свадьбу*, как специфически ритуальное, привязанное к дискурсу употребление глагола *отпускать*, или глагол *крещусь*. Есть также глаголы, семантика которых связана с войной или охотой, с обеспечением данных сфер деятельности (*вооружаюся*).

Семантический сдвиг от информационно-модифицирующей функции к функции реального преобразования действительности позволяет выделить группу полуперформативных каузативов, обладающих акциональностью как интегральной семой. В качестве наиболее обобщённо, абстрактно сформулированного способа каузации у них выступает некое действие.

Дальнейшая классификация акциональных каузативных полуперформативов осуществляется по признаку «цель». В качестве

дифференциальных сем для глаголов с семантикой действия выступают семы «физическое изменение», «изменение качественного состояния», «перемещение/движение», «помещение».

Цель глаголов физического изменения конкретизируется далее при помощи дифференциальных сем «повреждение/разрушение», «очищение», «обработка/рытьё». Последующая классификация глаголов повреждения и разрушения происходит снова по способу каузации: при помощи инструмента или без него. Инструментальная каузация также нуждается в уточнении способа, как и последующее подразделение по подвиду инструмента (см. Схема 1). Членение на уровне ниже может обнаруживать микроцель каузации: не просто повреждение, а отделение части от целого или протыкание, или разделение на части. Глаголы, содержащие информацию о микроцели, мы назовём ориентированными на цель (*отсекаю, закалываю, перерубаю*); глаголы, классифицируемые на нижнем уровне не по цели, а по способу каузации, назовём ориентированными на способ (*топчу, загрызаю*).

Проиллюстрируем это при помощи следующего комментария к нашей классификации. Глаголы, целью которых является помещение, также подразделяются далее по цели: покрытие и собственно помещение объекта. Глаголы покрытия по способу подразделяются на глаголы собственно покрытия, глаголы открытия/закрытия и глаголы одевания. Они являются каузативами, ориентированными на способ; причём для глаголов помещения объекта последующая классификация основывается на противопоставлении признаков цель/способ: глаголы, обозначающие помещение в результате физического действия, ориентированы на способ (*сажу*), а глаголы, обозначающие тип помещения, ориентированы на цель: закрепление за объектом какого-либо места (*утверждаю*), окружение (*окружаю*), создание преграды (*ограждаю*).

Небольшие группы глаголов перемещения/движения и изменения состояния представлены глаголами направленного перемещения и глаголом *охлаждаюсь*, в котором конкретизирована цель — изменение состояния.

Направленность заговорных каузативных глаголов может быть как субъектной, так и объектной. Воздействие может осуществляться как субъектом самим на себя (*огораживаюсь*), так и на неодушевлённый или одушевлённый объект (*ограждаю*). См. об этом в главе об адресованности.

Как и в случае с направленностью/адресованностью, цель, выраженная каузативом, не всегда совпадает, а иногда и прямо противоположна цели заговора. То же самое верно и для соответствия цели заговора и способа каузации: как цель может достигаться разными способами, так одному способу может соответствовать несколько целей. Целевая направленность заговора рассмотрена нами в разделе, посвящённом иллокутивным характеристикам.

Приведём полностью нашу классификацию заговорных перформативных каузативов (здесь и далее в скобках приведены примеры):

1. Глаголы действия
  - 1.1. Глаголы физического изменения
    - 1.1.1. Очищение (*парю, умываюсь, утираюсь*)
    - 1.1.2. Обработка и рытьё (*прирываю, зарываю*)
    - 1.1.3. Расчёсывание (*чапаю/чепаяю*)
    - 1.1.4. Завязывание (*завязываю, перевязываю*)
    - 1.1.5. Глаголы повреждения и разрушения
      - 1.1.5.1. Без инструмента
        - 1.1.5.1.1. Создание надлома (*ломаю, заламываю*)
      - 1.1.5.2. При помощи инструмента
        - 1.1.5.2.1. Части тела
          - 1.1.5.2.1.1. Ноги (*топчу, вытаптываю*)
          - 1.1.5.2.1.2. Зубы (*грызу*)
          - 1.1.5.2.1.3. Ногти (*царапаю*)

- 1.1.5.2.2. Оружие (*состреливаю, стрелю*)
- 1.1.5.2.3. Острый предмет
  - 1.1.5.2.3.1. Протыкание (*колю, порю, втыкаю, калываю, прикалываю, закалываю*)
  - 1.1.5.2.3.2. Разделение на части (*рублю, перерубаю, секу*)
  - 1.1.5.2.3.3. Отделение части от целого (*отсекаю, подрезаю*)
- 1.2. Глаголы изменения качественного состояния
  - 1.2.1. Охлаждение
- 1.3. Глаголы перемещения, движения
  - 1.3.1. Направленное перемещение
    - 1.3.1.1. Струёй воздуха (*сдуваю*)
    - 1.3.1.2. Иным способом (*выгоняю, гоню, высылаю, погоняю, выкуриваю, кидаю, черпаю, запускаю*)
  - 1.3.2. Движение (*встаю*)
- 1.4. Глаголы помещения
  - 1.4.1. Покрытие
    - 1.4.1.1. Собственно покрытие (*покрываюся*)
    - 1.4.1.2. Открытие (*отпираю, отмыкаю*)
    - 1.4.1.3. Закрытие (*закрываю*)
    - 1.4.1.4. Одевание (*одеваюся, облакаюся, опоясываюсь*)
  - 1.4.2. Собственно помещение
    - 1.4.2.1. В результате физического действия (*сажу*)
    - 1.4.2.2. Определённым образом
      - 1.4.2.2.1. Окружение (*окружаю*)
      - 1.4.2.2.2. Создание преграды (*ограждаю, огораживаюсь*)
      - 1.4.2.2.3. Закрепление за объектом какого-либо места (*утверждаю, кладу, ложусь*)
      - 1.4.2.2.4. Подвешивание (*вешаю*)
  - 1.5. Физиологическое (*ем, заедаю*)
- 2. Глаголы речи

2.1. Ритуально-магическая речь (*уговариваю, отговариваю (-сь), приговариваю (-сь, -ся), заговариваю (-сь, -ся), наговариваю, выговариваю, заклинаю, ворожу*)

2.2. Обращение

2.2.1. Просьба (*прошу, молю/молюсь, умоляю, жалуясь, прибегаю*)

2.2.2. Приказ (*приказываю*)

2.2.3. Призыв (*призываю, вызываю, выкликаю, поминаю*)

2.2.4. Запрет (*запрещаю*)

2.2.5. Напоминание (*напоминаю*)

2.2.6. Благодарность (*благодарю*)

2.2.7. Хвала (*славлю*)

3. Глаголы социального взаимодействия

3.1. Специализированные ритуальные акты (*отпускаю, крещусь, крестюсь*)

3.2. Эксклюзия (*отрекаюсь, отлучаю, проклинаю*)

3.3. Инклюзия

3.3.1. Влияние, подчинение (*уक्रощаю, предаюсь, корюсь (-ся), отдаю (себя)*)

3.3.2. Внешнее проявление отношения (*кланяюсь, покланяюсь (-ся)*)

3.4. Обеспечение (*вооружаюсь, заряжаю*)

3.5. На благо кого-либо

3.5.1. Защита (*охраняю*)

3.5.2. Помощь (*помогаю, пособляю*)

3.5.3. Лечение (*правлю, унимаю*)

3.5.4. Дарение (*дарю*)

4. Глаголы познания (*справляюсь*)

5. Глаголы отношения/владения (*даю, принимаю, выкупаю*)

6. Глаголы созидания

6.1. Ремесло (*вышиваю*)

6.2. Восстановление (*восстанавливаю*)

6.3. Приготовление пищи

6.3.1. Жарка (*жарю*)

6.3.2. В печи (*пеку, перепекаю*)

6.3.3. Добавление ингредиентов (*солю*)

6.4. Письмо (*черчу*)

Акциональная семантика заговорных каузативных глаголов используется нами как критерий заговорной полуперформативности, в то время как глаголы с семантикой речи и глаголы социального взаимодействия (кроме тех, которые не имеют широкого распространения в перформативном употреблении: *вооружаюся, крещусь, отпускаю*) здесь интерпретируются как эксплицитные, канонические перформативные глаголы.

В эксплицитном перформативе в качестве способа каузации представлена только речь; в полуперформативе способами являются и речь, и ритуальное действие. Заговорные перформативные и полуперформативные глаголы, на основании их каузативной семантики, объединяются нами в группу под общим названием «заговорные перформативные каузативы».

Мы видим, что мифопоэтическое понимание речи как акта, напрямую влияющего на действительность, в котором размывается граница между информационным и фактическим воздействием, приводит к перформативизации каузативного глагола, как информационно-модифицирующего, так и обозначающего неречевое воздействие на человека или неодушевлённый объект. Проанализированные нами глаголы, называющие ритуально-магические действия и организующие вокруг себя заговорный текст, содержат сему каузации: их произнесение влечёт за собой переход от текущей ситуации к каузируемой. Направленность на результат, сближающая перформатив и каузатив, наделяет полуперформативные глаголы особым статусом и отделяет их от констативов в составе перформативного текста. Сема речи в заговорном каноническом

перформативе выступает как способ каузации, наряду с другими, что размывает границы между полу- и каноническим перформативом.

2.2.2.2. Иллокутивные характеристики заговорных перформативных каузативов

Изучение интенциональности было и остаётся одним из основных направлений исследований в области теории речевых актов. Дж. Сёрль рассматривает понятие интенциональности как «свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира» [Сёрль 1987: 96]. Интенциональность характеризуется направленностью на объекты реального мира или отнесённостью к ним. Интенция связывается с эмоциональным, психологическим состоянием говорящего. Сёрль выделяет несколько ментальных состояний, обладающих интенциональностью: это такие состояния, как страх, вера, надежда, желание. Состояние интенционально, когда имеет повод: неинтенционально, когда по отношению к нему нельзя задать вопрос «К чему в реальном мире данное состояние относится?». Согласно Сёрлю, основным интенциональным состояниям сознания соответствует некоторый ограниченный набор речевых актов (утверждения, директивы, обязательства, декларации, экспрессивы).

Категория интенциональности пришла в лингвистику в составе терминологического аппарата теории речевых актов. Основным объектом лингвистов, работавших в этом направлении, становится изучение интенционального языка (в особенности так называемых «ментальных предикатов») и интенционального компонента смысла высказывания (см., например: [Логический анализ языка 1993; Кобозева 1986]).

Канонические перформативные глаголы относятся к лексическим средствам выражения интенциональности (возможны и грамматико-синтаксические средства, см. об этом: [Бондарко 2001: 4]) в том смысле, что

сопоставляют мир с содержанием речевого акта, иначе говоря, имеют направленность от мира к слову [Сёрль 1987: 103]. В лингвистике интенциональные единицы, однако, рассматриваются более широко: так, Ю. А. Куцевич понимает под интенциональными единицами «лексемы со значением одной из семи стадий волевого действия: желания, намерения, решения, планирования, подготовки, попытки и реализации» [Куцевич 2015: 118], выделяя данные лексемы (на материале английского языка) в особую лексико-семантическую группу. Интенциональность рассматривается как гиперсема, объединяющая интенциональные слова [Куцевич 2017: 187]. С. В. Шустова считает интенциональность обязательной составляющей каузативной ситуации, понимая её как «зависимость от воли и намерений человека» и рассматривая каузативные глаголы в качестве интенциональных [Там же].

Немаловажным представляется разграничение интенциональности и интенции как намерения, предпринятое уже у Сёрля: «намерение сделать что-то является лишь одной из форм Интенциональности» [Сёрль 1987: 98]. Как указывает С. В. Мощева, «интенциональность является основополагающей стороной речевого механизма и продуцируемой им речи; коммуникативная интенция представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего, мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового выражения в высказываниях» [Мощева 2015: 41]. Ср. с замечанием в статье «Интенциональность» словаря «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)»: «Отдельные речевые акты интегрируются в связный текст на основе глобальной, текстовой интенции. Именно глобальная интенция формирует Интенциональность текста» [Эффективное речевое общение 2014: 190].

С понятием интенции и интенциональности связаны другие ключевые понятия теории речевых актов, а именно понятия иллокутивной силы, иллокутивного акта и иллокутивной цели. Под иллокутивным актом мы

будем понимать речевой акт, отличающийся от локутивного своей интенциональностью и конвенциональностью. Иллокутивный акт всегда имеет в виду некую направленность, лежащую за пределами высказывания: проекция (экспликация) же этой направленности описывается в качестве иллокутивной силы (см., например: [Красина 2006: 20; Василина 2005: 45; Романов 2006]). Иллокутивную цель же трактуют как «ментальный акт, совершения которого добивается от слушателя говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего» [Вендлер 1985: 243].

Рассматривая интенциональность заговорных глаголов, следует разграничивать:

1. Глобальную интенцию, представляющую собой основной мотив, психологическую причину, которая заставляет заговаривающего обратиться к магическому ритуалу как способу решения проблемы.

2. Коммуникативную интенцию как коммуникативное намерение, с которым производится целостный акт заговора.

3. Иллокутивную силу заговора как проекцию иллокутивного акта на заговор как речевое произведение.

4. Иллокутивную силу отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора.

5. Иллокутивную цель заговора как целостного произведения.

6. Иллокутивную цель отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора, как способ достижения цели заговора и реализации глобальной интенции.

7. Иллокутивную цель перформативного или полуперформативного глагола как функцию-потенцию, заложенную в семантике глагола.

Глобальная интенция заговора не является известной нам непосредственно, поскольку в нашем исследовании мы имеем дело не с единичным актом, произведённым конкретным лицом, а с письменной фиксацией иллокутивного акта заговора (представляющего собой некоторую

основу для перформации других подобных актов). Тем не менее, аспект интенциональности, на который указывал А. В. Бондарко, подчёркивая, что интенциональность имеет две стороны: «1) аспект актуальной связи с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, то есть с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации, — аспект «собственно интенциональный»; 2) аспект смысловой информативности тех или иных элементов ПСТ, способность данного языкового значения быть одним из компонентов передаваемого и воспринимаемого смысла» [Бондарко 1967, Там же] позволяет нам распродметить интенцию говорящего. В самом обобщённом виде глобальная интенция заговора предстаёт как некая потребность, нуждающаяся в удовлетворении; данная интенция сугубо надындивидуальна и принадлежит коллективному субъекту.

Сказанное относится и к коммуникативному намерению заговаривающего, которое направлено на исполнение желания. Е. Е. Левкиевская называет цель, присущую всем сакральным текстам, креативной целью [Левкиевская 2002: 208]. Желаемое конкретизируется в формулировании иллокутивной силы заговора, определяющей тип заговорного иллокутивного акта. Иллокутивная сила конкретного акта всегда известна и ясна заговаривающему: заговаривающему известно, какой акт производится в данный момент: присушка или отсушка, заговор от порчи или от змеиного укуса и т. д. Типы заговорных актов разработаны в указателях и классификаторах заговоров: данные типы выделяются на основе иллокутивной цели каждого заговора [Востоочнославянские заговоры 2014].

Заговорный иллокутивный акт состоит из последовательности частных иллокутивных актов, каждый из которых обладает собственной иллокутивной силой и имеет в виду собственную микроцель: так, цель зачина *Встану, благословясь...* заключается в подготовке ритуального пространства для последующих действий, цель рассмотренных директивных актов — в обращении к сверхъестественному существу с просьбой или приказом.

Для нас, с точки зрения описания интенциональности заговорных перформативов (и в особенности полуперформативных каузативов), наибольший интерес представляет иллокутивная доминанта заговорного текста и то, как её иллокутивная цель коррелирует с иллокутивной целью всего заговора как целостного акта.

Рассмотрим это соотношение. Как было сказано выше, глобальной интенцией заговора является психологическое состояние, которое заставляет заговаривающего произносить текст. Данное состояние можно охарактеризовать как нужду или потребность, вызванную несоответствием желаемого и действительного положения дел. Нужда или потребность всегда сопровождается направленностью. В фольклоре эта направленность особого рода: в качестве повода для переживания может рассматриваться сглаз, порча, в качестве причины болезни — персонифицированные сущности, «криксы», «плаксы», «тринадцать лихорадок, Иродовых дочерей» и пр. Соответственно, способ устранения и нейтрализации причины и исполнения желаемого также осмысливается в причинно-следственных категориях традиционной культуры и подразумевает некое ритуальное действие, исполняемое без текста, с текстом или представляющее собой только произнесение текста.

Нас особо интересуют те случаи, когда данное действие прямо называется в тексте и при произнесении становится перформативом. Такое название осуществляется при помощи рассмотренных выше заговорных перформативных и полуперформативных каузативов. Сема «результат», содержащаяся в словарных толкованиях этих глаголов, и тип результата репрезентируют интенциональность каждого конкретного глагола.

Соотнеся иллокутивную цель иллокутивного акта, являющегося доминантой заговора (акта, в котором совершается действие, по мнению говорящего, приводящее к желаемому результату), и иллокутивную цель заговора целиком, мы обнаруживаем интенциональную разнонаправленность: например, глаголы повреждения могут использоваться

с целью исцеления. В некоторых случаях данное изменение интенции репрезентирует особые отношения, существующие между прагматикой глагола и прагматикой текста, которые целиком строятся на символическо-семиотической связи между действием, обозначенным глаголом, и целью, которая в ритуально-сакральном дискурсе считается достижимой посредством этого действия. Эта связь закреплена в фольклоре и ментальности.

В процессе классификации мы уже выделили иллокутивную цель заговорных каузативных глаголов. Теперь мы соотнесли иллокутивную цель рассмотренных нами выше перформативных каузативов с иллокутивной целью заговорных текстов, в которых данные каузативы встречаются.

Проведённый анализ показал, что заговорные перформативные каузативы отчётливо разбиваются на четыре группы:

- 1) глаголы, иллокутивная цель которых является способом достижения цели заговора;
- 2) глаголы, цель которых равна цели заговора;
- 3) глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора;
- 4) глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего.

Большая часть выделенных нами полуперформативных глаголов относится именно к первой группе. Иллокутивная цель, достигаемая посредством их произнесения, представляет собой основное средство, которое приводит к достижению цели заговора и реализации глобальной интенции заговаривающего. Антропоморфная природа болезни предполагает, что для избавления от страданий необходимо нанести какой-либо ущерб самой болезни, поэтому для лечения используются преимущественно глаголы повреждения: чтобы избавиться от грыжи, её нужно *загрызть*, уроки и призоры *состреливают*, все болезни *кидают* и

бросают. Иногда разрушению подвергается не болезнь, а нечто иное: так, заламывание травы избавляет от ломоты:

Къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и нато я *заламываю*, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и ломоту, и всякую болѣзнь, и семьдесятъ-три травы всѣ прирываю и цвѣты *приламываю*, и въ чловѣкѣ семьдесятъ-три сустава; аминь [Майков 1869: 95].

В этом случае только ассоциативная метонимическая связь, закон подобия, позволяет этому действию быть способом достижения иллюкутивной цели³.

Как средство избавления от болезни используются глаголы с иллюкутивной целью изгнания:

Уроки, пригады, посмеща, и коли, и боли, и притчи, и падчи я высылаю за крутые горы, глубокие мори, где быдло не ходит, где певень голос не доносит [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 387].

С целью защиты используются глаголы с семантикой помещения (покрытия), глаголы повреждения также распространены как символический ответный (или предупреждающий) удар, наносимый обидчику: чтобы защититься от судей, заговаривающий произносит: *колом колю, ножом порю*. В этом случае способ повреждения представляется более произвольным, чем, например, в заговоре от колдунов, против которых заговаривающий произносит глагол *подрезаю (язык)*. Из глаголов повреждения, приводящих к достижению цели, следует отметить глагол *топчу (вытаптываю)*. Заговор, содержащий данный глагол, произносится невестой, когда она входит в свой будущий дом, наступая на порог, тем самым *заступая* свекра, свекровь и других родственников мужа. Акциональный и вербальный компоненты здесь совмещены: однако акциональный компонент не будет наделён магическим

---

³ Данный заговор представляет собой пример того, как, несмотря на детальное описание акционального компонента, магическое действие является сугубо речевым. Более того, акциональный компонент ритуала совершенно иной. Сборник Майкова даёт следующую «инструкцию по применению» этого заговора: «Четыре или шесть разъ прочесть <Да воскреснет Богъ> до конца надъ масломъ коровьимъ или мыломъ, а потомъ слѣдующее: (Текст)». Затем заговорѣнным таким образом маслом нужно натереться после мытья в бане [Майков 1869: 95].

смыслом без участия говорящей. Произнося текст этого заговора (приговора), невеста осуществляет перформацию смысла собственных действий, заменяя реальный объект (порог) другим объектом — людьми, над которыми необходимо получить власть. Достижение необходимой цели (первенства, авторитета в доме) достигается посредством метафорического переноса: *наступить* на порог как средство получить власть над жителями дома.

Вторая группа глаголов представлена полуперформативными глаголами, прямо называющими действие, приводящее к цели ритуала. Здесь отсутствует метафоризация: цель действия, названного глаголом, не является способом достижения результата (ср. с предыдущим примером). Эти глаголы прямо называют основное совершаемое действие. Так, чтобы очистить ребёнка от уроков и призоров, его омывают в бане, произнося приговор с глаголом *парю*, тем самым определяя смысл действия: очищение не только на физическом, но и на сакральном уровне. Большой интерес в этом процессе наделения действия сакральным смыслом представляют сравнительные конструкции:

Батюшка Изосима-совестник, как Вы брали насекомую в городе Иерусалиме, на горе святой на Артипе, садили в свой неспящий костыль дерева кипаризу, так же я, раб Божий (имярек), *беру* свою насекомую пчелу — градскую мошку и *сажу* в неспящий костыль — дерево пихту. Встаю я по утренней заре и *запускаю* свою насекомую пчелу — градскую мошку из ранней пасеки на тридевять цвету, на тридевять вербей нести белого меду, желтого воску в неспящий костыль, в дерево пихту [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 321].

Из примера видно, что данные глаголы не просто далеки от констативов, но и играют очень важную роль в перформации содержания ритуала, его цели и значения, представляя собой нечто большее, чем название действия. Однако действие само по себе остаётся тем же и не служит метафорой другого, подразумеваемого события: произнося *заряжаю*

(ружьё) или *выгоняю* (животных), говорящий в буквальном смысле заряжает ружьё и выгоняет скот, а не делает что-либо ещё. Произнесение глагола придаёт большее значение совершаемому действию, за счёт чего повышается вероятность успеха: неслучайно глаголы этой группы встречаются преимущественно в приговорах, которыми сопровождаются сельскохозяйственные работы, выгон скота, подготовка к охоте и пр.

Далеко не каждый перформативный или полуперформативный глагол выступает в одном из описанных отношений к иллокутивной цели заговора. Зачастую глагол организует вокруг себя иллокутивный акт, который впоследствии входит в структуру заговорного текста как интенциональное звено [Романов, Романова, Федосеева 2013]. Таковы все директивные акты, акты клятвы, отлучения, отречения, отпуска свадьбы и т.д., а также зачины, закрепы в составе заговоров. Подобный акт редко бывает равным всему заговору: обычно эти акты входят в различные заговоры в качестве повторяющихся структурных элементов и никак не зависят от цели заговора, могут применяться в заговорах любой направленности, но обладают собственной целью, осуществление которой необходимо говорящему для исполнения желаемого. Так, практически любой ритуал обладает подготовительной частью: переход из профанного пространства в сакральное предполагает, во-первых, подготовку самого заговаривающего (преимущественно глаголы с семантикой очищения и одевания, встречаются и другие варианты — например, глаголы обеспечения), во-вторых, наделение сакральным статусом и защита места, где проходит обряд (глаголы ритуального движения и создания преграды или окружения). Большое значение имеют глаголы открытия и закрытия. Формулы отлучения, отречения, этикетные формулы, акты просьбы, приказа, жалобы, в свою очередь, используются для выстраивания эффективной коммуникации со сверхъестественным адресатом и не соотносятся непосредственно с целью заговора.

В особую группу входят глаголы с семантикой заговаривания. Они являются эксплицитными перформативами и были проанализированы нами в соответствующей главе. В отличие от первых трёх, эта группа эксплицирует коммуникативное намерение заговаривающего и формирует иллокутивную силу заговора как акта, противопоставленного другим речевым актам. Перформативы с семантикой заговаривания — наиболее общие перформативы, посредством которых могут достигаться самые разные, более частные, конкретизированные и уточнённые иллокутивные цели: заговариваться и заклинаться с произнесением эксплицитного перформатива может как кровь, так и порча, змеиный укус, зубная боль, укус собаки, лихорадка; может осуществляться защита от беса или достигаться успех в сельскохозяйственных работах.

Как в полу-, так и в эксплицитных заговорных перформативных глаголах наблюдается интенциональная гетерогенность: как одной иллокутивной цели могут соответствовать эксплицитные перформативы с разной иллокутивной силой, так и одна и та же иллокутивная цель заговора может достигаться при помощи разных перформативных и полуперформативных актов. В свою очередь, глагол не определяет иллокутивную цель, и иллокутивные акты с одним и тем же глаголом в составе могут включаться в заговоры разной направленности.

Тем не менее, в материале присутствуют глаголы, ассоциированные с определённой иллокутивной целью заговора. Так, *грызу*, *загрызаю* употребляется только с целью исцеления, при этом обязательно имеется в виду исцеление от грыжи. Глаголы *заламываю*, *приламываю* также содержат в составе интенциональную сему, равную интенции заговора.

Таким образом, несмотря на кажущуюся интенциональную разнонаправленность, микроцель, достигаемая посредством произнесения глагола, формирующего иллокутивную доминанту, является основным способом достижения цели заговора и выражения его иллокутивной силы. Е. Е. Левкиевская указывает, что общая креативная цель заговора может быть

достигнута при помощи высказываний, выражающих косвенную цель опосредованно (рассмотренные нами выше эксплицитные перформативы), и высказываний, представляющих собой конвенционально закреплённые косвенные речевые акты, которые в заговорах, однако, выражают креативную цель непосредственно [Левкиевская 2002: 209]. В настоящей работе предлагается подход, согласно которому полуперформативные глаголы, подобные проанализированным нами глаголам первой и второй групп, являются прагматически маркированными способами экспликации иллокутивной креативной цели заговора, передающими её при помощи названия действия, которое, согласно семиотике сакрального, метафорическим, метонимическим или иным путём ведёт к осуществлению замысла говорящего. Эти глаголы в заговорах являются так же прагматически маркированными, как и эксплицитные перформативные глаголы: более того, в отличие от эксплицитных перформативов, они приводят к достижению цели непосредственно, называя само ритуальное действие, а не один из входящих в его состав актов (просьба, приказ, призыв). При этом перформатив *заговариваю*, как и все его дериваты, занимает особое, промежуточное положение: эксплицитно называя речевой акт, он, с точки зрения иллокутивной цели, выпадает из группы канонических перформативов, поскольку является прямым способом выражения интенциональности заговора.

Прагматически маркированный полуперформативный глагол не должен содержаться в тексте в обязательном порядке (это же касается и канонического перформатива). Следует помнить о том, что заговор может также содержать две или более доминанты или передавать иллокутивную цель при помощи других средств. Наличие полуперформативного глагола в перформативной форме указывает лишь на вербальную экспликацию иллокутивной силы данного акта, находящейся в особых, символических отношениях с иллокутивной силой заговора как целостного текста.

2.2.2.3. Адресованность заговорных перформативных каузативов

Актантная структура эксплицитного перформативного глагола, как правило, предполагает наличие актанта адресата. Адресованность считается неотъемлемым свойством перформативного высказывания. По Д. Войводичу, большинство глаголов речи имеют обязательные отношения валентности, которые заключаются в ограничениях на употребление объекта/адресата в единственном или во множественном числе: «при перформативном употреблении (в высказывании) этих глаголов нет необходимости в эксплицитном выражении управления (т.е. объекта-адресата в форме личного местоимения ты/вы и в соответствующей падежной форме), благодаря как раз тому, что перформативное высказывание, как правило, обращено к адресату как непосредственному (т.е. однозначно определённом) собеседнику говорящего и что перформативные (как и другие переходные) глаголы всегда (даже и при формальном отсутствии дополнения, способствующем реализации факультативной валентности) обладают признаком транзитивности или так называемой объектной интенцией» [Войводич 1999: 74]. Как указывает Е. В. Комлева, «речевой акт направляется адресату, на адресата рассчитана воздействующая иллюкутивная сила, перлокутивный эффект, от адресата ожидается реагирование» [Комлева 2009: 120].

Представляется естественным, что в центре внимания исследователей находилась, в первую очередь, адресованность перформативного глагола, которая рассматривалась с точки зрения теории функционально-семантического поля. Согласно точке зрения О. А. Россоловой, перформативные глаголы находятся, в зависимости от типа глагола, на ближней или более отдалённой периферии «Ты-категории», являясь одним из средств выражения данной категории. Все перформативные глаголы языка семантически объединены тем, что «называемое ими действие всегда имеет

свойство направленности на слушателя» [Rossolova 2011]. Кроме того, О. А. Россолова полагает, что речевые действия в принципе невозможно совершать для себя самого, без учёта реакции адресата. Таким образом, адресованность предстаёт как одна из базовых характеристик перформативного высказывания, наряду с автореферентностью и неверифицируемостью.

Перформативный глагол широко используется в заговорах для регуляции коммуникативного взаимодействия: в разделе, посвящённом эксплицитным перформативам, мы проанализировали директивные глаголы со значением просьбы/приказа, со значением призыва, отмечая, как использование этого глагола моделирует коммуникацию с воображаемым адресатом. Несмотря на фактическое отсутствие адресата, устойчивая структура речевого акта с перформативом в основе воспроизводит этот акт, создавая не только образ адресата, но и коммуникативную установку, включающую в себя представление об адресате, бытующее в сообществе, функции адресата, отношения между адресатом и заговаривающим как членом сообщества, иерархию отношений, которые заговаривающий хочет выстроить для успешности иллокутивного акта.

Роль адресата (в замещённом или незамещённом виде) предполагают не только глаголы обращения, но и прочие виды заговорных перформативов. Бехабитивное *кланяюсь* возможно только при присутствии адресата (в случае заговора — виртуального), то же верно для *корюсь*. Акт отлучения также обладает адресованностью, но эта адресованность несколько иного рода: адресат фактически становится пациентом, претерпевающим участником ситуации. Однако перформатив *отлучаю* в любом высказывании и дискурсе предполагает данную семантическую роль. Замена семантической роли актанта представляет наибольший интерес при использовании в заговоре перформатива *заговариваю* (и его дериватов). В этом случае адресат (если он присутствует и является одушевлённым), вне зависимости от его реальной или виртуальной природы, воспринимается не как полноправный участник коммуникации, способный дать ответ или произвести какое-либо действие, а

как объект, на который направлено прямое, непосредственное речевое воздействие. Эта особенность характерна только для заговорного дискурса (ср. с другими значениями глагола заговаривать, например, со значением «начинать говорить»). Иногда это формулируется ещё определённое, в конструкциях «заговаривать + что» (например, кровь или укусы змеи). Данный тип адресованности связан, с одной стороны, с восприятием речи как непосредственного действия, с другой стороны, с антропоморфизацией болезней и частей тела, представлением о том, что к ним можно обратиться с ритуальной речью.

Полуперформативные глаголы, отличающиеся отсутствием речевой семантики и представляющие собой каузативные глаголы, как правило, направлены на объект. Этот объект может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым. Ср.:

(1) *Утверждаю поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ отмыкаю въ небѣ, ключъ въ морѣ* [Майков 1869: 109].

(2) С рабы (имярек) нечистую силу *выгоняю*: с костей — ломоту, с головы — жаробу, с нутра — зноботу, чтобы не ходила, не ломила, не томила, не распаливала [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 396].

В направленном на объект глаголе пациент может отличаться с точки зрения коммуникативной ситуации и с точки зрения формальной структуры высказывания, что можно наблюдать в примере (2). Возможна и ситуация, при которой глагольная валентность замещена неодушевлённым объектом, в то время как на уровне коммуникативного акта воздействие осуществляется на человека.

Объектом может быть и сам заговаривающий: это касается эксплицитных перформативов вида *отрекаюсь* и полуперформативов, таких, как *умываюсь, утираюсь, облакаюсь, покрываюсь* и пр.

Мы выстроили следующую классификацию заговорных глаголов с точки зрения адресной направленности:

1. Глаголы с адресатной направленностью (*молюсь (-ся), призываю, вызываю, выкликаю, прошу, молю, умоляю, приказываю, поминаю, прибегаю, корюсь, кланяюсь*).

2. Глаголы с адресатно-объектной направленностью (*заговариваю, уговариваю, отговариваю, приговариваю, наговариваю, выговариваю, заклинаю, отлучаю*).

3. Глаголы с объектной направленностью:

3.1. Глаголы с направленностью на одушевлённый/антропоморфный объект (*выгоняю, погоняю, гоню, высылаю, стрелю, состреливаю, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, укрощаю, выкуриваю, парю, загрызаю, грызу, закалываю, сажу, запускаю*).

3.2. Глаголы с направленностью на неодушевлённый объект (*черпаю, утверждаю (утверждаю), заламываю, приламываю, прирываю, кладу, отпираю, окружаю, ограждаю, заряжаю, зарываю, топчу, колю, втыкаю, сдуваю, вытаптываю, прикалываю, беру, укрепляю, отмыкаю, заключаю, отпускаю⁴*).

4. Глаголы с автоадресатной направленностью (*отрекаюсь, предаюсь, оговариваюсь, заговариваюсь, огораживаюсь, ложусь/ложуся, умываюсь, утираюсь, одеваюсь, облакаюсь, замыкаюсь, прохлаждаюсь, вооружаюсь, справляюсь, опоясываюсь, крещусь, пособляюсь, помогаюсь*).

Итак, адресованность, применительно к заговорным текстам, не является неотчуждаемым свойством перформативного глагола. В магическом дискурсе моделируется уникальная ситуация: посредством слова осуществляется воздействие на неодушевлённый объект. Поэтому перформативный акт, направленный не на существо, способное слышать, мыслить и отвечать (пусть и гипотетически), а на предмет, над которым может быть только осуществлено какое-либо действие, оформляется не

---

⁴ Данное подразделение на одушевлённый и неодушевлённый объект создано на основе заговорного словоупотребления и является условным: в зависимости от словоупотребления, глагол может быть направлен как на одушевлённый, так и на неодушевлённый объект.

глаголом речи, а каузативным глаголом воздействия на объект с целью его изменения.

Идея непосредственного воздействия при помощи слова, без убеждения, внушения, просьбы и т. д., создаёт промежуточный вариант, когда заговор применяется к человеку, который выступает в роли претерпевающего воздействие, пациента; им может быть и сам заговаривающий.

Заговор демонстрирует черты автокоммуникации, где присутствует лишь виртуальный адресат или одушевлённый объект, которому адресуется речевой акт. Функция такого пациента заключается в восприятии не информации, а направленного на него вербально-магического воздействия. Большое количество автоадресатных глаголов указывает на интенцию внутреннего преобразования человека, в чём проявляется не столько суггестивность, сколько автосуггестивность заговорных текстов.

2.2.3. Заговорные полуперформативы: итоговые критерии и обоснование выделения

Гипотеза о существовании и функционировании полуперформативных глаголов в заговорах как особых перформативных единиц, противопоставленных эксплицитным перформативам и периферийным перформативным единицам, полностью подтвердилась. Заговорные полуперформативы были выделены нами на основании их 1) каузативных особенностей, 2) интенциональных параметров, 3) характера выражения направленности / адресованности. Заговорный полуперформативный глагол представляет собой перформативно употреблённый неперформативный глагол в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.

1. С точки зрения каузативности заговорные полуперформативы противопоставляются периферийным перформативным единицам как глаголы, в семантике которых заложена каузативная ситуация. Термин

«заговорные перформативные каузативы» объединяет эксплицитные и полуперформативные заговорные глаголы, которые отличаются друг от друга по параметрам адресованности и интенциональности.

2. С точки зрения интенциональности заговорные полуперформативы выражают способ достижения иллокутивной цели всего заговора или типизированной части заговора (такой, как зачин, закреп), в отличие от эксплицитных перформативов, для которых характерно выражение цели отдельного речевого акта.

3. С точки зрения адресованности полуперформативные глаголы отличаются от эксплицитных перформативов как способные быть направленными не на адресата, а на объект с целью его непосредственного изменения [Куликовская 2021].

Понятие полуперформативности расширяет представление о перформативном глаголе и его семантической специфике. Заговорный материал предоставляет большое количество неэксплицитных глаголов, не обладающих речевой семантикой, однако представляющих собой действие, совершаемое посредством слова. Данные глаголы перлокутивны, и их произнесение ведёт к достижению не речевой, а иллокутивной цели, лежащей за пределами речевого акта и являющейся, в свою очередь, средством выражения глобальной интенции заговора.

2.3. Заговорные квазиперформативные и квазиполуперформативные глаголы

2.3.1. Понятие квазиперформативности

Представляется, что понятие и тема квазиперформативности не являются достаточно разработанными: им посвящено сравнительно небольшое количество исследований, при этом объём и содержание термина «квазиперформатив» могут меняться от автора к автору. Так, P. Amrhein

употребляет термин «quasi-performative» в отношении глаголов *promise*, *agree*, *hope*, *guess*, поскольку они используются в высказываниях, обязывающих говорящего сделать что-либо для слушающего и выполняют эту функцию при помощи одной и той же синтаксической эксплицитной формы, однако выражаемое ими намерение говорящего может меняться от одного глагола к другому, отклоняясь от «условий искренности», необходимых для успешного акта, согласно которым говорящий намеревается или желает совершить некий акт для слушающего и верит, что будет способен это сделать [Amrhein 1992]. В русистике представлен несколько иной подход к квазиперформативности: по Кустовой и Падучевой, квазиперформативным считается перформативный глагол, употреблённый в неэксплицитной форме в соответствии с условиями успешности перформативного высказывания: таковыми являются преимущественно формы третьего лица (*Петя благодарит вас за книгу; Генерал приказывает вам остаться*). Авторами выделяются критерии, которым соответствуют глаголы, допускающие квазиперформативное употребление: 1) в семантической структуре такого глагола адресату должны соответствовать более двух семантических ролей (например, Адресат, Исполнитель, а также Субъект долженствования); 2) он редко обозначает речевое действие, предполагающее воздействие на чувства, волю адресата. Кроме того, помимо квазиперформативов, выделяются перфектные состояния иллюкутивных глаголов, допускающие формы любого лица и также возможные в перформативном употреблении (*Тебя вызывают в деканат*) [Кустова, Падучева 2003]. Ю. Д. Апресян отмечает, что некоторые перформативные глаголы обладают несколькими грамматическими формами, которые также являются перформативами [Апресян 1995: 203], как и Дж. Остин, отдавая приоритет перформативной формуле над перформативным глаголом.

О. А. Россолова рассматривает модель с каноническим перформативом в качестве эксплицитной: другие модели перформативных конструкций относятся автором к семантическим вариантам. Согласно модели 2 (первая

модель семантического варианта эксплицитной перформативной формулы), адресант, выраженный местоимением 1 л. ед. ч., соединяется с грамматическим эквивалентом перформативного глагола, употреблённым 1) в форме 1 л. ед. ч. прост. буд. действ. зал., 2) в форме 3 л. наст. вр. действ. зал., 3) в форме 2 и 3 л. наст. вр. страд. зал., 4) в форме сослагательного наклонения.

В модели 3 субъект действия также выражен я-формой, однако вместо грамматического используется семантический эквивалент перформативного глагола (здравствуйте, спасибо, до свидания и пр.), имеющий соответствующую валентность.

О. А. Россолова выделяет также модально-семантическую модель (ср. с [Романова 2009]) и девербативную модель, по которой вместо перформативного глагола используется его неглагольный эквивалент (например, ещё одна последняя просьба) [Rassolova 2011].

Подобная размытость границ между квазиперформативом и перформативом иногда заставляет исследователей рассматривать как перформатив любой перформативный глагол в любой грамматической форме, игнорируя неперформативность употребления: см., например: [Molina 2014].

Выделяются также перформативы-хеджи, иллокутивная сила которых напрямую выражена перформативным глаголом, при этом присутствует дополнительная иллокутивная сила, выраженная каким-либо другим, например, модальным словом [Amrhein 1992], однако некоторые исследователи понимают под термином «hedged performative» высказывания, конвенционально ассоциированные с соответствующим речевым актом, например, *Сожалею* «прочитывается» слушателем как извинение [Stewart 2013: 33].

Л. А. Романовой изучен «композиционный перформатив», отличающийся от канонического тем, что в композиционной конструкции предикативным ядром является не перформативный, а, например, модальный глагол, а

перформативный глагол используется в форме инфинитива (*Я должна признать, я хочу вызвать вас на дуэль* и т. д.) [Романова 2009].

В нашем исследовании квазиперформативами мы будем называть глаголы, обладающие перформативной семантикой, употреблённые в неэксплицитной форме. В заговоре подобное употребление будет считаться перформативным. Под квазиполуперформативными глаголами мы будем понимать лексемы, описанные выше, но в формах, отличающихся от эксплицитной.

2.3.2. Квазиперформативные глаголы в заговорах

Значение квазиперформативных глаголов в заговорах во многом синонимично значению перформативов. Данные конструкции в ряде случаев полностью взаимозаменяемы. Всё сказанное об эксплицитных формах, как правило, верно и для квазиперформативов. Отметим особенности, характерные для заговорных квазиперформативных глаголов.

Квазиперформативные глаголы в форме будущего времени

Агенс таких глаголов выражен формой 1 л. ед. ч., субъектом высказывания является я-субъект заговора. Наиболее важным свойством заговорных квазиперформативов в форме будущего времени является их нефутуральность. Глагол представляет не планируемое действие, а действие, совершаемое в настоящий момент.

Подобные употребления будущего времени глаголов 1 л. ед. ч., функция которых состоит «не в том, чтобы сообщить о будущем речевом акте, а в том, чтобы привлечь внимание адресата к факту текущего речевого акта» [Стойнова 2016], широко распространены не только в заговорах, но также, например, и в научных текстах. Особенность перформативных форм будущего времени в заговорных текстах состоит в том, что в заговорах такие формы не имеют признаков обобщённого футурального значения: их

таксисное время совпадает с моментом речи, представляя собой актуальное настоящее.

Существует точка зрения, согласно которой будущее время в подобных конструкциях с глаголами совершенного вида отсутствует: в них «играет роль в чистом виде семантика совершенного вида, т.е. такая концептуализация ситуации, при которой «в кадре» находится момент перехода в новое состояние» [Зализняк 2014]. Следуя этой точке зрения, можно описать заговорные квазиперформативы будущего времени как средство актуализации значения действия, которое совершается и завершается в момент речи.

Тем не менее, данная актуализация значения совершенного вида не является обязательной. Большинство квазиперформативов заменяют эксплицитные перформативные глаголы в тех же композиционных элементах:

... попрошу и помолю Егория Храброго и Михаила-архангела, чтобы мне сослал разного зверя, и разного копыта, и разную летучую птицу на всех моих урочищах и зеленой дубраве [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 292].

Помолюсь на восток и *поклонюсь* на все четыре стороны святым ангелам-хранителям скотским, святым угодникам — царю Давиду, Лавру и Власию и святому великомученику и победоносцу Георгию... [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 307].

Из приведённых примеров видно, что квазиперформативные конструкции представляют собой семантические варианты перформативных глаголов.

Для будущего времени более, чем для настоящего, характерно употребление устойчивых перформативных формул с двумя глаголами: *подойду поближе, поклонюсь пониже, помолюсь и покорюсь*, зачастую рифмованных. Такие формулы ещё более конвенционализируют перформативную конструкцию за счёт повтора, рифмы и десемантизации. Неверным было бы считать, что они называют два следующих друг за другом

действия. Особенностью заговоров является то, что в них образуются последовательные перформативные цепочки без называния идущих друг за другом актов (ср. у [Апресян 1995: 206]: «сочинительные цепочки перформативов обычно обозначают последовательные, а не одновременные действия»). Тем не менее, возможно и обозначение последовательных действий, например, в тех случаях, когда квазиперформативы оформляют директивные акты, направленные разным адресатам:

Первым разом, Господним часом Господу *помолюся*, святой Матери Пречистой *поклонюся* [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 319].

В рассмотренном материале представлены следующие парные сочетания с сочинительной связью: *подойду + поклонюсь (подойду + наклонюсь)*, *помолюсь + поклонюсь*, *помолюсь + покорюсь*, *попрошу + помолю*, *поклонюсь + помолюсь + извоюсь (-ся)*, *поклонюсь + отступлюсь*.

Совершенный вид предоставляет больше возможностей для использования церковнославянизмов, чем несовершенный (см. замечание А. Зализняк о некоторых церковнославянизмах в русском языке как об исключительных словах, реализующих одновременно и функцию настоящего времени, и функцию совершенного вида, что нехарактерно для русского языка: среди приводимых автором примеров есть и слово *возопиет* [Зализняк 2014]). Церковнославянизмы совершенного вида в заговорах представлены глаголами *восплачу и возопию*. Эти глаголы не имеют эквивалентных эксплицитных форм.

В директивных заговорных актах перформативность может быть выражена при помощи диалектизмов:

Приду я, помолюсь, поклонюсь и *покучусь*... [Майков 1869: 72].

В примере использован псковско-тверской диалектизм *покучиться* [Даль 1903-1911].

Любой эксплицитный перформативный глагол из описанных нами может быть употреблён в форме 1 л. ед. ч. буд. вр.: *наговорю, скажу, отговорю* и т. п. Помимо этого, из приведённых выше примеров явствует,

что формы будущего времени являются богатым «поставщиком» перформативов, включая и те глаголы, употребление которых в настоящем времени в заговорах не встречается.

Формы третьего лица

В формах настоящего времени третьего лица единственного числа происходит самоустранение агенса и передача ответственности за магическое деяние сверхъестественному существу:

Въ чистомъ полѣ стоитъ мать-Божья церква, и какъ въ той церкви Сама Мать Пресвятая Богородица и Самъ Сусъ Христось со двѣнадцатю апостолами: Михаилъ архангелъ, Гаврила архангелъ, Кузьма, Демьянь, — и *отговариваютъ* отъ осуда, отъ пересуда, отъ стрѣшника, отъ поперешника, отъ мужска полку, отъ женска полку, отъ дѣвки отъ косатой... [Майков 1869: 88].

Иногда семантика ритуального говорения утрачивается: отсылки к сакральным персонажам оказывается достаточно для моделирования желаемой ситуации:

Шель Петръ и Павель путемъ дорогой; промежь собой рѣчи *говорятъ*, какъ у мертваго зубы не болятъ [Майков 1869: 36].

В 3 л. встречаются словоупотребления перифрастических конструкций, используемых вместо глаголов с семантикой речевой деятельности:

И *отвѣтъ держитъ* убогій Лазарь: «Не болятъ у меня зубы, не шепить щеки, не ломить кости» [Майков 1869: 36].

Именно в 3 л. используется редкая, относящаяся к высокому стилю, перформативная форма запрета:

... въ томъ храмѣ святая дѣвица держитъ у себя разныя иглы и шелковю нитку, зашиваетъ она рану кровавую и ранѣ болѣтъ, и крови идти *заповѣдаетъ* [Майков 1869: 63].

В третьем лице как в единственном, так и во множественном лице встречаются употребления глагола *речет* (*рекут*).

Вышеописанная функция квазиперформатива третьего лица является уникальной чертой заговорного текста. Говорящий создаёт коммуникативную ситуацию, в которой он сам является не автором, а транслятором (или Исполнителем, по Кустовой и Падучевой [Кустова, Падучева 2003]) некоторого сообщения-действия. Однако, в отличие от квазиперформативных высказываний в обыденном языке (ср., например, *Директор вызывает вас в кабинет*), в подобных заговорных актах с глаголами 3 л. говорящий моделирует адресанта точно так же, как моделирует адресата в директивных актах (обращения к Богородице, заре, толстой бабе и пр.). Общим у квазиперформативов в 3-м лице и заговорных директивов является создание образа ирреального участника ситуации и использование не собственных, а принадлежащих этому участнику сил и возможностей. Различие заключается в направленности речевого акта: в случае директива — от себя к адресату, в случае квазиперформатива 3 л. — от адресанта к себе и далее к адресату.

Формы прошедшего времени

Перлокутивный эффект квазиперформатива может быть усилен тем, что действие представляется как уже совершившееся:

Стал я, раб Божий (имярек), благословясь, ключевой водой умылся, Михаилу-архангелу *помолился*, на все стороны *поклонился* [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 335].

То же самое возможно и для форм множественного числа:

Четыре сестрицы, Захарій да Макарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянья, сами *говорили*, чтобы у раба-Божія (имя рекъ) щеки не пухли, зубы не болѣли вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ до вѣку [Майков 1869: 35].

2.3.3. Композиты и псевдокомпозиты

Из других форм квазиперформативов в заговорах широко распространены композитные перформативы: *могу отговорить, стану преговаривати, стану отговариваться, хочу получить*.

Могла мать свое чадо сносить и породить: *могу* и я, раба Божія (имя рекъ), всѣ болѣзнь *отговорить* [Майков 1869: 30].

Модальные слова *могу* и *хочу* приобретают в заговорах функцию, совершенно отличную от традиционной для композитных перформативов: из регуляторов коммуникативного взаимодействия они превращаются в волитивное утверждение возможности и желания. В приведённом примере наблюдается присваивание себе статуса, наделяющего способностью к заговору, аналогичной способности родить и выносить ребёнка.

К псевдокомпозирам можно отнести вступительные формулы с перформативным глаголом в форме инфинитива, представляющие собой просьбы о благословении:

Благослови меня, Господи, руду *заговаривать* и ломоту [Майков 1869: 65].

Формула (в) *стану благословясь, выйду (пойду) перекрестясь* также обнаруживает черты композитного перформатива. Перформативные акты благословения и крещения совершаются посредством произнесения конструкции, в которой перформативный глагол не представляет собой предикатного ядра. В то же время нельзя говорить о десемантизации глаголов *встану* и *пойду*, поскольку наличие подобных формул без адвербиализованных деепричастий указывает на значимость ритуального движения самого по себе.

Таким образом, заговоры предоставляют большой материал, позволяющий изучить не только перформативные и полуперформативные глаголы в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. действ. зал., но и квазиперформативы. Квазиперформативные глаголы представлены богатым набором грамматических форм перформативных глаголов. В качестве основных мы выделили встретившиеся нам формы 1) 1 л. ед. ч. буд. вр. (сов.

вида), 2) 1 л. ед. ч. прош. вр., 3) 3 л. ед. и мн. ч. наст. и прош. вр., 4) композитные и псевдокомпозитные конструкции с инфинитивами и адвербиализованными деепричастиями. Система квазиперформативных глаголов во многом дублирует систему перформативных глаголов, однако некоторые квазиперформативы не имеют употребительного перформативного эквивалента.

Ряд заговорных квазиперформативов уникален не только с грамматико-семантической, но и с функциональной точки зрения. Квазиперформатив позволяет нетривиальным образом распределить коммуникативные роли между адресантом и адресатом, смоделировать новую коммуникативную роль передатчика информации (исполнителя действия) и присвоить её говорящему.

2.3.4. Квазиполуперформативные глаголы

Полуперформативные глаголы в грамматических формах, отличных от 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., представляют дальнюю периферию семантического поля заговорной перформативности, смыкаясь с другими перформативными периферийными единицами: глаголами некаузативной семантики, существительными, прилагательными, наречиями. В данной работе мы не ставили перед собой задачу дать исчерпывающее описание всех аспектов заговорной перформативности. Тем не менее, мы считаем необходимым отметить направления, приоритетные для дальнейших исследований.

Квазиполуперформативные глаголы в русских заговорах представлены следующими грамматическими формами:

1) форма 1 л. ед. ч. буд. вр. (*ударю, подойду, подпояшу, пущу, замкну, буду унимать, буду выгонять, напишу, отдую, запру, укреплю, опушу, изрублю, исщепая, выстружу, расстреляю, положу*);

2) псевдокомпозиционная формула с глаголом 1 или 3 л. ед. или мн. ч. и полуперформативом в именной части (*начну наряжаться, грядут избавити, учнут бити, учнут мучить, станет стрелять*);

3) форма 3 л. ед. ч. наст. вр. (*навевает, поминает, помогает, стреляет, не разгорается, шьёт, вышивает, не сокрушается, не ломит, не шепит, обороняет, отлучает (отгоняет), обрывает, общипывает, щиплет, теребит, соблюдает, пошивает, запирает, унимает, прикладывает, мотаает, сучит, не рвётся, не гнётся, не ломается, не распадается*);

4) форма 3 л. мн. ч. наст. вр. (*зарастают, засыпают, заливают, не гребут, не думают, не советуют, волочат, дерут, помогают, обмывают, не поднимаются, не раскрываются, не растворяются*);

5) форма 3 л. ед. ч. буд. вр. (*проглотит, высохнет, пропадёт, сгорит, посохнет, уймётся, оборвётся, не канет, не ползет, умоётся, утрётся, пойдёт, встанет, выйдет*);

6) форма 3 л. мн. ч. буд. вр. (*возьмут, выведут, ввергнут, оградят*);

7) форма 2 л. мн.ч. буд. вр. (*бежим, не приступим*);

8) формы прош. вр. (*замыкал, взалкалася, взыгралася, вострепыхалася, воскупалася*);

9) формы сослагательного наклонения (*бы уродилось, шли бы, бежали бы, лезли бы, бы не пятились, бы не ворочались, бы держались, бы колели, бы сохло, исходили бы, потухали бы, вышибало бы, бы потухли, бы поблекли, бы кипела, бы горела, бы сохла*);

10) формы инфинитива (*не бывать, не хаживать, не своротить, не осудить, не опризорить, не дневать, не часовать, не отдуться, не загулять, не отпариться*);

11) формы императива (*закрой, защити, соблюди, спаси, понеси, затопчи, запри, закрой, сохрани, скрепи, благослови, откачнитесь, подите, поставьте, спустите, отбивайте, отстреливайте, берите, спущайте, отстрелите, отмечите, откалывайте, принесите, оттирайте, дуйте, винтите, распалите, присушите*);

12) целевые придаточные со «чтобы» (*чтоб не жить, не быть, чтоб тоснула, чтоб сохла, чтобы тосковала, чтобы горевала*);

13) конструкции с «бы» и инфинитивом (*бы не баловать, бы не щемливать*).

Лексический состав квазиполуперформативных глаголов, с одной стороны, дублирует систему полуперформативов, с другой стороны, в нём содержатся лексемы, полуперформативное употребление которых нам не встречалось. Однако иные временные формы, отличные от формы настоящего времени, в сочетании с неперформативной (неэксплицитно-перформативной) семантикой, удаляют квазиполуперформативы от перформативного ядра заговора, превращая полуперформатив в нарратив в составе перформативного текста. Очевидно, что ближе всего к ядру находятся квазиполуперформативы в форме будущего времени из п. 1 за счёт перволичности и не столько временного, сколько видового значения.

Исследование заговорной лексической квазиполуперформативности не может быть исчерпано и перечисленными вопросами. Необходимо подробно проанализировать конструкции вида «да будет так!», формулы угроз, проклятий, обещаний и клятв. Итогом завершённого всестороннего описания должна стать иерархическая система заговорных перформативных единиц, с рассмотрением формы и функции каждой из них, структурного композиционного элемента, оформляемого ею, иллюкутивной цели и других характеристик данной единицы.

2.4. Конструктивное место перформативного глагола в композиции заговора

Под понятиями «конструктивное место», «строевое место» мы будем подразумевать позицию, занимаемую лексической единицей в композиционной конструкции заговора.

Как уже было отмечено ранее, типовая композиция заговора состоит из нескольких устойчивых элементов. Представляется важным рассмотрение

связи семантической группы глагола и того строевого места, которое занимает глагол в заговоре.

Так, для эксплицитного перформативного глагола обращения наиболее характерна позиция перед субфреймом заговорно-заклинательной формулы. Эксплицитный перформатив обращения называет речевой акт просьбы, приказа, призыва, адресованный каким-либо сверхъестественным существам. Если такой акт содержится в заговоре, то он, как правило, предваряет содержательную часть, в которой высказывается пожелание. Это естественным образом приводит к тому, что эксплицитные перформативы оказываются в начале заговора:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Господа Бога и Мать Пресвятую Богородицу на помощь *призываю*, а я, раба Божія (имя рекъ), у родимаго человѣка, раба Божія (имя рекъ), про дорогой золотникъ розыскъ *начинаю*: «Золотникъ мой, золотникъ, дорогой золотникъ, отыщи, дорогой золотникъ, свое дорогое мѣсто, чтобы у рабы Божія (имя рекъ), родимаго человѣка, отнынѣ и до вѣка, не болело, не щемило, внизъ не спущалось и не окаменѣло». Могла мать свое чадо сносить и породить, могу и я, раба Божія (имя рекъ) всѣ болѣзни отговорить. Вѣдь затвержалъ Господь Богъ воды и земли; знай свои дѣла; и за аминь Господь Богъ мои врачевныи слова — на вѣки вѣковъ, аминь [Майков 1869: 30].

Эксплицитный перформатив вводит акт призыва и находится в ряду однородных сказуемых с десемантизированным глаголом *начинаю*, не каузирующим никакого действия, обозначающим лишь его начало, и являющимся констативом в составе перформативного текста. В данном заговоре молитвенный субфрейм, без посредства зачина и нарративной части, сразу сменяется субфреймом пожелания, состоящим из собственно пожелания и каузации способности заговаривающего к действию, выражаемой при помощи композита *могу отговорить*. Заговор завершается закрепкой.

Если в заговоре содержится нарративная часть, то эксплицитный перформативный или квазиперформативный глагол может и знаменовать собой переход от нарративной части к пожеланию. Пожелание в этом случае становится опосредовано речевым актом. Речевой акт выступает в качестве основания для того, чтобы заговор начал действовать: возможно, поэтому в случае такого использования эксплицитного перформативного глагола сравнительная формула зачастую не используется. См. пример:

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подь восточную сторону, въ чистое поле, къ Окіяну морю, на святъ Божій островъ. На этомъ островѣ лежитъ Алатръ камень, а на камени стоитъ Мати Пречистая Богородица, просить и молить безпрестанно Господа Иисуса Христа объ насъ грѣшныхъ (имя рекъ). *Прошу и молю*, Пречистая Божія Матерь, усердно своими горькими слезами: «Застуди обо мнѣ, рабѣ Божьемъ (имя рекъ), отгони злую лихоманку за тридевять земель, въ тридесятое пустое царство, отгони и отведи отъ меня, Божья человѣка (имярекъ).» Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ [Майков 1869: 54].

В данном примере глаголы *прошу* и *молю* выступают в качестве ключа для перехода к субфрейму пожелания. Просьба к Божией Матери является единственным основанием для изгнания лихорадки «в тридесятое пустое царство», дополнительные средства, такие, как принцип подобия, не используются.

Нетипичным случаем является просьба не об исполнении желания, а о магическом средстве, которое должно исполнить желание:

Встану, раба Божія (имя рекъ), благословясь и пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле. въ восточну сторону, подь утренню зорю, подь красное солнце, подь младъ мѣсяць, подь частыя ярыя звѣзды. Подь частыми ярыми звѣздами стоитъ гора бѣлокаменна; изъ этой горы бѣлокаменной бѣгутъ три ключа горючіе и кипучіе; у этихъ ключей горючіихъ и кипучіихъ стоитъ истинный Христось со ангиліями и съ

архангилями, со всей силой небесною: всякъ ихъ убоится, устрашится; я, раба Божія (имя рекъ), не убоюсь, не устрашусь. *Попрошу* у ихъ съ трехъ ключей горячнхъ, съ трехъ ключей кипучихъ воды для того, чтобъ у раба Божія (имя рекъ) зажечь легкую печень и горячую кровь и ретивое сердце — кипѣло бы, горѣло объ раба Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку. Будьте, мои слова, крѣпки и лѣпки, чтобъ у раба Божія (имя рекъ) зажглася легкая печень и горячая кровь и ретивое сердце кипѣло бы горѣло объ рабѣ Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку; чтобъ у раба Божія (имя рекъ) кипѣло бы, горѣло сердце ретивое объ рабѣ Божіей (имя рекъ) вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣку.

Здесь также эксплицитный квазиперформатив является ключом для перехода от нарративной части к пожеланию, однако в то же время глагол выступает в качестве связующего звена между двумя компонентами сравнения: «горючие и кипучие ключи» в мифопоэтическом пространстве и «кровь у раба Божия».

Следующий пример демонстрирует распространённость эксплицитных перформативов и квазиперформативов как в речевых актах, завершающих нарративную и предваряющих заговорно-заклинательную часть заговора, так и в зачине:

Лягу я рабѣ (имя рекъ), *помолюся*; встану, *перекрещуся*; умоюся утренней росой, утрюся Господней пеленою; пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на чистое поле на Окіань море. Тамъ встрѣтятся со мной четыре ангела; я, тѣмъ ангеламъ покорюся и поклонюся. Вы же, четыре ангела, вырвите тоску-кручину изъ меня, раба (имя рекъ), изъ моего тѣла бѣлаго, изъ моихъ черныхъ очей, изъ всѣхъ мопхъ жилъ и составовъ и недуговъ, и вложите ту тоску-кручину въ рабу (имя рекъ), и въ ея тѣло бѣлое, и въ ея черны очи, и во всѣ ея жилы и составы и недуги; чтобы раба (имя рекъ) тосковала по мнѣ, рабѣ (имя рекъ), и горевала, и во всей тоскѣ пребывала, и никогда меня не забывала, ни на питѣ не запивала, ни на ѣдѣ не заѣдала, и во снѣ не засыпала, и въ бесѣдѣ съ добрымя людьми не

заговаривала; ни на кого бы не взидала, ни на отца, ни на мать, ни на брата, ни на сестру, ни на дядю, ни на тетку, ни на сосѣда, ни на сосѣдку; а взидала бы на одного раба меня (имя рекъ). Замкну замки замками, заключу заключи ключами, твердѣйшими словами [Майков 1869: 17].

Данный пример изобилует квазиперформативными и квазиполуперформативными глаголами: в зачине присутствует не только эксплицитный квазиперформатив обращения *помолюся*, но и эксплицитный квазиперформатив, обозначающий специализированный ритуальный акт *перекрещуся*. Переход от нарративной части к пожеланию осуществляется при помощи специализированных ритуальных перформативов *покорюся* и *поклонюся*. В закрепе находятся квазиполуперформативы *замкну* и *заклучу*.

Эксплицитные перформативы, подобные глаголам *корюсь*, *кланяюсь*, часто сопровождают или замещают акты обращения, что обусловлено их этикетным характером, и функцией выражения отношения к сверхъестественным существам. Их ритуально-этикетный характер обуславливает их положение в начале обряда, где они служат обозначению ролей коммуникантов в последующем акте:

Отрекаюсь отъ Бога, и животворящаго Его креста, *отдаю себя* въ руки дьяволамъ. Пристаньте сему человѣку (имя рекъ) скорби-икоты, трясите и мучьте его до окончанія жизни. Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ [Майков 1869: 99-100].

Произнося эксплицитные перформативы с семантикой социального взаимодействия — *отрекаюсь*, *отдаю себя* — заговаривающий обозначает своё положение в мифорелигиозном космосе: прежде чем осуществить неблагое деяние, необходимо определить своё отношение к тем сверхъестественным силам, которые отвечают за благие и неблагие деяния⁵.

---

⁵ Впрочем, указания относительно исполнения данного обряда наводят на мысль, что акт попрания креста сам по себе является средством достижения результата: ношение креста под пятой и на спине является не подготовительным актом, а ведущим к цели действием, наравне с актом заговаривания соли (см.: [Майков 1869: 99-100]).

Этот пример и сходные с ним показывают возможность особого положения эксплицитных перформативов в составе заговора. В данном заговоре отсутствует зачин, как и нарративная часть. Текст начинается с речевого акта, который обладает определённой самостоятельностью и не может быть отнесён ни к одному из обычно выделяемых строевых элементов заговора. Мы считаем необходимым выделить для таких обособленных речевых актов особое конструктивное место, которое мы назовём «перформативный РА» (ср. с предыдущими примерами, где эксплицитный перформатив вплетён в структуру нарратива и зачина, завершая данные части заговора).

Позиционные отличия имеют эксплицитные перформативы, типичные только для заговорно-магического дискурса. Так, про перформативы *заговариваю, отговариваю, переговариваю* и пр., а также *заклинаю*, нами говорилось, что они обозначают само заговорное действие при помощи слова, поэтому для них естественной позицией является центральная позиция, заговорно-заклинательная формула, в которой выражается пожелание заговаривающего:

На морѣ, на островѣ лежить куча еловаго дору, въ этомъ во дору лежить руно чернаго барана, въ этомъ рунѣ свито гнѣздо, въ этомъ гнѣздѣ лежить змѣя шкуропѣя (вар. шкура пѣга). Матушка змѣя шкуропѣя, вынь свой ярый ядь изъ костей, изъ мощей; *наговариваю, отговариваю* рабъ Божій (имя рекъ) изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горючей крови, изъ тощаго жнвота, изъ дробныхъ кишокъ. Матушка змѣя шкуропѣя, вынимай своихъ дѣтокъ: колодныя, болотныя, лѣсовыя, летучія, ползучія, боровыя, подможныя, подконечныя, переярецъ; не уймешь своихъ дѣтокъ, пойду царя Давида просить всѣ пропасти его сократить, всѣ недуги исцѣлить и нечистую силу змѣи отвратить [Майков 1869: 71].

Данный заговор начинается с нарративной части, закрепка отсутствует. Заговорно-заклинательная формула состоит из четырёх элементов. Переход

от нарративной части к субфрейму заговорно-заклинательной формулы осуществляется при помощи обращения к змее. Акт просьбы/приказа не эксплицирован при помощи каких-либо глаголов (*прошу/приказываю*) и представляет собой субфрейм внутри субфрейма. Следующим субфреймом внутри данной формулы является сам акт заговора, переход к которому происходит при помощи перформативных глаголов *наговариваю, отговариваю*. В данном акте пожелание выражается наиболее подробным образом: ритуальная формула перечисления частей тела усиливает пожелание, добавляя ему убедительности. Новый субфрейм открывается обращением и представляет собой директив, также сопровождающийся перечислением: на этот раз причин страданий. Завершается заговор перформативным актом угрозы. Таким образом, структура данного заговора такова:

1. Нарративная часть.
2. Заклинательная формула (пожелание).
  - 2.1. Акт просьбы/приказа.
  - 2.2. Акт заговора.
  - 2.3. Акт просьбы/приказа.
  - 2.4. Акт угрозы.

Акт заговора, выраженный перформативным глаголом, находится в центре: угроза замещает акт закрепки, вытесняя его, и завершает заговор.

Однако центральная позиция не является обязательной для эксплицитных перформативов с ритуально-магической семантикой.

Выхожу я, удалъ добрый молодець, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, заговоромъ *заговариваюся*, на всѣ четыре стороны *покланяюся*, вижу: лежитъ гробъ по верхъ земли; земля того гроба не принимаетъ, вѣтеръ его не обдуваетъ, съ небеси дождь не поливаетъ, лежитъ въ томъ гробѣ опивецъ зубастый, собой онъ головастый, какъ гадина, въ гробу распластался, языкъ его въ темя вытягался; Божіи тучи мимо проходятъ, на еретника за семь поприщъ дожда не изводятъ. Беру я, рабъ Божій, отъ дупла осинова вѣтвь

сучнистую, обтешу арясину осистую, воткну еретнику въ чрево поганое, въ его сердце окаянное, схороню въ блатѣ смердящемъ, чтобъ его ноги поганья были не ходящія, скверныя его уста не говорящія, засухи не наводящія; лежалъ бы въ землѣ, ни чѣмъ недвижимъ, окаянные бы его на ноги не подымали, засухи на поля не напушали; окаянный бы ихъ набольшій кружало, самого сатаны нечисто въздыхало, въ тріисподнюю былъ проклятъ; аминь; помоги, Господи; словесамъ моимъ утверждение [Майков 1869: 157-158].

В данном заговоре перформатив с ритуально-магической семантикой стоит в одном ряду с эксплицитным перформативом. Функция глагола *заговариваюся* здесь сближается с функцией оберега, защиты перед началом магического действия, внушающего страх. Поэтому в данном случае конструктивное место данного глагола — зачин.

Позиция в закрепке для глаголов с ритуально-магической семантикой также возможна:

Съ гуся канеть вода, съ потолка руда. Идетъ мужикъ старъ, конь бѣжитъ каръ, а ты, кровь, не кань. *Заклинаю* приговоромъ у раба Божія (имя рекъ) [Майков 1869: 65-66].

Сам акт заклипания/заговаривания здесь уподобляется акту заключения, замыкания заговора.

Как мы видим, ритуально-магический перформативный глагол может употребляться в той же функции, что и другие магические акты: также он может сопровождать их. Анализ его конструктивной позиции выявляет особенности его семантики: он может как называть основное ритуальное действие, так и обладать коннотацией защиты, укрывания, замыкания, становясь переключателем субфрейма начала или завершения обряда.

Заговорные полуперформативы, ввиду своих семантико-функциональных особенностей (преимущественная направленность на объект, цель глагола как способ достижения цели заговора, каузативность), располагаются, как правило, в центральной части заговора, называя основное

ритуальное действие. Особенно это характерно для глаголов физического изменения, обозначающих действие над объектом. Стоит отметить, что такие глаголы характерны для коротких заговоров, которые предположительно утратили зачин и нарративную часть или изначально функционировали как приговоры, сопровождая обрядовые действия:

Нож в землю *втыкаю* — злым людям и колдунам язык *подрезаю* [Болонев, Мельников, Егорова 1997: 397].

Калываю, прикалываю, закалываю все скорби-болезни у рабы Божьей (имярек) *закалываю* все скорби-болезни, у рабы Божьей (имярек) *закалываю*. Как ты, млад месяц, ходишь по белому свету, видишь живых и мертвых, как у мертвых тело бело замертвело, заколело, так бы у рабы (имярек) тело бело не дрело, не болело, не немело, не ядрило. Днем при солнце, ночью при месяце, при утренней заре Марии, вечерней - Евдокии. На веки веков. Аминь, аминь, аминь [Болонев, Мельников, Леонова 1997: 457].

В данном заговоре, который начинается сразу с заговорно-заклинательной формулы, отсутствует не только молитвенная часть (что распространено), но и зачин, и нарративная часть. Фрейм пожелания (и субфрейм, где обозначается действие, при помощи которого достигается цель: данный субфрейм можно назвать акциональным) открывается при помощи полуперформативов *калываю, прикалываю, закалываю, причём закалываю* повторяется три раза. Следующий субфрейм (сравнительный), также содержит формулу пожелания. Завершается заговор закрепкой и зааминиванием.

Сравнивая два субфрейма, из которых состоит фрейм пожелания, мы можем увидеть, что полуперформативные глаголы выступают в качестве усиливающей заговор своеобразной «аргументации», наравне с собственно сравнительной формулой. Поскольку полуперформатив содержит скрытое сравнение («как я протыкаю ритуальный объект с целью его уничтожения, символического убийства, так пусть и болезни умрут»), можно

рассматривать данные субфреймы как два разнородных сравнения, нанизывание которых обеспечивает заговору действенность.

Однако не любое физическое воздействие является основным ритуальным действием. Глаголы со значением очищения, одевания, перемещения, движения, открытия обозначают подготовительные действия и располагаются в зачине или в нарративной части. То же верно для глаголов с семантикой помещения, в особенности — окружения, ограждения, а также закрепления за объектом какого-либо места. Семантика окружения, огораживания, опоясывания глубоко символична (см.: [Агапкина 2002: 265-266]), глаголы с такой семантикой широко распространены.

Стану я, рабъ Божій, благословясь и *пойду* перекрестясь; *умоюсь* ни бѣло, ни черно, утрусъ ни сухо, ни мокро; *умываюсь* прѣснымъ молокомъ, *утираюсь* маковымъ цвѣтомъ; *пойду* я изъ дверей въ дверь; изъ воротъ въ ворота; на встрѣчу мнѣ Тихонъ святой, *кланяюсь* я Тихону святому: «Возьми ты, батюшко, двѣнадцать прутовъ оловянныхъ, желѣзныхъ и бей ты ими двѣнадцать Иродовыхъ дочерей. чтобъ онѣ меня не трусили, костей моихъ не ломали—отнынѣ и до вѣка» [Майков 1869: 52].

Данный текст содержит большое количество полуперформативов и квазиполуперформативов с семантикой подготовки к обряду: *стану*, *пойду*, *умоюсь*, *умываюсь*, *утираюсь*, *пойду*. Пожелание выражено в виде просьбы к Тихому святому, предваряемой этикетным актом поклона. На основании анализа конструктивных позиций данных глаголов можно выделить особую семантическую группу заговорных полуперформативов — глаголы с семантикой подготовки к ритуалу.

Глаголы закрытия, соответственно, находятся в позиции закрепки (см. рассмотренные ранее примеры).

Отметим, что глаголы с семантикой защиты возможны не только в начале, но и в конце обряда:

Какъ во градѣ Лукорѣ летѣль змѣй по поморію, града царица имъ прельщалася, отъ тоски по царѣ убивалася, съ нимъ, со змѣемъ, сопрягалася,

бѣлизна ея умалялася, сердце тосковалося, одному утѣшенію предавалася— какъ змѣй прилетить, такъ ее и обольститъ. Тебя, змѣй, не боюся, Господу Богу поклонюся, преподобной Маріи Египетской уподоблюся, во узилица заключуся. Какъ мертвому изъ земли не вставать, такъ и тебѣ ко мнѣ не летать, утробы моей не распяты, а сердцу моему не тосковати. Заговоромъ я *заговариваюся*, желѣзнымъ замкомъ *запираюся*, каменнымъ тыномъ *огораживаюся*, водой ключевой *прохлаждаюся*, пеленой Божіей Матерн *покрываюся*; аминь [Майков 1869: 161].

В закрепе здесь используются глаголы *заговариваюся*, *запираюся*, *огораживаюся*, *прохлаждаюся*, *покрываюся*. Семантика ограждения и покрытия — семантика защиты — выражается следом за формулой закрепления, заключения. Очевидным образом в данном заговоре семантика замыкания обряда сливается с семантикой оберега (защита является целью данного заговора). То же самое можно сказать и о глаголе *прохлаждаюся*. С одной стороны, формула водой ключевой *прохлаждаюся* является формулой очищения, которая уместна в конце ритуала, хотя и не так распространена, как в начале. С другой стороны, цель данной формулы соединяется с целью заговора, цель которого — избавить «отъ огненнаго змѣя, летающаго къ женщинѣ, которая по немъ тоскуеть». Соответственно, против огненного змея используются средства, противоположные его природе: образы земли, смерти, преподобной Марии Египетской и — в их числе — образ прохладной ключевой воды.

Конструктивное место глагола не закреплено за какой-либо семантической группой: более того, один и тот же глагол в одном и том же заговоре может употребляться как в зачине, так и в заговорно-заклинательной формуле, однако с небольшими изменениями значения:

Приступаю я, рабъ Божій, къ поклажѣ сей, *окружаю* въ ширину и глубину, *утверждаю* Божьимъ словомъ; пошли мнѣ, Господи, помощника, архангела Уріила, отогнать демонскую силу, отъ сей черты окруженной, отъ еретика, и отъ волшебника. Пошли, Господи, грознаго Ілію пророка съ

огненной колесницей, съ громовымъ ударомъ истребить нечистыя силы отъ поклажи сей. *Утверждаю* поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ *отмыкаю* въ небѣ, ключъ въ морѣ; какъ морю огненну не бывать, изъ моря ключей, кромѣ меня, не вынимать, а замка не отпирать; аминь [Майков 1869: 109].

Здесь особый интерес представляет семантика глагола *утверждаю*. В первом словоупотреблении (*Утверждаю Божьимъ словомъ*) происходит некоторое слияние двух значений полисемантического слова *утвердить*: 1. (*прочно укрепить в чем-н., установить*) и 2. (*настоять на истине чего-н., обосновать, доказать*) [Ушаков 2012]. Значение 2 ближе к перформативному (значение речевого действия), однако в заговоре речь идёт о кладе, защищённом заклинаниями и нечистыми духами, и цель заговора — получить доступ к этому кладу. Для этого заговаривающий осуществляет акт переноса клада в мифопоэтическое пространство, в символический центр мира (на Алатырь-камень), и «утверждает» клад там, где он будет под защитой могущественных благих сил (Илии-пророка, Архангела Уриила): таким образом, здесь содержится и буквальное значение помещения объекта, закрепления за объектом определённого места. Это подтверждается повторным употреблением глагола, на этот раз с объектным управлением и обстоятельством места (*Утверждаю поклажу сію на камнѣ Алатырѣ*). В первом случае глагол *утверждаю* открывает фрейм речевого акта (что находится в полной согласованности с определённой нами позицией эксплицитного перформатива обращения в начале заговора перед заговорно-заклинательной формулой). Данный глагол употребляется в одном ряду с глаголами подготовки к ритуалу — *приступаю* и *окружаю*. Во втором случае он находится в заговорно-заклинательной формуле. Ключом фрейма закрепки является нетипичный для закрепки глагол *отмыкаю*, что подчёркивает отсутствие строгой связи между семантикой и позицией глагола.

Анализ композиции текстов и рассмотрение конструктивного места глаголов в заговорах показал, что существует некоторая корреляция между

семантикой глагола и его конструктивным местом. Эксплицитные перформативы и квазиперформативы обращения чаще всего располагаются перед заговорно-заклинательной формулой, заключая её в рамку просьбы или приказа. Это же верно для этикетных глаголов со значением социального взаимодействия. Эксплицитные перформативы призыва также располагаются в начальной части заговора, но их конструктивное место — молитвенная часть. Универсальный, наиболее общий перформатив *заговариваю* (или его дериват) может располагаться в любой части заговора. Это связано со способностью данного глагола быть синонимом практически любого магического действия, включающего в себя ритуальную речь.

Полуперформативы и квазиполуперформативы располагаются в центральной части заговора, в самой заговорно-заклинательной формуле. Тем не менее, существуют семантические группы перформативных глаголов, для которых не менее распространённым конструктивным местом является позиция в зачине или в нарративной части заговора. Это в первую очередь глаголы со значением очищения, одевания, перемещения, движения, открытия, окружения, ограждения. Для заключительной части заговора, соответственно, характерны полуперформативы *закрываю, заключаю*: однако в некоторых случаях возможны и глаголы открытия. Начальная и завершающая часть заговора обнаруживают некоторую общность в плане используемых в них глаголов: глаголы со значением защиты, оберега возможны и в финале заговора. Кроме того, защита может быть основной целью заговора, и тогда данные глаголы будут находиться в заговорно-заклинательной формуле.

Несмотря на то, что между глагольной семантикой и положением глагола в композиционной структуре заговора отсутствует строгая зависимость, перформативы и полуперформативы обнаруживают одно постоянное свойство: они всегда называют новый субфрейм (или субфрейм внутри субфрейма), осуществляя новое действие, переводя заговаривающего к следующему шагу. Между субфреймом, вводимым перформативом

(полуперформативом) и соседними с ним субфреймами есть значительное семантическое различие: перформативный глагол вводит новую сравнительную формулу или оформляет новый аргумент, призванный убедить сверхъестественную силу в необходимости исполнить просьбу заговаривающего. Это приводит к представлению о том, что не только перформативы, но и полуперформативы в заговорах называют акты или микроакты, выполняя функцию номинации по отношению к используемым магическим практикам. Таким образом, анализ перформативных глаголов может стать основой не только для словаря заговорных глагольных лексических единиц, но и для словаря-тезауруса русских традиционных магических практик.

2.5. Концепция электронного словаря перформативных глаголов в русских заговорах

В настоящее время авторская лексикография развивается чрезвычайно интенсивно, причём создаются словари преимущественно интегрального характера [Зыкова 2020: 133-134]. Однако заговоры, как и язык фольклора в целом, оказываются лишь в небольшой степени затронуты лексикографией. Между тем, язык фольклора является важнейшим источником почти всех диалектных и региональных словарей. Однако этого явно недостаточно: для фольклорных словарных единиц требуется подробное описание в рамках отдельного издания. Это обусловлено спецификой данных единиц: для их полного понимания требуется именно тот контекст, который является для них «естественной средой».

На данный момент существуют следующие словари-указатели заговоров и фольклора: словарь Дж. Ропера «English Verbal Charms» [Roper 2005], словарь Т.А. Агапкиной и А. Л. Топоркова «Восточнославянские заговоры: аннотированный библиографический указатель» [Агапкина,

Топорков 2011], словарь А. И. Васкула «Русский фольклор: библиографический указатель» [Васкул 2017].

По преимуществу, эти словари носят справочный и библиографический характер. В их основу положены соображения, полученные не в ходе лингвистического анализа, а в ходе исследования фольклора в русле семиотики и теории литературы. Классификации являются тематическими, а не лингвистическими.

Из описаний, которые ближе к лингвистическим, следует отметить словарное описание, предпринятое А. В. Юдиным [Юдин 1997]. Целью данного описания стало полное собрание имён собственных в русских заговорах. Также отметим созданный М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко [Бобунова, Хроленко 2006] словарь языка русского фольклора на материале былинных текстов. В основу этого словаря были положены следующие принципы:

— ориентация на жанровую дифференциацию фольклорного материала;

— семантика и функция каждого слова определяется только в рамках и только средствами фольклорного текста;

— семантическая структура фольклорного слова специфична, и его своеобразие определяется фольклорной картиной мира, а также структурой и поэтикой текста;

— специфике фольклорного слова должна соответствовать структура словарной статьи;

— в основу лексикографического описания слова должен быть положен учет всех выявленных связей описываемого слова с другими лексемами конкретного текста и всего корпуса привлеченных текстов.

Данное лексикографическое описание предпринято на материале языка былин. Подобное описание на материале языка заговоров отсутствует.

Что касается словаря перформативных глаголов, то подобный словарь также отсутствует, несмотря на указания на его необходимость [Апресян 1986].

Учитывая, что заговоры предоставляют богатейший материал перформативных глаголов, их описание в виде словаря является логичным и обоснованным первым шагом на пути к интегральному описанию как перформативных глаголов русского языка, так и к полному словарю лексики заговора.

Разработанный нами словарь является словарём интегрального типа. Были использованы методы семантических примитивов и семного анализа. Разрабатывая толкования, мы опирались на материалы следующих словарей: Русский семантический словарь [РСС 2007], Словарь церковно-славянского и русского языка [СЦСРЯ 2007], Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [ТСЖВЯ 1999], Толковый словарь русских глаголов [ТСРГ 1999], Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [ТСРЯ 1935-1940].

В качестве метаязыка используется русский язык.

В основу положена классификация магических перформативных глаголов, выполненная по результатам анализа текстового материала и обоснованная нами в разделе 2.2.

Структура словарной статьи. Использовался принцип толкования значения только в рамках заговорного текста. Например, исключаются такие значения слова «заговаривать», как «начинать говорить» или «заговаривать зубы».

Толкование сопровождается ссылками на классификационные разделы, к которым относится данное слово.

В основу положен семантико-коммуникативный принцип: с одной стороны, в русле подхода с точки зрения семантических примитивов толкуется непосредственное значение лексемы; с другой стороны, в толкование включены наиболее значимые характеристики коммуникативной

ситуации использования заговорного перформатива. Это следующие параметры:

1) каузативность (при помощи перформативного глагола каузируется переход от Ситуации 1 к Ситуации 2);

2) намерение или цель (любое перформативное высказывание производится «для чего-либо», иными словами, с неким намерением / иллюкутивной целью);

3) адресованность (перформативный глагол организует вокруг себя коммуникативный акт, направленный некоторому адресату).

В словарь включены не только канонические перформативные глаголы, но и другие лексемы, обладающие перформативным значением.

В толкование включается обязательный компонент «используя язык», являющийся критерием перформативного высказывания. Кроме того, было принято решение указывать конструктивное место в структуре заговора. Это следующие конструктивные позиции:

- 1) молитвенное вступление,
- 2) зачин,
- 3) нарративная часть,
- 4) перформативный РА (речевой акт),
- 5) акциональная часть,
- 6) закреп,
- 7) зааминивание.

Если перформативный глагол имеет более одной конструктивной позиции, то через запятую указываются они все.

Также в словарной статье указывается модальность. С точки зрения модальности наиболее важным представляется указание на реальный или ирреальный характер ситуации, поскольку представляет интерес, совершается ли действие в мифопоэтическом хронотопе или в реальном времени. Так, конструкция «обтычусь частыми звёздами» имеет ирреальный характер, в то время как «секу, рублю утин» (сопровождаемая

соответствующим ритуальным действием) относится к реальной модальности. К реальной же модальности мы относим все речевые акты, которые осуществляются заговаривающим.

Структуру толкования можно представить следующим образом: перформативный компонент (используя язык), каузативный компонент (каузируемая ситуация, событие), направленность, намерение или цель, конструктивное место в структуре заговора, модальность.

В финале приводятся примеры употребления.

Приведём пример толкования:

Жалуюсь (1)

Группа: канонический,

Подгруппа: директив.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф}}$. испытывает сочувствие), инт. (цель заговора), БФ $S_{1я}$, МФ $S_{2\text{миф}}$, адрес. $S_{\text{миф}}$., КМ перформ. РА, мод. реальн.

Иллюстративный материал: Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвиць, на Иродовыхъ дочерей [Майков 1869: 52].

Макроструктура словаря.

Основная часть имеет два раздела: 1) ЛСВ, сгруппированные в соответствии с классификацией, и 2) ЛСВ, расположенные по алфавиту.

Техническая реализация в виде электронного словаря позволяет свободно группировать слова по категориям и осуществлять поиск по ним.

С точки зрения семантико-грамматических характеристик заговорные глаголы классифицируются нами следующим образом:

1) канонические перформативы (глаголы, обладающие семантикой речи или социально-институционального действия, употреблённые в эксплицитной форме первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения);

2) полуперформативы (глаголы, употреблённые в той же форме, но обладающие какой-либо иной семантикой);

3) квазиперформативы, обладающие семантикой канонического перформатива, но употреблённые в иных грамматических формах);

4) квазиполуперформативы (глаголы, обладающие семантикой, отличной от канонических перформативов и употреблённых в иных формах, помимо эксплицитной).

В словарь не включены лексемы, употреблённые перформативно в составе заговора, но лишённые внутренней перформативно-каузативной семантической составляющей.

С точки зрения семантико-функциональных характеристик глаголы подразделяются на подгруппы, наименования которых отражают выделенные нами лексико-семантические группы.

Сокращения. Используются следующие сокращения и обозначения:

Перформ. — перформатив,

Кауз. — каузация,

⇒ — приводит к следующей ситуации,

S — субъект,

O — объект,

Инт. — интенция,

БФ — бенефактор,

МФ — малефактор,

КМ — конструктивное место,

Мод. — модальность,

Призн. — признак,

Образ д. — образ действия,

Акц. — акциональная часть,

Перформ. РА — перформативный речевой акт,

Наррат. — нарративная часть,

Заамин. — зааминивание,

Молитв. — молитвенное вступление,

Адрес. — адресованность,

Реальн., ирреальн. — реальная, ирреальная,

Миф. — мифопоэтический.

Сокращения приняты для печатной версии словаря, которую планируется реализовать в дальнейшем. В электронной версии сокращения не используются.

Перформативное высказывание всегда совершается самим говорящим, поэтому добавление «я» к сокращению «перформ» может показаться избыточным. Однако мы приняли решение оставить данный компонент, чтобы подчеркнуть его постоянное присутствие в семантике слова. Что касается компонента «я» в семантике самого каузативного глагола, то в случае квазиперформативов и квазиполуперформативов «я» может меняться на другой субъект.

Если субъектов или объектов более одного, то второй и последующие обозначаются одной и той же буквой с подстрочными индексами: S, S1, S2 и т. д.

Также используются скобки как интуитивно понятное разграничение элементов модели ситуации и обозначение включённости одного элемента в другой.

Техническая реализация. Концепция словаря предусматривает техническую реализацию в виде программы для Windows. Назначением программы является систематизация и поиск перформативных глаголов по алфавиту, по выделенным классификационным типам, а также их толкований. Программа позволяет ознакомиться со списком глаголов в алфавитном порядке, оформленным в виде ссылок; перейти по каждой ссылке и изучить толкование каждого слова; ознакомиться с типологией глаголов, ознакомиться со списком глаголов, входящих в каждый тип.

Данная программа обладает следующей структурой:

1. Интерфейс читателя.

- 1.1. Окно информации о словаре, списка источников и сокращений.
- 1.2. Окно меню.
  - 1.2.1. Поиск по словам.
  - 1.2.2. Гиперссылки с названиями категорий и подкатегорий.
  - 1.2.3. Гиперссылки с буквами алфавита.
  - 1.2.4. Гиперссылка на все слова списком по алфавиту.
- 1.3. 500 (и более) словарных страниц с толкованиями по указанному образцу и гиперссылками на все слова соответствующей категории и подкатегории.
  - 1.4. Страницы категорий.
  - 1.5. Страницы подкатегорий.
  - 1.6. Страница словника с гиперссылками на каждое слово.
2. Интерфейс администратора.
  - 2.1. Окно добавления/удаления слова и толкования. Включает опцию присвоения слову категорий и подкатегорий.
  - 2.2. Окно редактирования списка категорий и подкатегорий.
  - 2.3. Окно редактирования информации о словаре.
  - 2.4. Личный кабинет: выбор окон для редактирования.

Концепция имеет большой потенциал, а техническое воплощение позволяет в дальнейшем расширять и дополнять словарь не только новыми словами, но и новыми категориями/разделами. В будущем словарь имеет два направления для расширения:

1) Во-первых, планируется на основе данного технического решения реализовать полный электронный словарь перформативных глаголов русского языка.

2) Во-вторых, описание глагольных лексем создаёт базу для составления словаря-тезауруса русских магических перформативных практик.

3) В-третьих, словарь может быть расширен и дополнен за счёт других источников.

Выводы по Главе II

В данной главе были рассмотрены перформативные глаголы, эксплицирующие речевые акты, и глаголы в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., называющие другие, неречевые акты, совершаемые говорящим в ходе ритуально-магической деятельности. Несмотря на то, что такие глаголы зачастую сопровождают действие, они не являются названием этого действия: их произнесение представляет собой перформативный акт, сопутствующий другому, неречевому, действию. Такие глаголы в настоящей работе названы заговорными полуперформативами.

В процессе выборки полуперформативов из заговорного материала возникла проблема критериев разграничения полуперформативов, обозначающих ритуальные действия и являющихся центром перформативного высказывания, и неперформативных глаголов в составе перформативного текста. Основой для выявления полуперформативов послужила, в первую очередь, глагольная каузативная семантика, которой обладают все перформативные единицы. Однако, если в эксплицитных перформативах в качестве способа каузации выступает речь, то в полуперформативах таким способом является речедействие.

Другим важнейшим критерием разграничения полуперформативов и перформативов стала интенциональная направленность глагола в сопоставлении с интенциональной направленностью заговора как перформативного акта. Полуперформативный глагол, как правило, совершает действие, результатом которого становится достижение цели заговора; при этом между способом и целью существует устоявшаяся метафорическая или метонимическая связь, закреплённая в коллективных народных представлениях. Как было отмечено нами, в некоторых случаях полуперформатив называет не способ достижения цели, а саму цель. Канонический перформатив, напротив, выражает цель отдельного речевого акта в составе заговора и лишь косвенным путём ведёт к достижению

основной цели. Особый статус имеет перформатив *заговариваю* (и его дериваты), эксплицирующий глобальную интенцию заговаривающего.

Наконец, третьим признаком полуперформатива является особый характер адресованности. В то время как неотъемлемой характеристикой эксплицитного перформатива считается направленность на адресата, полуперформативный глагол в своей валентной структуре не имеет адресата, но имеет объект.

Проанализировав полуперформативы, мы рассмотрели квазиперформативные и квазиполуперформативные глаголы. Для их выделения был использован не семантический, как в случае с полуперформативами, а грамматический критерий: квазиперформативы представляют собой канонические перформативы в формах, отличных от формы 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл.; к квазиполуперформативам относятся полуперформативы в соответствующих формах.

Анализ и последовательное обоснование критериев разграничения перформативов, полуперформативов, квазиперформативов и квазиполуперформативов позволили нам построить классификацию заговорных перформативных глаголов по трём направлениям: 1) семантическая классификация; 2) грамматическая классификация; 3) коммуникативная классификация.

С точки зрения семантики исследованные глаголы образуют лексико-семантическую группу заговорных перформативных каузативов, выделенную на основании каузативности как интегральной семы. Данная ЛСГ на основании признака «способ каузации» делится на три подгруппы (глаголы речи, глаголы социального взаимодействия и глаголы действия), соответствующие делению на эксплицитные перформативы (иллокутивные и перлокутивные) и полуперформативы. Дальнейшее членение внутри ЛСГ осуществляется по признакам «способ каузации» и «цель каузации».

Коммуникативная классификация основывается на параметрах интенциональности и адресованности. Указанные параметры позволяют вычленить перформативные и полуперформативные лексемы из заговорного текста, а также противопоставить их друг другу как имеющие различную адресную и целевую направленность.

С точки зрения грамматики заговорные перформативные классифицируются на основании их грамматического значения. Грамматическое значение 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. соответствует эксплицитным перформативам и полуперформативам; личные предикативные формы данных глаголов отнесены нами к квази- и полуперформативам; прочие глагольные лексемы представляют собой периферийные единицы.

Наложение этих критериев позволяет представить заговорную перформативность как функционально-семантическую полевую структуру: при этом лексико-семантический и коммуникативный критерии выступают как основа выделения, в то время как грамматический критерий обуславливает положение глагола внутри поля (Рисунок 1):

Рисунок 1 – Функционально-семантическая полевая структура перформативности

Коммуникативный критерий связывает воедино глагол с текстуальным уровнем, показывая взаимозависимость лексической и грамматической семантики глагола и коммуникативной ситуации заговора.

С точки зрения места перформативных глаголов в композиции заговора, было обнаружено, что перформативные и полуперформативные глаголы (а также их квази- эквиваленты) служат для задания субфрейма внутри фрейма заговора. Данные глаголы обозначают не только речевые, но и другие магические акты. Изучение и систематизация данных глаголов может стать исследовательской базой для создания тезауруса существующих магических практик, исполняемых с участием вербального компонента.

Заключение

Несмотря на то, что перформативность уже шестьдесят лет является объектом изучения разных дисциплин — философии, культурологии, социологии, искусствоведения — её рассмотрение в лингвистическом аспекте обнаруживает множество нерешённых вопросов, которые продолжают оставаться актуальными. В первую очередь, это вопрос о природе перформативности: как следует рассматривать данное явление, что является её категориальными признаками, объектом каких научных наук должна быть перформативность и какое место перформативные исследования занимают среди гуманитарных научных дисциплин.

Категориальным признаком перформативности, как нам удалось выявить путём рассмотрения разнообразных источников, является представление о совершении действия при помощи задания актором определённой знаковой последовательности, реструктурирующей текущий фрейм. С точки зрения теории речевых актов перформативность и типы перформативных актов описываются при помощи таких параметров, как интенциональность, конвенциональность, значение говорящего. Перформативные исследования неразрывно связаны с идеей конструкционизма. Конструкты создаются в области социальных наук, изучения культуры, философии науки и других областях. Можно обнаружить перформативный аспект в области других научных дисциплин, что выходит за рамки настоящей работы. Тем не менее, самым важным аспектом в перформативных исследованиях является аспект лингво-семиотический, поскольку знаковые структуры описываются как языковое (текстуальное) явление, и именно язык и знаковая структура являются объектами лингвистики и семиотики.

С этой точки зрения в качестве перформатива исследуется глагол. Было отмечено, что перформативность несводима к каким-либо глагольным формам и к глаголу как части речи в принципе, тем не менее, глагольная

эксплицитная форма наиболее интересна, потому что глаголы в данной форме наиболее распространены в качестве экспликаторов иллокутивных актов. Грамматическая семантика эксплицитной формы соответствует семантике перформативности как категории. Выявлены следующие соответствия:

- 1) «слово как действие» реализуется глаголом - частью речи, значением которой является именно значение действия;
- 2) действие осуществляется в момент речи, что отражено в настоящем времени глагола и форме первого лица, указывающей на дейксис «здесь-сейчас» (см.: [Черванева 2019];
- 3) поскольку действие осуществляется при помощи слова, субъектом действия может быть только говорящий, что отражено в первом лице индикатива глагола;
- 4) даже в случае ритуальных перформативных актов, каждый конкретный перформативный акт единичен, уникален и неповторим, что отражено в единственном числе глагола.

В качестве основных аспектов исследования глагольной перформативности выделены следующие основные аспекты: лексико-семантический и грамматический.

Выяснено, что с лексико-семантической точки зрения перформативный глагол традиционно описывается как содержащий сему речевого действия; при этом речевая сема должна содержаться именно в ассертивной части высказывания. Перформативные глаголы несводимы к глаголам речи, поскольку, с одной стороны, существуют глаголы речи, которые ни при каких обстоятельствах не могут считаться перформативами, с другой стороны, некоторые глаголы относятся к перформативам, не являясь глаголами речи: таковы глаголы с преимущественно социально-институциональной семантикой. Рассмотрев толкования перформативных глаголов в семантических словарях, мы выяснили, что перформативные глаголы распределяются главным образом между семантическими типами

глаголов речевой деятельности, входя в группы глаголов: 1) характеризованной речевой деятельности, 2) речевого сообщения, 3) речевого общения, 4) обращения, 5) речевого воздействия. Кроме того, перформативные глаголы встречаются среди глаголов межличностных и социальных отношений.

Были показаны пути применения перформативной гипотезы к заговорному материалу. «Глубинным» перформативом в таком случае будет являться глагол заговариваю, а имплицитной конструкцией, вводящей модус заговора, будет конструкция «заговариваю, чтобы (...)».

С точки зрения грамматики особенности перформативного глагола проявляются в области вида, времени и валентности. В настоящей работе обозначено, что аспектуально-темпоральное значение перформативного глагола характеризуется значением моментальности; причём действие и начинается, и завершается в момент речи. Перформативное употребление глагола не предполагает аспектуального значения, даже если тот же глагол в неперформативном употреблении характеризуется значением вида. Перформативные глаголы обладают некоторыми особенностями сочетаемости, описанные исследователями, однако анализ заговорного материала показал, что в заговорах перформативные глаголы не всегда сохраняют данные особенности. Удалось выявить следующие сочетаемостные характеристики заговорных перформативных глаголов: 1) заговорные канонические перформативные глаголы сочетаются с обстоятельствами способа выполнения действия; 2) заговорные перформативные глаголы сочетаются с обстоятельственными предложениями цели особым образом: как правило, в таких конструкциях предложение, содержащее цель заговора, делится на две части: в первой части содержится перформативный (квази- или полуперформативный глагол), эксплицирующий иллокутивную силу высказывания (*прошу, попрошу, молю, помолюсь*) или же обладающий семантикой ритуального действия (*закрываю, секу, рублю* и т. д.); вторая же часть предложения

содержит обстоятельственную придаточную часть. 3) заговорные канонические перформативы часто представляют собой синонимические цепочки, в которых ни один из глаголов не утрачивает перформативного значения; 4) заговорные канонические перформативные глаголы свободно сочетаются с глаголами, обозначающими физические действия; более того, сами обозначения физических действий превращаются в полуперформативы; 5) в заговорах возможны перформативы с отрицанием, однако отрицанию в них подвергается не сам глагол, а субъект действия.

Было предложено решение важного терминологического вопроса, который до сих пор остаётся нерешённым в перформативных исследованиях, а именно вопроса о разграничении перформативных, полуперформативных, квазиперформативных и квазиполуперформативных глаголов. Каноническими перформативными глаголами мы считаем глаголы, функцией которых является выражение иллокутивной силы высказывания. В качестве основного семантического критерия канонического перформативного глагола мы выделяем наличие в семантической структуре компонента «речь» или «социальное действие / институциональное действие»; в качестве основного грамматического критерия выступает эксплицитная форма перформативного глагола. Перформативное употребление глаголов с указанной семантикой в других формах обозначается термином «квазиперформатив». Квазиперформативным считается употребление перформативного глагола, например, в третьем лице настоящего времени (Петя благодарит Вас за книгу), в третьем лице прошедшего времени (Начальник приказал Вам явиться в кабинет), в третьем лице множественном числе настоящего времени (Вас вызывают в деканат). Во избежание смешения терминов, предложено использовать термин «квазиперформатив» именно для неэксплицитных форм перформативных глаголов, а для эксплицитных форм неперформативных глаголов мы используем термин «полуперформатив». Квазиполуперформативами названы перформативно

употреблённые глаголы в иных грамматических формах, отличных от эксплицитной.

Итак, рассмотрение перформатива, с одной стороны, как высказывания, реализующегося в речи, и, с другой стороны, как лексической единицы показало, что перформатив реализуется на уровнях семантики, грамматики и прагматики. При этом важнейшим уровнем является уровень функционально-прагматический. С одной стороны, без соблюдения прагматических условий перформатив не будет реализован: с другой стороны, иногда прагматических условий достаточно для реализации перформативов с любой семантикой в любых грамматических формах. Семантический и грамматический уровни являются вторичными. Тем не менее, перформативные глаголы обнаруживают определённые закономерности на данных уровнях. На уровне семантики перформативные глаголы могут быть разделены на канонические перформативы с семантикой речи и социально-институциональной семантикой и полуперформативы, обладающие иной семантикой. На уровне грамматики перформативные глаголы тяготеют к эксплицитной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., однако возможны и в иных грамматических формах, поэтому с грамматической точки зрения перформативные глаголы подразделяются на канонические перформативы и квазиперформативы, а также на композитные перформативы. Что касается перформативного глагола как лексической единицы, то, на наш взгляд, уместно рассуждать о перформативном потенциале тех или иных глаголов. Перформативный потенциал означает склонность глагола к перформативному употреблению: данный термин указывает на возможность перформативного употребления, доказательством которой служит хотя бы один засвидетельствованный факт использования данного глагола в перформативном контексте.

При рассмотрении подходов к изучению заговоров и заклинаний был поставлен вопрос о соотношении в научном дискурсе понятий перформативности и магической «силы слова». Исследования перформатива

и заговора имеют множество пересечений и в некоторых случаях перформативность заговора исследуется без привлечения данного понятия. Выделены два основных подхода к исследованию заговора: номинативный и акциональный (перформативный). Согласно номинативному подходу, способность заговора воздействовать на природу обусловлена использованием в заговоре приёма сопоставления с мифологическими событиями, которое достигается путём называния священных имён. Согласно перформативному подходу, экспликация действия, названного глаголом, считается ядром заговора и основанием перформативности заговорного текста.

Перформативность заговора и магического ритуала, безусловно, сущностно и структурно отличается от перформативности обыденных речевых актов и социальных ритуалов. Перформативность заговора связана с магической функцией языка и фидеистическими представлениями о слове. Перформативные глаголы, имеющие значение магической речи, организуют вокруг себя заговор, репрезентируя и реализуя данную функцию: *заговариваю, оговариваюсь, выговариваю, заклинаю* и пр. Установлено, что, с одной стороны, вера в силу заговорного слова обеспечивает переход высказывания/действия в мифопоэтический модус, в котором осуществима перформативность заговора; с другой стороны, сама сакральность заговорного акта придаёт высказыванию статус перформатива. Тем не менее, зачастую магическая перформативность сближается с перформативностью социального ритуала, когда для осуществления перформации социальной реальности достаточно соблюдения традиций.

Как было определено, исследование перформативности заговора в рамках теории речевых актов способно принести плодотворные результаты. В качестве основных критериев перформатива, используемых в рамках теории речевых актов, к заговорам особенно применимы критерии целенаправленности и конвенциональной обусловленности. При этом выявление иллокутивной направленности заговоров возможно и на

материале текстов, в то время как для установления успешности/неуспешности заговорного перформатива требуется полевое исследование. Однако заговор, рассматриваемый с точки зрения теории речевых актов, понимается как целостный коммуникативный акт, успешность которого обусловлена совсем не произносимым текстом и отдельными словами, а лишь соблюдением конвенций. При анализе заговоров считается важным комбинировать методы теории речевых актов с другими методами, в особенности лингвистическими, с применением анализа лексических значений слов.

Была разработана классификация научных представлений о перформативности заговора (теорий перформативности заговора). С точки зрения первой теории (лингвистической) перформативность заговора реализуется за счёт фидеистических представлений о языке: магическая функция языка делает возможным использование текста в магических целях. Фидеистические представления о языке основываются на идее о сотворении мира при помощи слова: соответственно, перформативность сакральных текстов — заговоров, молитв, ритуальных текстов — обусловлена использованием в данных текстах священных имён и иных вербальных средств, функция которых заключается в установлении связи между актуальным моментом (моментом произнесения заговора) и мифологическим временем. Исходя из этого, изучаются вербальные средства, обуславливающие воздействие заговоров: в том числе художественные приёмы, отличающие заговор как особый тип текста (жанр). К лингвистической теории перформативности заговора примыкают и те теории, целью которых является анализ суггестивного потенциала заговоров с точки зрения речевого воздействия. Согласно второй теории (культурологической), перформативный текст функционально сопоставим с перформативным объектом: его прагматика обусловлена традицией, наделяющей его сакральным смыслом. Наконец, согласно третьей теории (социологической),

перформативен не текст, а условия его произнесения: социальный ритуал, конвенции, роли участников в ритуальном сценарии.

Ни один из описанных подходов не является исчерпывающим: полное рассмотрение перформативности магического текста возможно только в комбинировании трёх выделенных подходов. Тем не менее, в рамках данной работы мы следовали лингвистическому подходу, который позволил вычлениить и описать глаголы в эксплицитной форме как одно из средств выражения перформативности в текстах русских заговоров.

Перформативность заговора предстаёт как функционально-семантическая полевая структура, в которую лексемы объединяются на основании коммуникативного и семантического критериев. В качестве коммуникативного критерия выступает перформативное использование данных лексических единиц в составе магического текста. В качестве семантического критерия выделяется базовые интегральные семы «речь» и «действие», неразрывно связанные друг с другом («действие при помощи речи»). Грамматический критерий служит для распределения перформативных единиц внутри поля на лексико-семантические группы. В центре поля находится глагол *заговариваю* (и его синонимы), семантика которого в точности совпадает с перформативным значением. Прочие единицы распределяются в зависимости от их грамматической и семантической удалённости от данного значения. Ближе всего к ядру находятся перформативные и полуперформативные глаголы в эксплицитной форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. Несколько дальше располагаются квазиперформативные и квазиполуперформативные глаголы, обладающие той же семантикой, но утратившие соответствие грамматического значения перформативному. На периферии находятся глаголы с ослабленным перформативным значением, лишённые семантики речи и каузации какого-либо действия/события в результате магического речедействия, а также неличные глагольные формы. Наконец, неглагольные единицы (существительные, прилагательные, причастия) также входят в

систему заговорной перформативности на основании их функционального использования в составе перформативного текста.

Определено, что в качестве основных дифференциальных сем, на основании которых лексемы объединяются в крупные семантические кластеры внутри поля магической перформативности, выступают семы «речь», «действие» и «социум». Кроме того, мы разработали подробную семантическую классификацию глаголов, входящих в лексико-семантическую группу заговорных перформативных каузативов на основании семы «каузация». Данная ЛСГ на основании признака «способ каузации» делится на три подгруппы (глаголы речи, глаголы социального взаимодействия и глаголы действия), соответствующие делению на эксплицитные перформативы (иллокутивные и перлокутивные) и полуперформативы. Дальнейшее членение внутри ЛСГ осуществляется по признакам «способ каузации» и «цель каузации».

По результатам проведённого исследования была разработана следующая классификация заговорных перформативных каузативов:

1. Глаголы действия.
  - 1.1. Глаголы физического изменения.
    - 1.1.1. Очищение (*парю, умываюсь, утираюся*).
    - 1.1.2. Обработка и рытьё (*прирываю, зарываю*).
    - 1.1.3. Расчёсывание (*чапаю/чепая*).
    - 1.1.4. Завязывание (*завязываю, перевязываю*).
    - 1.1.5. Глаголы повреждения и разрушения.
      - 1.1.5.1. Без инструмента.
        - 1.1.5.1.1. Создание надлома (*ломаю, заламываю*).
      - 1.1.5.2. При помощи инструмента.
        - 1.1.5.2.1. Части тела.
          - 1.1.5.2.1.1. Ноги (*топчу, вытаптываю*).
          - 1.1.5.2.1.2. Зубы (*грызу*).
          - 1.1.5.2.1.3. Ногти (*царапаю*).

- 1.1.5.2.2. Оружие (*состреливаю, стрелю*).
- 1.1.5.2.3. Острый предмет.
  - 1.1.5.2.3.1. Протыкание (*колю, порю, втыкаю, калываю, прикалываю, закалываю*).
  - 1.1.5.2.3.2. Разделение на части (*рублю, перерубаю, секу*).
  - 1.1.5.2.3.3. Отделение части от целого (*отсекаю, подрезаю*).
- 1.2. Глаголы изменения качественного состояния.
  - 1.2.1. Охлаждение.
- 1.3. Глаголы перемещения, движения.
  - 1.3.1. Направленное перемещение.
    - 1.3.1.1. Струёй воздуха (*сдуваю*).
    - 1.3.1.2. Иным способом (*выгоняю, гоню, высылаю, погоняю, выкуриваю, кидаю, черпаю, запускаю*).
  - 1.3.2. Движение (*встаю*).
- 1.4. Глаголы помещения.
  - 1.4.1. Покрытие.
    - 1.4.1.1. Собственно покрытие (*покрываюсь*).
    - 1.4.1.2. Открытие (*отпираю, отмыкаю*).
    - 1.4.1.3. Закрытие (*закрываю*).
    - 1.4.1.4. Одевание (*одеваюсь, облакаюсь, опоясываюсь*).
  - 1.4.2. Собственно помещение.
    - 1.4.2.1. В результате физического действия (*сажу*).
    - 1.4.2.2. Определённым образом.
      - 1.4.2.2.1. Окружение (*окружаю*).
      - 1.4.2.2.2. Создание преграды (*ограждаю, огораживаюсь*).
      - 1.4.2.2.3. Закрепление за объектом какого-либо места (*утверждаю, кладу, ложусь*).
      - 1.4.2.2.4. Подвешивание (*вешаю*).
- 1.5. Физиологическое (*ем, заедаю*).
- 2. Глаголы речи.

2.1. Ритуально-магическая речь (*уговариваю, отговариваю (-сь), приговариваю (-сь, -ся), заговариваю (-сь, -ся), наговариваю, выговариваю, заклинаю, ворожу*).

2.2. Обращение.

2.2.1. Просьба (*прошу, молю/молюсь, умоляю, жалуясь, прибегаю*).

2.2.2. Приказ (*приказываю*).

2.2.3. Призыв (*призываю, вызываю, выкликаю, поминаю*).

2.2.4. Запрет (*запрещаю*).

2.2.5. Напоминание (*напоминаю*).

2.2.6. Благодарность (*благодарю*).

2.2.7. Хвала (*славлю*).

3. Глаголы социального взаимодействия.

3.1. Специализированные ритуальные акты (*отпускаю, крещусь, крестюсь*).

3.2. Эксклюзия (*отрекаюсь, отлучаю, проклинаю*).

3.3. Инклюзия.

3.3.1. Влияние, подчинение (*укрощаю, предаюсь, корюсь (-ся), отдаю (себя)*).

3.3.2. Внешнее проявление отношения (*кланяюсь, покланяюсь (-ся)*).

3.4. Обеспечение (*вооружаюсь, заряжаю*).

3.5. На благо кого-либо.

3.5.1. Защита (*охраняю*).

3.5.2. Помощь (*помогаю, пособляю*).

3.5.3. Лечение (*правлю, унимаю*).

3.5.4. Дарение (*дарю*).

4. Глаголы познания (*справляюсь*).

5. Глаголы отношения/владения (*даю, принимаю, выкупаю*).

6. Глаголы созидания.

6.1. Ремесло (*вышиваю*).

6.2. Восстановление (*восстанавливаю*).

6.3. Приготовление пищи.

6.3.1. Жарка (*жарю*).

6.3.2. В печи (*пеку, перепекаю*).

6.3.3. Добавление ингредиентов (*солю*).

6.4. Письмо (*черчу*).

Наиболее сложная задача, которую необходимо было решить, состояла в определении методологического основания для выделения заговорных полуперформативов как особой ЛСГ в составе ЛСП заговорной перформативности. Были определены и обоснованы следующие критерии: 1) каузативность, 2) иллокутивные характеристики, 3) адресованность. Было разработано собственное определение заговорного полуперформативного глагола. Заговорный полуперформативный глагол представляет собой перформативно употреблённый неперформативный глагол в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. Три выявленных и описанных критериев позволяют отделить заговорные полуперформативы от прочих перформативных единиц следующим образом:

1. С точки зрения каузативности заговорные полуперформативы противопоставляются периферийным перформативным единицам как глаголы, в семантике которых заложена каузативная ситуация. Термин «заговорные перформативные каузативы» объединяет эксплицитные и полуперформативные заговорные глаголы, которые отличаются друг от друга по параметрам адресованности и интенциональности.

2. С точки зрения иллокутивных характеристик заговорные полуперформативы выражают способ достижения иллокутивной цели всего заговора или типизированной части заговора (такой, как зачин, закреп), в отличие от эксплицитных перформативов, для которых характерно выражение цели отдельного речевого акта.

3. С точки зрения адресованности полуперформативные глаголы отличаются от эксплицитных перформативов как способные быть

направленными не на адресата, а на объект с целью его непосредственного изменения.

Была представлена классификация заговорных эксплицитных перформативных глаголов. Заговорные эксплицитные перформативные глаголы подразделяются на 1) глаголы с семантикой обращения (глаголы с семантикой призыва, а также глаголы просьбы/приказа); 2) глаголы с семантикой социального взаимодействия (глаголы эксклюзии и глаголы инклюзии); глаголы с ритуально-магической семантикой.

Данные эксплицитные перформативы являются перформативами и в обыденной речи, однако нами были выявлены функционально-прагматические особенности, приобретаемые ими в заговорах. Материал позволил нам обнаружить несколько специфических перформативных глагольных лексем, ранее не описывавшихся в литературе о перформативном глаголе. Подобные глаголы, будучи употреблёнными в обыденной речи, вводят акт заговора: исключением может являться только транспонирование фрейма (например, в сторону шутки или наррации о каком-либо событии).

Было приведено несколько примеров нашего анализа композиции заговоров и места перформативных глаголов в текстах. Установлено, что, несмотря на отсутствие прямой корреляции между конструктивной позицией глагола и его семантикой, глаголы с определённой семантикой зачастую употребляются в определённых позициях. Так, эксплицитным перформативам обращения соответствует начальная часть заговора: перформативы обращения располагаются перед заговорно-заклинательной формулой, вводя субфрейм речевого акта; перформативы призыва располагаются в молитвенной части. Эксплицитные перформативы с ритуально-магической семантикой могут располагаться в любой части заговора; место полуперформативных глаголов зависит от семантики ЛСГ, на которые они подразделяются. При этом, вне зависимости от их семантики, перформативные и полуперформативные глаголы всегда оформляют единый, законченный строевой элемент заговора, субфрейм определённого

магического акта; последовательность такого рода актов и представляет собой обряд. Изучение глагольной семантики позволит сформировать тезаурус русских заговорных практик.

На основе проанализированного материала был создан авторский электронный словарь перформативных глаголов в русских заговорах, в котором с каждым глаголом соотнесено определённое ритуально-обрядовое действие. В толкованиях описаны коммуникативные параметры каждого перформатива, приведены квазиперформативные варианты и примеры употребления.

Рассмотренными аспектами не исчерпывается анализ такого сложного и многогранного явления, как перформативность заговора. Заговорная перформативность представляет собой иерархическую систему заговорных перформативных элементов, формально и функционально различных, в центре которой находится перформативный глагол, а на периферии расположены неглагольные перформативные единицы, описание которых может стать предметом дальнейших лингвистических исследований.

Список использованной литературы

4. **Абрамов, В. П.** Синтагматика семантического поля / В. П. Абрамов. – Краснодар : АДД, 1993. – 33 с.
5. Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева». РХГИ, 1997. – 480 с.
6. **Аврасин, В. М.** О речевом воздействии в процессе общения: опыт типологии / В. М. Аврасин // Актуальные проблемы филологии: сб. мат-лов региональной научно-практической конференции. – Курган : Изд-во КГУ, 1999. – С. 28-31.
7. **Агапкина, Т. А.** Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте / Т. А. Агапкина // Литература, культура и фольклор славянских народов: к XIII Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. И. Сазонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 237-249.
8. **Адоньева, С. Б.** Магические практики севернорусских деревень: заговоры, обереги, лечебные ритуалы / С. Б. Адоньева, А. В. Степанов. – Санкт-Петербург : Пропповский центр, 2020.
9. **Адоньева, С. Б.** Конвенции ритуально-магических актов / С. Б. Адоньева // Заговорный текст. Генезис и структура / Под ред. Л. Г. Невской, Т. Н. Свешниковой, В. Н. Топорова. – Москва, 2005. – С. 385-401.
10. **Азадова, Н. А.** Сопоставительное исследование перформативного глагола (на материале лезгинского, английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / Наргиля Азаниевна Азадова. – Махачкала, 2007. – 146 с.
11. **Ален, Дж. Ф.** Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании: пер. с англ. Т. С. Зевахиной / Ф. Ален

- Дж., Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – Москва : «Прогресс», 1986. – С. 322-362.
12. **Аникин, В. П.** Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – Москва : Высшая школа, 2001. – 728 с.
13. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды, Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995.
14. **Апресян, Ю. Д.** Избранные труды, том I / Ю. Д. Апресян // Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII с., 472 с.
15. **Апресян, Ю. Д.** Перформативы в грамматике и в словаре / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. – № 3. – С. 208-223.
16. **Арто, А.** Театр и его двойник: фрагменты из книги / А. Арто / Пер. Г. В. Смирновой // Театр. – 1991. – № 6.
17. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1981.
18. **Астафурова, Т. Н.** Лингвосемиотика магии в сказочном дискурсе / Т. Н. Астафурова, О. А. Плахова // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 3 (9). – С. 119-125.
19. **Афанасьев, А. Н.** Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 томах / А. Н. Афанасьев. – Москва : Современный писатель, 1995.
20. **Байудж, М. И.** Столкновение «городского» и «традиционного» дискурса о магических специалистах в украинском анклаве Саратовской области (научный руководитель Е.Е. Левкиевская) / М. И. Байудж // Материалы 54-й Международной научной студенческой

- конференции: Этнография, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г. – Новосибирск, 2016. – С. 50-51.
21. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
22. **Барт, Р.** Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 327-370.
23. **Бахтин, М. М.** К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 265-311.
24. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974.
25. **Бердяева О. С.** Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета: Учеб.-метод. пособие / О. С. Бердяева. – Великий Новгород : Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 99 с.
26. **Бибихин, В. В.** Витгенштейн: смена аспекта / В. В. Бибихин. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.
27. **Блок, А. А.** Поэзия заговоров и заклинаний / А.А. Блок / Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 147-152.
28. **Богданов, В. В.** Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В. В. Богданов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. – С. 27-38.
29. **Богданова, Т. В.** Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В. Шекспира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Татьяна Владимировна Богданова. – Санкт-Петербург, 2008.
30. **Бодрийяр, Ж.** Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр. А. Качалова. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

31. **Болдырев Н. Н.** Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 25-36.
32. **Болдырев, Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
33. **Бондарко, А. В.** Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Ленинград : 1967.
34. **Бондарко, А. В.** Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. Текст. Структура и семантика. Т. 1 / А. В. Бондарко. – Москва, 2001. – С. 4-13.
35. **Борисова, И. Н.** Магическая сила заговора: цветовая гамма текста [Электронный ресурс] / И. Н. Борисова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 6. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskaya-sila-zagovora-tsvetovaya-gamma-teksta> (дата обращения: 04.06.2021).
36. **Бурдые, П.** Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые / Пер. с франц. – Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 576 с.
37. **Буслаев, Ф. И.** Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – Санкт-Петербург : Издание Д. Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. – 643 с.
38. **Вайсгербер, Й. Л.** Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – Москва, 1993.
39. **Ван Геннеп, А.** Обряды перехода / А. Ван Геннеп. – Москва : «Восточная литература» РАН, 1999.

40. **Ван Дейк, Т. А.** К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. Ван Дейк. – 1998.
URL : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
41. **Василина, В. Н.** Иллокуция как коммуникативная характеристика высказывания / В. Н. Василина // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2005. – № 2 (18). – С. 44-53.
42. **Васильев, Л. М.** Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1981. – 184 с.
43. **Вебер, М.** О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер / Избранные произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 495-535.
44. **Вежбицка, А.** Речевые акты. Перевод с английского С. А. Крылова / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 251-276.
45. **Вендлер, З.** Иллокутивное самоубийство. Пер. с англ. А. А. Зализняк / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Сост. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева. – Москва, 1985. – С. 238-251.
46. **Веселовский, А. Н.** Три главы из исторической поэтики / А. Н. Веселовский / Историческая поэтика. – Москва, 1989.
47. **Винникотт, Д. В.** Игра и реальность / Д. В. Винникотт. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2002.
48. **Виноградов, В. В.** Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва, 1977. – С. 162-189.
49. **Витгенштейн, Л.** Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера / Л. Витгенштейн // Историко-философский ежегодник. 1989. – Москва : Институт философии РАН, 1989. – С. 251-268.

50. **Витгенштейн, Л.** Философские исследования. Пер. с нем. Л. Добросельского / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ, 2011. – 347 с.
51. **Войводич, Д.** О валентности перформативных глаголов в славянских языках / Д. Войводич // Сборник Матице српске за славистику. – 1999. – № 56–57. – С. 71-94.
52. **Волков, В. В.** Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2008. – 298 с.
53. **Вульф, К.** Антропология: история, культура, философия [пер. с нем. Г. Х. Хайдаровой] / К. Вульф. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 278 с.
54. **Гарфинкель, Г.** Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 335 с.
55. **Геляева, А. И.** Этноспецифическая манифестация клятв и заклинаний (на материале карачаево-балкарского языка) [Электронный ресурс] / А. И. Геляева, Д. Д. Хучинаева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 1 (17). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/etnospetsificheskaya-manifestatsiya-klyatv-i-zaklinaniy-na-materiale-karachaevo-balkarskogo-yazyka> (дата обращения: 13.06.2021).
56. **Гиро-Вебер, М.** Вид и семантика русского глагола / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 102-112.
57. **Голошейкин, С. А.** Психофизиологический анализ особенностей эмоциональной реактивности у лиц, практикующих медитацию: дисс. ... канд. Биол. Наук: 19.00.02 / Семен Александрович Голошейкин. – Новосибирск, 2003. – 133 с.
58. **Гончарова, Е. С.** Магический дискурс как суггестивный тип коммуникации [Электронный ресурс] / Е. С. Гончарова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – URL :

<https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-diskurs-kak-suggestivnyy-tip-kommunikatsii> (дата обращения: 04.06.2021).

59. **Горбачева, Е. Н.** Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: монография / Е. Н. Горбачева. – Астрахань : Изд. Дом «Астраханский университет», 2015. – 303 с.
60. **Горбачева, Е. Н.** Фрейм концепта «действие» в английском и русском языках / Е. Н. Горбачева // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике. – Кемерово, 2014. Вып. 4. – С. 59-64.
61. **Горбачева, Е. Н.** Фрейм концепта «поступок» в русском языке / Е. Н. Горбачева // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике. Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек : КГУ, КазГУ, ВГУ, 2014. – С. 256-265.
62. **Гордон, Д.** Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – Москва, 1985.
63. **Гофман, И.** Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта: пер. Р. Бумагина, Ю. Данилова, А. Ковалева, О. Оберемко / И. Гофман. – Москва : Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
64. **Гофман, И.** Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
65. **Гофман, Э.** Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман. – Москва : Смысл, 2009.
66. **Грайс, Г. П.** Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. 16. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 217-237.
67. **Греймас, А.-Ж.** Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас // Вестник Московского университета. Пер. с франц. К. Г. Косикова. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 1.

68. **Гультияева, Н. В.** Язык русского заговора: лексика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Надежда Валерьевна Гультияева; Перм. гос. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 19 с.
69. **Гумбольдт, В. фон.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1984.
70. **Гумилев, Н. С.** Сочинения. В 3 т. / Н. С. Гумилев / Т. 1. – Москва : «Художественная литература», 1991.
71. **Гурин, К. Е.** Анализ дискурсов как способ изучения социальных структур, идентичностей и процессов в теории Эрнесто Лакло и Шантеля Муффа / К. Е. Гурин // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 20-21 марта 2014 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – С. 185-192.
72. **Гусаренко, С. В.** Фреймовые структуры в когнитивно-семантической организации нарратива / С. В. Гусаренко, М. К. Гусаренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 33-40.
73. **Гуссерль, Э.** Избранные работы / Э. Гуссерль / Сост. В. А. Куренной. – Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
74. **Дадуева, Е. А.** Общая характеристика каузативных глаголов / Е. А. Дадуева // Вестник СибГУТИ. – 2011. – № 2. – С. 71-76.
75. **Дебрэ, Р.** Введение в медиологию / Р. Дебрэ. – Москва, 2009.
76. **Делёз, Ж.** Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делёз / Общая редакция и послесл. В. А. Подороги. Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – Москва : «Логос», 1997. – 264 с.
77. **Дементьев, В. В.** Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 78-107.

78. **Демина, Л. А.** Моделирование коммуникативного диалога и пересмотр парадигмы смысла в теории речевых актов / Л. А. Демина // РАЦИО.ru. – 2009. – № 1. – С. 103-116.
79. **Добровольский, Д. О.** Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика / Д. О. Добровольский, Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. – Москва : Индрик, 2010. – С. 104-121.
80. **Елеонская, Е.** Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов / Е. Елеонская. – Москва : Индрик, 1994. – 272 с.
81. **Елизаренкова, Т. Я.** Язык и стиль ведийских риши / Т. Я. Елизаренкова. – Москва, 1993.
82. **Жданова, О. П.** Лексико-семантические группы русских глаголов / О. П. Жданова, И. Т. Вепрева, М. Л. Кусова и др.; Науч. редактор Э. В. Кузнецова и др. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 176, [2] с.; 21 см. Библиогр.: с. 160-177.
83. **Журавлев, А. П.** Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Санкт-Петербург : Издательство Ленинградского государственного университета, 1974.
84. **Завьялова, М. В.** Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира / М. В. Завьялова. – Москва : Наука, 2006. – 563 с.
85. **Зализняк, А.** Маргиналии русской грамматики: презенс совершенного вида [Электронный ресурс] / А. Зализняк // Международная конференция «Маргиналии 2014: границы культуры и текста». Елец, 5-7 сентября 2014 г. Тезисы докладов. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2014/thesis.htm> (дата обращения: 16.06.2021).

86. **Зелинскій, О. Θ** заговорахъ / О. Зелинскій. – Харьковъ, 1897.
87. Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Отв. ред. А.Б. Мороз. – Москва, 2012.
88. **Зыкова, И. В.** Общая концепция, методология и актуальные проблемы словаря нового типа «Идиоматика русского авангарда» в контексте современных тенденций авторской лексикографии / Е.В. Зыкова // Вопросы лексикографии. – 2020. – №17. – С. 131-160.
89. **Изотов, А. И.** О так называемых скрытых перформативах / А. И. Изотов // Терминоведение. – 1997. – № 1-3. – С. 75-77.
90. **Исаева, Н. В.** Слово, творящее мир / Н. В. Исаева. – Москва : Ладомир, 1996. – 271 с.
91. **Истомин, В. С.** Семантико-функциональная характеристика высказываний с перформативными глаголами во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Виктор Серафимович Истомин. – Москва, 1979.
92. **Йоргенсен, М. В.** Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филипс / 2-е изд., испр. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
93. **Кант, И.** Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М., 1966. – Т. 6. – С. 349-588.
94. **Карабыков, А. В.** Система сакральных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н. э. – I в. н.э. / А. В. Карабыков // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (11). – 2010. – С. 26-40.
95. **Карнап, Р.** Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап / Пер. А. В. Кезина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – № 6. – 1993.

96. **Касавин, И. Т.** Дискурс: специальные теории и философские проблемы / И. Т. Касавин // Человек. – 2006. – № 3. – С. 3-16.
97. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – 272 с.
98. **Кацнельсон, С. Д.** Категории языка и мышления: из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
99. **Кларк, Г. Г.** Слушающие и речевой акт / Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов: Сборник / Общ. ред. В. Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 270-321.
100. **Клаус, Г.** Сила слова: Гносеологический и прагматический анализ языка / Г. Клаус. – Москва : 1967. – 215 с.
101. **Кляус, В. Л.** Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян / В. Л. Кляус. – Москва : Наследие, 1997. – 464 с.
102. **Князев, Ю. П.** Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Ю. П. Князев. – Москва, 1994.
103. **Князева, Е. Н.** Познание как смыслопорождающая деятельность: на перекрестке биосемиотики и когнитивной науки / Е. Н. Князева // ПРАЕНМА. – 2014. – № 2 (2). – С. 26-44.
104. **Кобозева, И. М.** Интенционал предложения и интенция говорящего / И. М. Кобозева // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки. Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. – Киев : Наукова думка, 1986. – С. 17-18.
105. **Кобозева, И. М.** Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва : КомКнига, (2000) 2007. – 352 с.

106. **Кобозева, И. М.** Перформативность глагола и его лексическое значение / И. М. Кобозева // *Linguistische Arbeitsberichte. Band 54 / 55. Leipzig, 1986.* – С. 176 -189.
107. **Ковенева, О. В.** Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлеченности / О. В. Ковенева // *Социологический журнал.* – 2008. – № 1. – С. 5-21.
108. **Кодзасов, С. В.** Виды перформативности и их показатели / С. В. Кодзасов // *Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова).* – Москва : Индрик, 2003. – С. 424-430.
109. **Козлова, М. С.** Идея «языковых игр» [Электронный ресурс] / М. С. Козлова // *Философские идеи Людвиг Витгенштейна: сб. науч. тр.* – Москва : Институт философии РАН, 1996. – 166 с. – URL : <https://fil.wikireading.ru/13301> (дата обращения: 01. 02. 2019).
110. **Колесов, В. В.** Концептология. Курс лекций / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 168 с.
111. **Комлева, Е. В.** Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* – 2009. – № 90. – С. 118-125.
112. **Коновалова, Н. И.** Лечебные заговоры как суггестивный текст [Электронный ресурс] / Н. И. Коновалова // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* – 2004. – № 7. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lechebnye-zagovory-kak-suggestivnyy-tekst> (дата обращения: 13.06.2021).
113. **Копчева, В. В.** Слово в фидеистической парадигме [Электронный ресурс] / В. В. Копчева // *Юрислингвистика.* – 2005. – № 6. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-fideisticheskoy-paradigme-1> (дата обращения: 12.06.2021).

114. **Корди, Е. Е.** Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) / Е. Е. Корди // Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. – Ленинград, 1985. – С. 187-194.
115. **Кошарная, С. А.** Миф как метафора [Электронный ресурс] / С. А. Кошарная // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 3. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/30FLSK320.pdf> (дата обращения: 26.06.2021).
116. **Кошмидер, Э.** Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза / Э. Кошмидер // Вопросы глагольного вида / Отв. ред. Ю. С. Маслов. – Москва, 1962. – С. 105-166.
117. **Красина, Е. А.** Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. ... докт. филол. наук / Елена Александровна Красина. – Москва, 1999. – 310 с.
118. **Крекич, Й.** Побудительные перформативные высказывания / Й. Крекич. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – 241 с.
119. **Кремлев, А. Г.** Основные понятия теории игр: учебное пособие / А. Г. Кремлев. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016.
120. **Кривенко, Е. В.** Инвокации как условие перформативности в заговорах (на примере французского, английского и русского языков) / Е. В. Кривенко // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 6-11.
121. **Крушевский, Н. В.** Заговоры, как вид русской народной поэзии / Н. В. Крушевский // Крушевский Н.В. Избранные статьи и работы по языкознанию. – Москва : Наследие, 1998. – С. 25-47.
122. **Крушевский, Н.** Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи / Н. Крушевский. – Варшава, 1876.

123. **Куликовская, Е. Н.** Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов [Электронный ресурс] / Е. Н. Куликовская // Мир русского слова. – 2019. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnye-glagoly-v-russkih-zagovorah-kak-obekt-teorii-rechevyh-aktov> (дата обращения: 13.06.2021).
124. **Куликовская, Е. Н.** Перформативность глаголов речевого действия в русских заговорах / Е. Н. Куликовская // Филология и культура. – 2019. – №3 (57). – С. 65-73.
125. **Куликовская, Е. Н.** Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения / Е. Н. Куликовская // Рема. Rhema. – 2021. – № 1. – С. 30-55. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55
126. **Кустова, Г. И.** Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях / Г. И. Кустова, Е. В. Падучева // Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова). – Москва : Индрик, 2003. – С. 561-571.
127. **Куцевич, Ю. А.** Лексико-грамматические средства выражения семантических признаков факторных интенциональных единиц / Ю. А. Куцевич // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 4(32). – С. 118-126.
128. **Лакан, Ж.** Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан // Московский психотерапевтический журнал. – 1996. – № 1. – С. 25-58.
129. **Латур, Б.** Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию. Перевод А. Кузнецова [Электронный ресурс] / Б. Латур, С. Вулгар // Социология власти. – 2012. – № 6-7. – URL : [https://cyberleninka.ru/article/n/laboratornaya-zhizn-konstruirovanie-](https://cyberleninka.ru/article/n/laboratornaya-zhizn-konstruirovanie)

- nauchnyh-faktov-glava-2-antropolog-poseschaet-laboratoriyu-perevod-a-kuznetsova (дата обращения: 21.07.2020).
130. **Леви-Строс, К.** Структурная антропология / К. Леви-Строс. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1985.
  131. **Левкиевская, Е. Е.** Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская / РАН, Ин-т славяноведения. – Москва : Индрик, 2002. – 334 с.
  132. **Леонтьев, А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : «Смысл», 2005. – 431 с.
  133. **Лиотар, Ж-Ф.** Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с.
  134. Логический анализ языка. Ментальные действия / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – Москва : Наука, 1993. – 176 с.
  135. **Лотман, Ю. М.** Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 544 с.
  136. **Лукашевич, Е. В.** Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект / Е. В. Лукашевич. – Москва-Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2002. – 234 с.
  137. **Лучинская, Е. Н.** Перформативность судебного дискурса [Электронный ресурс] / Е. Н. Лучинская, И. Б. Сизоненко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 1 (114). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/performativnost-sudebnogo-diskursa> (дата обращения: 09.07.2021).
  138. **Майков, В.** Великорусские заклинания / В. Майков. – Санкт-Петербург, 1869.

139. **Малевич, Т. В.** Эмпирические методы исследования религиозного опыта в психологии религии: история и современные тенденции (вторая половина XX начало XXI в.) [Электронный ресурс] / Т. В. Малевич // Logos et Praxis. – 2015. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskie-metody-issledovaniya-religioznogo-opyta-v-psihologii-religii-istoriya-i-sovremennye-tendentsii-vtoraya-polovina-xx> (дата обращения: 15.09.2019).
140. **Матурана, У.** Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
141. **Мерло-Понти, М.** О феноменологии языка [Электронный ресурс] / М. Мерло-Понти // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии, ч. II. – Москва : ИФАН, 1975. – URL : http://www.bibikhin.ru/o_femenologii_yazika (дата обращения: 15.10.2019).
142. **Мечковская, Н. Б.** Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий / Н. Б. Мечковская. – Москва : ФАИР, 1998. – 352 с.
143. **Миллеръ, Вс.** Ассирійскія заклинанія и рус. народ. заговоры (Рус. Мысль, 1896 г., VII) / Вс. Миллеръ.
144. **Минлос, Ф. Р.** Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова / Ф. Р. Минлос. – РЯНО. – 2005. – № 1 (9). – С. 96-115.
145. **Минский, М. Л.** Фреймы для представления знаний / М. Л. Минский. – Москва : Энергия, 1979.
146. **Михеев, М. Ю.** Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? / М. Ю. Михеев // Логический анализ языка (сб. научн. тр., сост. Н. Д. Арутюнова). – Москва : Индрик, 2003. – С. 251-260.

147. **Моррис, Ч.** Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика (Антология). Сост. Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.
148. **Москвина, В. А.** Символика персонажей русских заговоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вероника Анатольевна Москвина. – Москва, 1997. – 16 с.
149. **Мосс, М.** Техники тела. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – Москва : КДУ, 2011. – С. 304-325.
150. **Мощева, С. В.** Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения / С. В. Мощева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – № 5. – С. 37-42.
151. **Назарова, К. А.** Исследование функциональных состояний человека под действием музыкальной стимуляции. IX Международный междисциплинарный конгресс «Нейронаука для медицины и психологии» / К. А. Назарова, В. В. Ковалев. – Судак, Крым, Украина, 3-13 июня 2013 г. – С. 238-239.
152. **Неклюдов, С. Ю.** Постфольклор в пространстве городской культуры / С. Ю. Неклюдов // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии, Москва, 29 апреля – 5 мая 2019 г. – Москва, 2019. – С. 45.
153. **Олянич, А. В.** Драматургия непрямого импакта в дискурсе: стратегии и тактики перформативности [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (30). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/dramaturgiya-nepryamogo-impakta-v-diskurse-strategii-i-taktiki-performativnosti> (дата обращения: 09.07.2021).
154. **Остин, Дж.** Слово как действие [Электронный ресурс] // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. – Москва : Прогресс, 1986. –

- Вып. 17 – 423 с. – URL : https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm (дата обращения: 01. 02. 2019).
155. **Падучева, Е. В.** Материалы к корпусной грамматике русского языка / Е. В. Падучева / Глагол. Часть I. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – 448 с.
156. **Падучева, Е. В.** Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Языки русской культуры, 1996.
157. **Петелина, Е. С.** Речевые акты, принципиально невыразимые перформативными глаголами / Е. С. Петелина // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск : ПГПИИЯ, 1986.
158. **Пирс, Ч. С.** Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – Москва : Логос, 2000. – 448 с.
159. **Плунгян, В. А.** Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – Москва : Изд-во РГГУ, 2011. – 672 с.
160. **Познанский, Н.** Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский / Ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы. – Москва : Индрик, 1995. – XVI, 352 с.
161. **Познанский, Н. Ф.** Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Ф. Познанский // Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы. – Москва : Индрик, 1995. – С. V-XVI, 1-327. – Репринт изд. 1917 г.

162. **Полани, М.** Личностное знание: на пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва : Прогресс, 1985.
163. **Потебня, А. А.** Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения / А. А. Потебня. – Харьков : Изд. М. В. Потебни, 1905. – 652 с.
164. **Потебня, А. А.** Объясненія малорусских и сродных нар. пѣсень. Т. II. / А. А. Потебня. – Варшава, 1887.
165. **Почепцов, Г. Г.** Прагматика предложения и залог. В кн.: Проблемы теории грамматического залога / Г. Г. Почепцов. – Ленинград, 1978.
166. **Почепцов, Г. Г.** Предложение. В кн.: Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка / Г. Г. Почепцов. – Москва : Высшая школа, 1981. – С. 164-281.
167. **Прокофьева, Л. П.** Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное / Л. П. Прокофьева. – Саратов : Издательство Саратовского медицинского университета, 2007.
168. **Пропп, В. Я.** Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград : АCADEMIA, 1928. – 152 с.
169. **Проскурин, С. Г.** К вопросу о тематической сети языка и культуры: Древние перформативы, космос и римское право / С. Г. Проскурин // Критика и семиотика. – Новосибирск ; Москва, 2011. – Вып. 15. – С. 24-29.
170. **Проскурин, С. Г.** Тематическая сеть языка и культуры / С. Г. Проскурин // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 335-353.

171. **Романов, А. А.** Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста / А. А. Романов // Текст в коммуникации: сб. науч. трудов. – Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – С. 82-100.
172. **Романов, А. А.** О перформативах в речевом акте (к проблеме постановки вопроса) / А. А. Романов // Содержательный анализ языковых единиц: межвуз. сб. – Барнаул, 1981.
173. **Романов, А. А.** Перформативный глагол и иллокутивная функция высказывания / А. А. Романов // Прагматические условия функционирования языка: сб. науч. тр. – Кемерово : КемГУ, 1987. – С. 3-10.
174. **Романов, А. А.** Прагматические особенности перформативных высказываний / А. А. Романов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин : КГУ, 1984. – С. 86-93.
175. **Романов, А. А.** Притяжение перформатива: Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней / А. А. Романов, Л. А. Романова. – Москва–Тверь : Ин-т языкознания РАН, 2009. – 156 с.
176. **Романов, А. А.** Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации / А. А. Романов, Л. А. Романова, Е. Г. Федосеева. – Москва, 2013.
177. **Романова, Е. Г.** Перформативы в ритуальных актах суггестивной коммуникации / Е. Г. Романова. – Москва, 2001.
178. **Романова, Л. А.** Генеративная прагматика композитных перформативов [Электронный ресурс] / Л. А. Романова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 118. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnaya-pragmatika-kompozitnyh-performativov> (дата обращения: 31.05.2021).

179. **Санников, С. В.** Перформативные свойства sacramентального языка. Протестантский подход / С. В. Санников // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2018. – № 21. – С. 95-99.
180. **Сепир, Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва, 1993.
181. **Сёрл, Дж.** Что такое речевой акт? / Дж. Сёрл // Философия языка. Изд. 2-е / под. ред. Дж. Сёрла. – Москва : Едиториал, 2010. – С. 56-74.
182. **Серль, Дж.** Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 242-263.
183. **Серль, Дж. Р.** Референция как речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13. Логика и лингвистика. – Москва : Радуга, 1982. – С. 179-202.
184. **Серль, Дж.** Природа Интенциональных состояний / Дж. Серль / Пер. с англ. А. Л. Никифорова / Сост. и предисл. В. В. Петрова; Общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987.
185. Сефер Йецира. Книга Авраама, называемая Книгой Созидания / Й. Сефер / Пер. с иврита, предисл. и коммент. И. Р. Тантлевского. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 161 с.
186. **Соколова, О. В.** Категория фрейма в когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] / О. В. Соколова // Вестник АГТУ. – 2007. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-freyma-v-kognitivnoy-lingvistike> (дата обращения: 19.06.2021).
187. **Соснина, А. А.** Магические свойства слова и их отражение в индоевропейских языках [Электронный ресурс] / А. А. Соснина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-1 (63). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskie-svoystva-slova-i-ih-otrazhenie-v-indoevropeyskih-yazykah> (дата обращения: 12.06.2021).

188. **Соссюр, Ф. де.** Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. рея. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
189. **Степанов, Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2001.
190. **Стернин, И. А.** Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : «Истоки», 2011. – 150 с.
191. **Стойнова, Н. М.** Нефутуральные употребления форм будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / Н. М. Стойнова. – Москва, 2016.
192. **Стросон, П. Ф.** Намерение и конвенция в речевых актах [Электронный ресурс] / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 17. – Москва : Прогресс, 1986. – 423 с. – URL : https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_2.htm (дата обращения: 27.02.2019).
193. **Сусов, И. П.** К предмету прагмалингвистики / И. П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста: межвуз. темат. сб. – Калинин, 1983. – С. 3-15.
194. **Тетерин, А. Е.** Критический дискурс-анализ Н. Фэркло как метод исследования многоуровневой политической реальности [Электронный ресурс] / А. Е. Тетерин // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-diskurs-analiz-n-ferklo-kak-metod-issledovaniya-mnogourovnevoy-politicheskoy-realnosti> (дата обращения: 11.05.2021).
195. **Топорков, А. Л.** Введение / А. Л. Топорков // Русские заговоры из рукописных источников XVII–первой половины XIX в. / Сост., подг.

- текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. – Москва : Индрик, 2010. – 832 с.
196. **Топоров, В. Н.** Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – Москва, 1993. – С. 3-104.
197. **Торчинов, Е. А.** Религии мира. Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника) / Е. А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1997. – 384 с.
198. **Труфанова, Н. А.** Коммуникативные стратегии в средневерхненемецких заговорных текстах [Электронный ресурс] / Н. А. Труфанова // Новый филологический вестник. – 2020. – № 3 (54). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-sredneverhnenemetskih-zagovornyh-tekstah> (дата обращения: 13.06.2021).
199. **Тюпа, В. И.** Перформативные основания лирики / В. И. Тюпа // XLII Международная филологическая конференция / Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 306-312.
200. **Уорф, Б. Л.** О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике, вып.1. – Москва, 1960; перепечатка «Зарубежная лингвистика». – Москва, 1999. – С.92-106.
201. **Урмсон, Дж. О.** Парентетические глаголы / Дж. О. Урмсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – Москва, 1985.
202. **Уфимцева, А. А.** Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – Москва : Знания, 1968. – 234 с.

203. **Фадеева, Л. В.** Заговоры с мотивом целительного рукоделия: традиционные образы и их книжно-религиозные параллели / Л. В. Фадеева // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. – Москва, 1997. Вып. 1. – С. 37-50.
204. **Федотчев, А. И.** Обратная связь по ЭЭГ в управлении лечебными музыкально-акустическими воздействиями / А. И. Федотчев // IX Международный междисциплинарный конгресс «Нейронаука для медицины и психологии». – Судак, Крым, Украина, 3-13 июня 2013 г. – С. 340-341.
205. **Филин, Ф. П.** О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Очерки по теории языкознания. – 1982. – № 8. – С. 227-239.
206. **Филлмор, Ч.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. – 1988. – С. 52-92.
207. **Фрезер, Дж. Дж.** Золотая ветвь: исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрезер. – Москва : Политиздат, 1980. – 832 с.
208. **Фрейденберг, О. М.** Происхождение греческой лирики / О. М. Фрейденберг // Лирика: Генезис и эволюция. – Москва, 2007.
209. **Фридрих, Г.** Структура современной лирики / Г. Фридрих. – Москва, 2010.
210. **Фуко, М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Москва : «Прогресс», 1977.
211. **Хабермас, Ю.** Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Ю. Хабермас // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV. Вып. 3-4. (13-14). – С. 303-320.
212. **Хайдеггер, М.** Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.

213. **Харитонов, В. И.** Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство: Статьи и материалы / В. И. Харитонов. – Москва, 1995. – 204 с.
214. **Харитонов, В. И.** Заговорно-заклинательная поэзия восточных славян: Конспекты лекций / В. И. Харитонов. – Львов : ЛГУ, 1992. – 100 с.
215. **Харре, Р.** Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой [Электронный ресурс] / Р. Харре // Epistemology & Philosophy of Science. – 2005. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnaya-psihologiya-soyuz-diskurs-analiza-s-neyronaukoj> (дата обращения: 16.06.2021).
216. **Хёйзинга, Й.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня [Электронный ресурс] / Й. Хёйзинга // Социология власти. – 2010. – № 7. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-ludens-v-teni-zavtrashnego-dnya> (дата обращения: 11.05.2021).
217. **Хельбиг, Г.** Проблемы теории речевого акта / Г. Хельбиг // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 5. – С.11-21.
218. **Хокшилд, А.** Управляемое сердце: коммерциализация чувств / А. Хокшилд. – Москва : Дело, 2019.
219. **Хомский, Н.** Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике, вып. 2. – Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 412-427.
220. **Христофорова, О. Б.** Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России / О. Б. Христофорова. – Москва, 2010.
221. **Цветаева, М. И.** Собрание сочинений в семи томах. Т. 1-3. / М. И. Цветаева. – Москва : Терра, Книжная лавка - РТР, 1997.
222. **Цветков, Н. В.** К методологии компонентного анализа / Н. В. Цветков // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2.

223. **Черванёва, В. А.** Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? / В. А. Черванёва // Шаги / Steps. – 2019. – Т. 5. – № 2. – С. 36-52.
224. **Черепанова, И. Ю.** Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики / И. Ю. Черепанова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995.
225. **Черепанова, И. Ю.** Российская суггестивная лингвистика – верно направленное влияние языка на подсознание людей [Электронный ресурс] / И. Ю. Черепанова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2014. – Вып. 35. – С. 1-4. – URL : <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 04.05.2017).
226. **Черепанова, О. А.** Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях / О. А. Черепанова // Язык жанров русского фольклора. – Петрозаводск, 1977. – С. 44-57.
227. **Чернявская, Т. В.** Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / Т. В. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2011. – № 3. – С. 86-95.
228. **Четыркина, И. В.** Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных текстов) / И. В. Четыркина // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр. – Краснодар, 2002. Т. 1. – С. 226-232.
229. **Шемякина, А. В.** Заклинательные перформативные акты [Электронный ресурс] / А. В. Шемякина // Lingua mobilis. – 2012. – № 4 (37). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zaklinatelnye-performativnye-akty> (дата обращения: 26.06.2021).
230. **Шестеркина, Н. В.** Соотношение народной молитвы и заговора / Н. В. Шестеркина // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 18. – С. 96-108.

231. **Шехнер, Р.** Теория перформанса / Р. Шехнер. – Москва : V-A-C Press, 2020. – 488 с.
232. **Шиндин, С. Г.** Семантическая трансформация архаической ритуальной практики в восточнославянских заговорах / С. Г. Шиндин // Концепт движения в языке и культуре / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 1996. – С. 142-166.
233. **Шпенглер, О.** Закат Европы ; пер. А. А. Франковский / О. Шпенглер. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 237 с.
234. **Шустова, С. В.** Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход / С. В. Шустова. – Пермь, 2010.
235. **Элиаде, М.** Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : Издательство МГУ, 1994. – 144 с.
236. **Элиас, Н.** О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. – Т. 1, 2. – Москва, Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001 (нем. 1939). – Т. 1: 332 с. – Т. 2. – 382 с.
237. **Юдин, А. В.** Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. – Москва, 1997.
238. **Юдин, А. В.** Об именах звезд-«помощниц» в русских заговорах / А. В. Юдин // Язык русского фольклора. – Петрозаводск, 1992. – С. 66-71.
239. **Юманова, Т. С.** Номинация лица в русских народных заговорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Татьяна Семеновна Юманова. – Ленинград, 1988. – 17 с.
240. **Якобсон, Р. О.** Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон / Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – Москва, 1975.

241. **Amrhein, P. S.** The comprehension of quasi-performative verbs in verbal commitments: new evidence for componential theories of lexical meaning / P. S. Amrhein // *Journal of Memory and Language*. – 1992. – Vol. 31. – No. 6. – P. 756-784. DOI: 10.1016/0749-596x(92)90038-y.
242. **Austin, J.** Performative — constative / J. Austin / *Philosophy and ordinary language*. – Urbana, 1963.
243. Brain changes during a shamanic trance: Altered modes of consciousness, hemispheric laterality, and systemic psychobiology, Pierre Flor-Henry, Yakov Shapiro & Corine Sombrun, *Cogent Psychology*. – 2017. – № 4: 1313522.
244. **Butler, J.** Excitable Speech: A Politics of the Performative / J. Butler. – New York, London : Routledge, 1997. – 185 p.
245. **Carr, Ch.** Illocutionary acts / Ch. Carr. – Tucson : The University of Arizona, 1975.
246. **Cornford, F.** The Origin of Attic Comedy / F. Cornford. – London : Edward Arnold, 1914.
247. **Dijk, T. A. van.** Some aspects of Text Grammar: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics / T. A. van. Dijk. – The Hague; Paris; Mouton, 1972. – 375 p.
248. **Fillmore Charles, J.** Types of Lexical Information / J. Fillmore Charles // In: *Studies in Syntax and Semantics* (ed. by F. Kiefer). – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company (= *Foundations of Language*, Vol. 10), 1969. – P. 109-137.
249. **Fraser, B.** Hedged Performatives. In: *Syntax and Semantics* / B. Fraser. – New York etc. : Academic Press, 1975. – Vol. 3, *Speech Acts*. – P. 187-210.
250. **Gaster, M.** Two Thousand Years of a Charm against the Child-Stealing Witch / M. Gaster // *Folklore*. – Vol. 11, No. 2 (Jun., 1900). – P. 129-162.

251. **Haverkate, H.** Impositive Sentences in Spanish: Theory and Description in Linguistic Pragmatics / H. Haverkate. – Amsterdam etc. : Holland Publ. Co., 1979. – 194 p.
252. **Katz, J.** Propositional Structure and Illocutionary Force. A Study of the Contribution of Sentence, Meaning to Speech Acts / J. Katz. – New York : Harvester Press, 1977. – 249 p.
253. **Kaufmann, L.** Pouvoir des mots, effet des sorts: quelques réflexions sur l'entrée en action sorcellaire [Electronic resource] / L. Kaufmann // SociologieS [Online], Files, Affecter, être affecté. Autour des travaux de Jeanne Favret-Saada. – URL : <http://journals.openedition.org/sociologies/4709>.
254. **Khristoforova, O.** «You Will Remember Me»: Witchcraft and Power in Russian Local Society / O. Khristoforova // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 23-29.
255. **Leech, G.** Metalanguage, Pragmatics and Performatives / G. Leech // In: Semantics: Theory and Application / Ed. By C. Rameh. – Washington : Georgetown Univ. Press, 1976.
256. **Molina, S.** Teaching Performative Verbs and Nouns in EU Maritime Regulations / S. Molina // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – № 141. – P. 90-95. 10.1016/j.sbspro.2014.05.017.
257. **Murray, G.** Excursus on the Ritual Forms Preserved in Greek Tragedy / G. Murray // Harrison J. E. Themis: A study on the Social Origins of Greek Religion. – Cambridge : Cambridge University Press, 1912.
258. **Nicolić, D.** Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers / D. Nicolić // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 69–86.

259. **Rassolova, O. A.** Performative as an indicator of utterance addressness [Electronic resource] / O. A. Rassolova // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (дата обращения: 16.06.2021).
260. **Ross, G.** On declarative sentences / G. Ross // In: Reading in English Transformational Grammar / ed. By R. Jacobs and P. Rosenbaum. – Waltham, Mass : Ginn, 1970. – P. 377-397.
261. **Rudan, E.** How to Die More Easily: Charms and Charm Devices on a Person's Deathbed / E. Rudan, J. Tomašič // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 45-69.
262. **Searle, J.** The Construction of Social Reality / J. Searle. – New York : Free Press, 1995.
263. **Spät, E.** Gifts from the Sky: Yezidi Sacred Objects as Symbols of Power, Tools of Healing and Seals of Divine Favour / E. Spät // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 213-237.
264. **Stampe, D. M.** Meaning and Truth in the Theory of Speech Acts. In: Syntax and Semantics / D. M. Stampe. – New York etc. : Academic Press, 1975. – Vol. 3. Speech Acts. – P. 1-39.
265. **Stewart, M.** 'Denuncio pero lo lamento ...': Attitudinal hedges and the pragmatics of the explicitly performative verb in Spanish. *Multilingua* / M. Stewart. – 2013. – № 32. 10.1515/multi-2013-0002.
266. **Uexküll, J. von.** A Stroll through the Worlds of Animals and Men / J. von. Uexküll // Instinctive Behavior: The Development of a Modern Concept. – N.Y. : International Universities Press, 1957.
267. **Veselova, I. S.** Transforming Reality: Personal Names in Ritual Speech. The Vinogradie or "Song of Praise" from the Russian North / I. S.

- Veselova // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 269-281.
268. **Viljakainen, M.** How Miina Huovinen's incantations are structured / M. Viljakainen / Oral Charms in Structural and Comparative Light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. – 27-29 October 2011, Moscow.
269. **Vukelić, D.** Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition / D. Vukelić // Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life. É. Pócs (ed.). – Ljubljana, 2019. – P. 69-86.
270. **Wierzbicka, A.** Semantics: primes and universals / A. Wierzbicka. – Oxford & New York : Oxford University Press, 1996. – 500 p.
271. **Williams, F. E.** The Drama of the Orocolo / F. E. Williams. – Oxford : Oxford University Press, 1940.

Словари, справочники, указатели

272. **Арутюнова, Н. Д.** Речевой акт / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990.
273. **Арутюнова, Н. Д.** Перформатив / Н. Д. Арутюнова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – Москва, 1998. – С. 372-373.
274. **Бобунова, М. А., Хроленко, А. Т.** Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 314 с.
275. Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / Авторы-составители Т. А. Агапкина, А.Л. Топорков. – Москва : «Индрик», 2014. – 320 с.

276. Интенциональность. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014.
277. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. – Москва : Вена, 2004.
278. Перформанс [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов / под ред. Н. Г. Комлева. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-43139.htm> (дата обращения: 16.11.2020).
279. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. – Новосибирск, 1997.
280. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т.4. – Москва : Азбуковник, 2007. – 924 с.
281. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1856–1880 / Сост. А. И. Васкул. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 576 с.
282. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
283. Словарь церковно-славянского и русского языка. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1847.
284. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1-4. – Санкт-Петербург; Москва : т-во М. О. Вольф, 1903-1911.
285. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание: Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст] / под ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 1999. – 693 с.

286. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – URL : https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 25.06.2021).
287. **Юдин, А. В.** Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. — М.: МОНФ, 1997.
288. **Roper, J.** English Verbal Charms. – Helsinki, 2005.

Приложение 1. Классификации заговорных перформативных единиц

Таблица 1. Речеактовая классификация заговорных эксплицитных перформативов

РА	Глаголы обращения	Социальные	Ритуально-магические	Прочие
Просьба	прошу, прибегаю			
	молю / молюсь			
	умоляю			
	жалуюсь			
Приказ	приказываю			

Призыв изгнание /	призываю			
	вызываю			
	выкликаю			
Запрет				запрещаю
Благодарность				благодарю
Хвала				хваляю
Напоминание				напоминаю
Социальные РА эксклюзии		отрекаюсь		
		отлучаю		
Социальные РА инклюзии		кланяюсь / поклоняюсь		
		отдаю (себя)		
		корюсь / корюся		

		предаюсь		
Заговор / заклинание			говорю	
			глаголю	
			уговариваю	
			отговариваю (-сь)	
			приговариваю (-сь, -ся)	
			заговариваю (-сь, -ся)	

		заклинаю	
		ворожу	

Таблица 2: Семантическая классификация заговорных эксплицитных перформативных глаголов

Глаголы речевого воздействия			Глаголы речевого действия			
Глаголы с семантикой обращения		Глаголы с семантикой призыва	Глаголы со значением социального взаимодействия		Глаголы с семантикой речи	
					рит.-маг.	другие
просьба	приказ		экслюзия	инклюзия		
молюсь/молюся/молю ти ся	приказываю	призываю	отрекаюсь		заговариваю	запрещаю
прошу		вызываю	отлучаю	отдаю (себя)	уговариваю	благодарю
молю		выкликаю		предаюсь	отговариваю	славлю
умоляю		поминаю		кланяюсь/покланяюсь	приговариваю	напоминаю
жалуюсь				корюсь/корюся	наговариваю	
прибегаю					выговариваю	

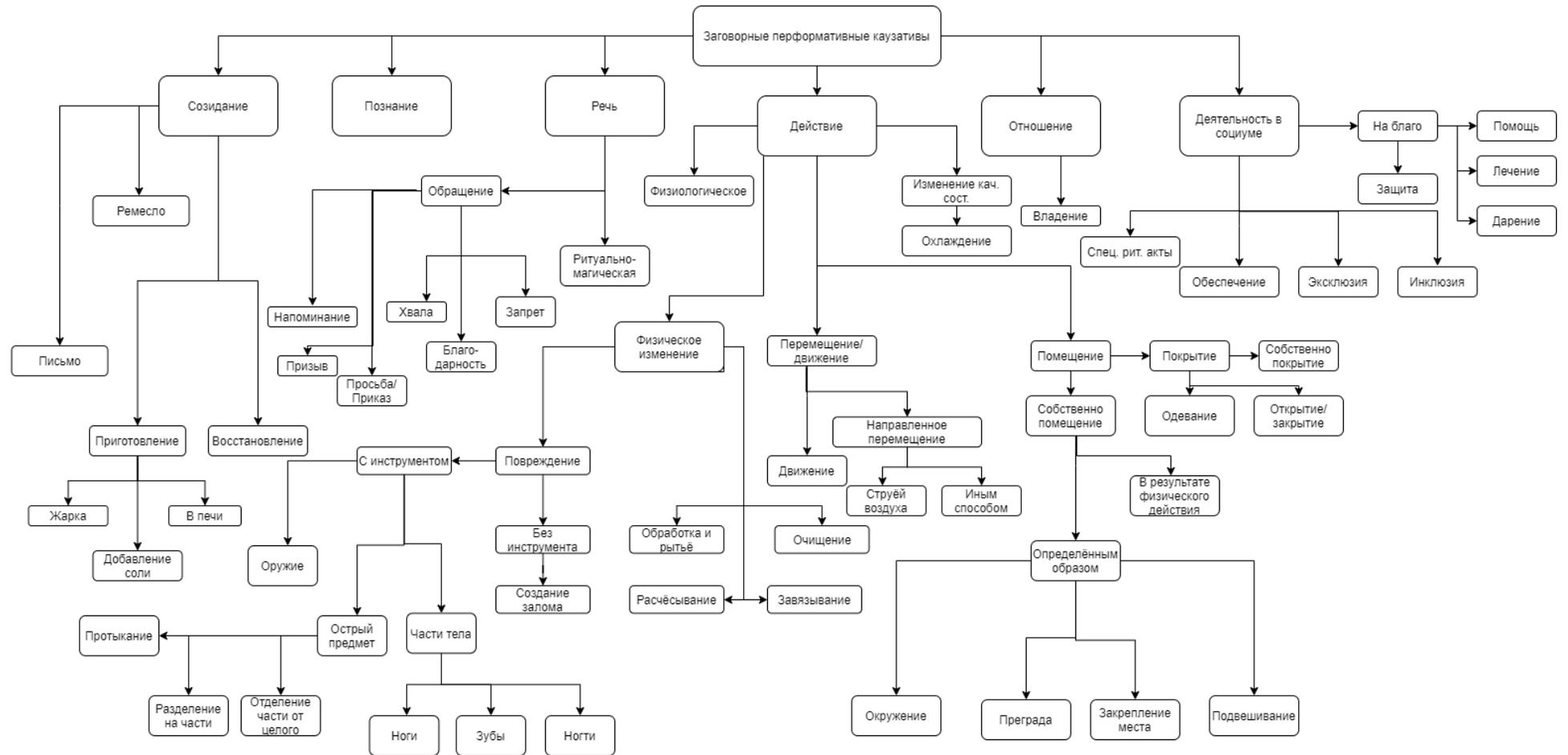
приказы аю					закли- наю	
---------------	--	--	--	--	---------------	--

Таблица 3. Интегральные и дифференциальные семы заговорных социальных перформативов

	установить	речевое действие	отношения принадлежности/непринадлежности		отдаление	доверие	смирение	уважение	направленность	
			зависимость (принадлежность)	независимость (непринадлежность)					субъект	адресат
отрекаюсь	+	+		+	+				+	

отлучаю	+	+		+	+					+
предаюсь	+	+	+			+			+	
отдаю (себя)	+	+	+		+				+	
корюсь	+	+	+				+		+	
кланяюсь	+	+	+					+	+	

Схема 1: Заговорные перформативные каузативы

График 1: Перлокутивность заговорных эксплицитных перформативов

Примечание 1: Линия демонстрирует возрастание перлокутивности перформативного глагола и речевого акта.

Примечание 2: Цифрами (1-7) обозначены соответствующие речевые акты (просьба – заговор).

Рисунок 1 – Функционально-семантическая полевая структура заговорной перформативности

Приложение 2. Примеры статей словаря «Перформативные глаголы в русских заговорах»

Жалуюсь (1)

Группа: канонический,

Подгруппа: директив.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф}}$. испытывает сочувствие), инт. (цель заговора), БФ $S_{1я}$, МФ $S_{2\text{миф}}$., адрес. $S_{\text{миф}}$., КМ перформ. РА, мод. реальн.

Иллюстративный материал: Мать ты моя, вечерняя звѣзда, жалуюсь я тебѣ на двѣнадцать дѣвицъ, на Иродовыхъ дочерей [Майков 1869: 52].

Наговариваю (1)

Группа: канонический,

Подгруппа: ритуально-магический.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S подвергается вербальному магическому воздействию), инт. (цель заговора), БФС, КМ акц., мод. реальн.

Царь Хлѣбъ [Глебъ — прим. Л. Майкова.], не я тебѣ наговариваю, отговариваю отъ всякаго гада, отъ скверной нечистоты, отъ шальной собаки (такой-то шерсти); наговариваю, отговариваю (имя рекъ) изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горячей крови, изъ тощаго живота, изъ дробныхъ кишокъ [Майков 1869: 69].

Порю (1)

Группа: полуперформатив.

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S подвергается разрушению (протыкание) при помощи O), инт. (защита $S_{1я}$ от S), БФС $S_{1я}$, МФ S , КМ акц., мод. ирреальн.

Кто на меня лихо подумает, тому кол в горло, нож в сердце. Колом корю, ножом порю, замкну замком, защелкну языком [Болонев и др. 1997: 385].

Секу (2)

Группа: полуперформатив

Толкование: 1. Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф.}}$ разрушается (разделение на части) при помощи О), инт. (излечение), БФС₁, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. реальн.

Съку, отсъкаю, рублю, перерубаю, съку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40-41].

2. Перформ. => я-кауз. (из О высекается огонь), образ д. ударом по кремню, инт. (излечение), БФС, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. реальн.

Были родимчики, золотушка, это когда всё разматается, в болячках, иногда и глаз не видно; нельзя было ничем мазать — так засекали, делали кремень, камень о камень, говорили:

«— Чего секёшь?

— Секу золотушку.

— Секи хорошенько, чтобы век не бывало». [Адоньева, Степанов 2020: 181].

Отсекаю (1)

Группа: полуперформатив

Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф.}}$ разрушается (отделение части от целого) при помощи О), инт. (излечение), БФС₁, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. реальн.

Съку, отсъкаю, рублю, перерубаю, съку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40-41].

Рублю (2)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф.}}$ разрушается (разделение на несколько частей) при помощи О), инт. (излечение), БФС₁, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. реальн.

Съку, отсъкаю, рублю, перерубаю, съку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40-41].

Перерубаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф}}$ разрушается (разделение на несколько частей) при помощи O), призн. полностью, инт. (излечение), БФС₁, МФ $S_{\text{миф}}$., КМ акц., мод. реальн.

Сѣку, отсѣкаю, рублю, перерубаю, сѣку, рублю колотье острымъ ножикомъ [Майков 1869: 40-41].

Черпаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($O_{\text{жидкость}}$ помещён в ёмкость), инт. (излечение от змеиного укуса), БФС, КМ акц., мод. ирреальн.

Во морскомъ озерѣ, во святомъ колодцѣ черпаю я воду, отговариваю, приговариваю отъ той отъ лютой отъ мѣдьяницы, отъ золотой головы [Майков 1869: 73].

Утверж(д)аю (3)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (O крепок, твёрд/истинен), инт. (защита от $S_{\text{миф}}$; излечение), БФС₁, КМ акц., зачин, мод. ирреальн.

Утверждаю поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ отмыкаю въ небѣ, ключъ въ морѣ; какъ морю огненну не бывать, изъ моря ключей, кромѣ меня, не вынимать, а замка не отпирать; аминь [Майков 1869: 109].

А какъ соборная церковь замыкается и затвержается, такъ и я, рабъ (имя рекъ), утверждаю и укрѣпляю всѣмъ словамъ и приговорамъ, съ нынѣ до вѣка, аминь [Майков 1869: 95].

Приступаю я, рабъ Божій, къ поклажѣ сей, окружаю въ ширину и глубину, утверждаю Божьимъ словомъ; пошли мнѣ, Господи, помощника, архангела Уріила, отогнать демонскую силу, отъ сей черты окруженной, отъ еретика, и отъ волшебника [Майков 1869: 109].

Заламываю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О надломлен), образ д. сгиб, инт. (излечение), БФС, КМ акц., зачин, мод. ирреальн.

Выйду я, рабъ Божій (имя рекъ), на востокъ солнца и помолюсь Господу Богу Иисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ, къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и на то я заламываю, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и лому, и всякую болѣзнь, и семьдесятъ-три травы всѣ прирываю и цвѣты приламываю, и въ человѣкѣ семьдесятъ-три сустава; аминь [Майков 1869: 95].

Прирываю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О присыпан землѣй), призн. слегка, инт. (излечение), БФС, КМ акц., зачин, мод. ирреальн.

Выйду я, рабъ Божій (имя рекъ), на востокъ солнца и помолюсь Господу Богу Иисусу Христу и Пресвятой Богородицѣ, къ этой травѣ чупрынѣ прихожу и на то я заламываю, что она у раба Божія (имя рекъ) изъ руки (или ноги) выгнала притку и лому, и всякую болѣзнь, и семьдесятъ-три травы всѣ прирываю и цвѣты приламываю, и въ человѣкѣ семьдесятъ-три сустава; аминь [Майков 1869: 95].

Кладу (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S_{миф.} помещён на какое-либо место), инт. (получение информации) с инт. (излечение)), БФС, КМ акц., зачин, мод. реальн.

Ложусь я, рабъ Божій, спать на Сіонскихъ горахъ, во святой церкви; кладу три ангела въ головахъ: одного подслушивать, другого подглядывать, третьяго подсказывать [Майков 1869: 102].

Отпираю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О_{замок}, задвижка открыт), инт. (защита от S в дороге), БФС_{1я}, КМ наррат., мод. ирреальн.

Подхожу я къ церкви, благословяся, Богу помоляся, отпираю я двери: по правую сторону стоитъ Матушка Пресвятая Богородица, много Она для насъ милослива; а по лѣвую сторону лежитъ мертвецъ, головой онъ головастый, волосомъ ослистый, подъ нимъ рѣзвья ноженьки опустились, бѣлыя рученьки покатились, умъ-разумъ помѣшался, его скверный языкъ въ темя вытягался, челюсти его поганья затворились, глазыньки закрылись; такъ бы и встрѣшный меня злодѣй испугался, какъ грому боялся, ни въ пиру, ни въ бесѣдѣ со мной не проклажался; аминь [Майков 1869: 105].

Окружаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О обведѣн кругом/защищѣн), инт. (защита от S_{миф.}), БФС_{1я}, КМ зачин., мод. реальн.

Приступаю я, рабъ Божій, къ поклажѣ сей, окружаю въ ширину и глубину, утверждаю Божьимъ словомъ; пошли мнѣ, Господи, помощника, архангела Уріила, отогнать демонскую силу, отъ сей черты окруженной, отъ еретика, и отъ волшебника [Майков 1869: 109].

Ограждаюсь (-ся) (2)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (создана ограда вокруг О), инт. (защита от S), БФС₁, КМ зачин, акц., мод. реальн., ирреальн.

Крестъ на шѣ, рабѣ Божиємъ (имя рекъ), крестомъ я, рабѣ Божій (имя рекъ), *ограждаюся* отъ сопротивника своего, еретика, еретницы, отъ клеветницы; замыкаюся я, рабѣ Божій (имя рекъ), отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвиць [Майков 1869: 92].

Печать на мнѣ Христова и Спасова рука, Пресвятыя Богородицы замокъ; крестомъ крещусь, крестомъ веселюсь, облекусь, крестомъ діавола прогоняю, крестомъ *ограждаюсь* отъ врага и супостата [Майков 1869: 152].

Другие формы: ограждаючи

Лягу я, рабѣ Божій (имя рекъ), помолюся, перекрестясь, умоюся святою водою, утреннею рососою, утруся бѣлымъ тканымъ полотенцемъ; пойду я, рабѣ Божій (имя рекъ), изъ избы дворами, съ двора воротами, на улицу Сіонску взираючи, крестомъ себя *ограждаючи*; погляжу я, рабѣ Божій (имя рекъ), въ чистое поле, въ зелено поле, около моря [Майков 1869: 60].

Вариант: ограду ставлю

... закрой и защиты, Господи, раба Божія (имя рекъ), пастуха, и мое счетное стадо коровье, конное и овечье милостію Божіею и архангеломъ Михаиломъ и Храбрымъ Георгіємъ. И сими молитвами и словами *ограду ставлю* [Майков 1869: 115].

Заряжаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (помещение заряда в О), инт. (успех в промысле), бФС, км акц., мод. реальн.

А я, раб Божий {имярек), заряжаю свое калено ружье сизым-черным порохом, селитрой и пулей свинцовой [Болонев и др. 1997: 292].

Зарываю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О закопан под землю), инт. (успех в земледелии), БФС, КМ акц., мод. реальн.

Как зайду я на первый узел, и *зарываю* ету крошечку на четыре угла, и начинаю сеять [Болонев и др. 1997: 299].

Сажу (2)

Группа: полуперформатив

Толкование: 1. Я-перформ. => я-кауз. (О помещён куда-либо), инт. (успех в промысле), БФС, КМ акц., мод. реальн.

Батюшка Изосима-совестник, как Вы брали насекомую в городе Иерусалиме, на горе святой на Артипе, садили в свой неспящий костыль дерева кипаризу, так же я, раб Божий (имярек), беру свою насекомую пчелу — градскую мошку и *сажу* в неспящий костыль — дерево пихту. Встаю я по утренней заре и запускаю свою насекомую пчелу — градскую мошку из ранней пасеки на тридевять цвету, на тридевять вербей нести белого меду, желтого воску в неспящий костыль, в дерево пихту [Болонев и др. 1997: 321].

2. Перформ. => кауз. (О закопан в земле для выращивания), инт. (урожай), БФС, КМ акц., мод. реальн.

Я капустоньку сажу, огород я горожу [Адоньева, Степанов 2020: 202].

Запускаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О начинает лететь), инт. (успех в промысле), БФС, КМ акц., мод. реальн.

Батюшка Изосима-совестник, как Вы брали насекомую в городе Иерусалиме, на горе святой на Артипе, садили в свой неспящий костыль дерева кипаризу, так же я, раб Божий (имярек), беру свою насекомую пчелу — градскую мошку и *сажу* в неспящий костыль — дерево пихту. Встаю я по утренней заре и *запускаю* свою

насекомую пчелу — градскую мошку из ранней пасеки на тридевять цвету, на тридевять вербей нести белого меду, желтого воску в неспящий костыль, в дерево пихту [Болонев и др. 1997: 321].

Топчу (3)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О попирается ногами), инт. (защита от S), БФС₁, КМ акц., мод. реальн.

Я не порог топчу, я его, раба (имярек), топчу, я ему (имярек) сердце топчу, я ему (имярек) резвость укрощаю [Болонев и др. 1997: 379].

Колю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S разделён на части при помощи O), инт. (защита от S), БФС₁, МФS, КМ акц., мод. ирреальн.

Колом колю, ножом порю... [Болонев 1997: 385]

Втыкаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (O_{острый предмет} входит внутрь чего-либо), инт. (защита от S₁), БФС_я, МФS₁, КМ акц., мод. реальн.

Нож в землю *втыкаю* — злым людям и колдунам язык подрезаю [Болонев и др. 1997: 397].

Сдуваю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (O удалён откуда-либо), образ д. при помощи струи воздуха, инт. (излечение), БФС_я, КМ акц., мод. реальн., ирреальн.

Выговариваю в скулу с бурой головы, с ясных очей, с румяного лица, с горячей крови, с подхребетника, с ретивого сердца, с костиков *сдуваю* на сухие леса, ссылаю тебя туда: там тебе хочется валяться, у рабы Божьей в костях не отрыгаться! [Болонев и др. 1997: 397].

Кидаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О перемещается в заданном направлении), образ д. по воздуху, инт. (излечение), БФС_я, КМ акц., мод. реальн., ирреальн.

И *кидаю*, и бросаю все болезни, все скорбезни [Болонев и др. 1997: 417].

Бросаю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (О перемещается в заданном направлении), образ д. по воздуху, инт. (излечение), БФС_я, КМ акц., мод. реальн., ирреальн.

И *кидаю*, и *бросаю* все болезни, все скорбезни [Болонев и др. 1997: 417].

Вытаптываю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S_{миф.} уничтожается), образ д. посредством топтания ногами, инт. (излечение), БФС_{1я}, КМ акц., мод. реальн.

Рожа синяя, рожа белая, красная рожа, желтая рожа, подуманная рожа, погаданная рожа, замоченная рожа, заветрянная рожа, огневая, я тебя выгоняю, выкуриваю, *вытаптываю* [Болонев и др. 1997: 417].

Загрызаю (5)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. (S_{миф.} умертвлён, растерзан), образ д. зубами, инт. (излечение), БФС, МФS_{миф.}, грыжа, КМ акц., мод. реальн.

Раба Божия Анна у раба Божьего Ивана *заедаю, загрызаю* тридцать-единую грыжу, тридцать-единый сустав, головную, мозговую, глазную, носовую, ротовую, ручную, локотную и подлокотную, и кожную, и ногтевую, и кровяную [Адоньева, Степанов 2020, Т.1: 78].

Другие формы: *загрызала* (1)

Бабушка Соломонія мыла, парила раба Божія (имя рекъ), въ парной байнѣ, заѣдала, *загрызала* и заговаривала грыжнѣя грыжи [Майков 1869: 56]

Грызу (6)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф. укушен}}$), образ д. *зубами*, призн. *сильно*, инт. (излечение), БФС, МФ $S_{\text{миф.}}$, *грыжа*, КМ акц., мод. *реальн.*

Младенцу (имярек) *грызу* грыжу, *грызу* грыжу, *грызу* грыжу! [Болонев 1997: 447].

Грызу грыжу, *мощи грызу*, *кости грызу*, *грыжу загрызаю* [Болонев 1997: 448].

Прикальваю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($S_{\text{миф. присоединяется к О}}$), образ д. *чем-либо острым*, призн. *слегка*, инт. (излечение), БФС, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. *реальн.*

Кальваю, *прикальваю*, *закальваю* все скорби-болезни, у рабы Божьей (имярек) *закальваю* [Болонев 1997: 457].

Кальваю (1)

Группа: полуперформатив

Толкование: Я-перформ. => я-кауз. ($O_{\text{острый вонзается во что-либо}}$), образ д. *чем-либо острым*, призн. *слегка*, инт. (излечение), БФС, МФ $S_{\text{миф.}}$, КМ акц., мод. *реальн.*

Кальваю, *прикальваю*, *закальваю* все скорби-болезни, у рабы Божьей (имярек) *закальваю* [Болонев 1997: 457].

Используемые сокращения и обозначения:

Перформ. — перформатив,

Кауз. — каузация,

⇒ — приводит к следующей ситуации,

S — субъект,

O — объект,

Инт. — интенция,

БФ — бенефактор,

МФ — малефактор,

КМ — конструктивное место,

Мод. — модальность,

Призн. — признак,

Образ д. — образ действия,

Акц. — акциональная часть,

Перформ. РА — перформативный речевой акт,

Наррат. — нарративная часть,

Заамин. — зааминивание,

Молитв. — молитвенное вступление,

Адрес. — адресованность,

Реальн., ирреальн. — реальная, ирреальная,

Миф. — мифопоэтический.

Приложение 3. Скриншоты программы для управления электронным словарём перформативных глаголов в русских заговорах

Электронный словарь перформативных глаголов в русских заговорах

The screenshot shows the software interface for the electronic dictionary. It features a search window titled 'О словаре' and a main window displaying a detailed article for the verb 'жалуюсь'.

Search Window (О словаре):

- Administrative: О словаре...
- Search: По глаголу: [input field]
- Group: По группе: [input field]
- Verbs List:
  - Жалуюсь (1)
  - Заламываю (1)
  - Запускаю (1)
  - Зарываю (1)
  - Заряжаю (1)
  - Кладу (1)
- Description: Категории(подкатегория): [input field]

Main Window (О словаре):

О словаре

Заговорные тексты предоставляют богатый лексический материал, который может послужить основой системного лексикографического описания. В качестве лексики, репрезентирующей основные свойства заговора как жанра, особо выделяются перформативные глаголы [Куликовская 2018; 2020]. Указание на необходимость словарного описания перформативных глаголов делались, в частности, Ю. Д. Апресяном [Апресян 1986].

Разработанный нами словарь перформативных глаголов в русских заговорах относится к словарям интегрального типа. Структура толкования полностью оригинальна: в её основу положен коммуникативный принцип, при котором учитываются коммуникативные роли и иллокутивные характеристики высказывания.

В качестве метаязыка используется русский язык.

В основу положена разработанная нами классификация магических перформативных глаголов, выполненная по результатам анализа текстового материала.

Структура словарной статьи. Нами использовался принцип толкования значения с опорой исключительно на заговорный контекст. Например, исключаются такие значения слова «заговаривать», как «начинать говорить» или «заговаривать зубы».

Каждая статья сопровождается ссылками на классификационные разделы, к которым относится данное слово. В структуре толкования присутствуют следующие параметры:

1) каузативность (при помощи перформативного глагола каузатива переход от Ситуации 1 к

Показывать окно "О словаре"

Электронный словарь перформативных глаголов в русских заговорах

The screenshot shows the software interface for the electronic dictionary. It features a search window titled 'О словаре' and a main window displaying a detailed article for the verb 'жалуюсь'.

Search Window (О словаре):

- Administrative: О словаре...
- Search: По глаголу: [input field]
- Group: По группе: [input field]
- Verbs List:
  - Жалуюсь (1)
  - Заламываю (1)
  - Запускаю (1)
  - Зарываю (1)
  - Заряжаю (1)
  - Кладу (1)
  - Наговариваю (1)
  - Ограждаю (-ся) (2)
  - Окружаю (1)
  - Оттираю (1)
  - Отсекаю (1)
  - Перерубаю (1)
  - Порою (1)
  - Прирываю (1)
  - Рублю (2)
  - Сажу (2)
  - Секу (2)
  - Топчу (3)
  - Утверждаю (3)
  - Черпаю (1)
- Description: Категории(подкатегория): Канонические(Нет)

Main Window (О словаре):

О словаре

Толкование: Я-перформация - я-каузация (S₁ифологический испытывает сочувствие), интенция (цель заговора), бенефактив S₁я, малефактив S₂ифологический, адресат S₂ифологический, место перформативный РА, модальность реальная.

Мать ты моя, вечерняя звезда, жалуюсь я тебя на двѣнадцать дѣвицъ, на Иродовыхъ дочерей [Майков 1869: 52].

Администрирование категорий и подкатегорий

Категории:	Подкатегории:
<input type="text"/> Канонические Квазиперформативы Квазиполуперформативы Полуперформативы	Обращения Ритуально-магические Социально-институциональные
<input type="button" value="Добавить"/> <input type="button" value="Удалить"/>	<input type="button" value="Добавить"/> <input type="button" value="Удалить"/>

Распределение глаголов по категориям и подкатегориям

Глаголы:	Категории, в которых состоит глагол:	Все категории:
<input type="text"/> Жалуюсь (1) Заливаю (1) Залуживаю (1) Залуживаю (1) Зарываю (1) Зарываю (1) Зарываю (1) Кладу (1) Наговариваю (1) Ограждаюсь (-ся) (2) Окружаю (1) Оттираю (1) Отсекаю (1) Перерубаю (1) Порою (1) Привыкаю (1) Рублю (2) Сажу (2) Сежу (2) Топчу (3) Утверждаю (3) Черпаю (1)	Подгруппа: Обращения Полуперформативы	Канонические Квазиполуперформативы Квазиперформативы
	<input type="button" value=" <<"/> <input type="button" value=" >>"/>	

**Приложение 4. Патент на программу для управления электронным
словарём перформативных глаголов в русских заговорах**

